

ЮНОСТЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ С ИЮНЯ 1955 г.

№ 12 (659) • 2010

ТЕМА НОМЕРА:

ЖЕНСКИЕ ВЕДЫ, ИЛИ КАК ДОСТИЧЬ ЖЕНСКОГО СЧАСТЬЯ

ПОЭТ — ПРОРОК? КАКИЕ
ГЛУПОСТИ! ПОЭТ — ЭТО УХО

ОПАСНОСТИ ЖЕНСКОЙ
СВОБОДЫ

ФАМИЛИЯ ПАЦИЕНТА — БУНИН.
ФАМИЛИЯ ДОКТОРА — ЧЕХОВ

НАСЛЕДИЕ: НАТАН ЗЛОТНИКОВ

СЛОВНО ПИСЕМ КЛОЧКИ,
СНЕГ ЛЕНИВО ПАРИТ

РУБАНОВА, СПЕРМАТОЗОИДЫ
И ХЕППИ-ЭНД

ШИРОК РАБОЧИЙ СТОЛ,
А МЫСЛЬ УЗКА И СКОЛЬЗКА

РУССКИМ ПИСАТЕЛЯМ (А ЧЕРЕЗ
НИХ И ЧИТАТЕЛЯМ) ЕСТЬ ЧТО
СКАЗАТЬ АНГЛОЯЗЫЧНОМУ
МИРУ

ГЛАВНОЙ ФИГУРОЙ ФИЛЬМОВ
ТАРКОВСКОГО ЯВЛЯЕТСЯ
ХУДОЖНИК В СОСТОЯНИИ
КРИЗИСА, А НЕРЕДКО
И ТВОРЧЕСКОГО БЕСПЛОДИЯ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ВАСИ-КОСМОНАВТА

КОРЕНЬ У ГРАФОМАНА
С ГРАФОМ ОБЩИЙ: ГРАФ

НА ОХТЕ НЕ ОХАЙ,
А НА ТОМИ НЕ ТОМИ!

ИЗЛИШНЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ,
НАПРАСНОЕ КРАСНОРЕЧИЕ —
И ВОТ РЕЗУЛЬТАТ: ДЕСЯТЬ
ЧЕРТЕНЯТ, КОПАНИЕ
В ПОДСОЗНАНИИ, СУБЛИМАЦИЯ

ISSN 0132-2036

9 770132 203600

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС 71120

ISSN 0132-2036

E-MAIL: UNOST-CONTACT@MAIL.RU

HTTP://UNOST.ORG

ЮНОСТЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ С ИЮНЯ 1955 Г.

№ 12 (659) • 2010

«ЮНОСТЬ» © С. Красукас. 1962 г.

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Юность».

«ЮНОСТЬ» — зарегистрированный товарный знак, являющийся собственностью трудового коллектива редакции журнала «Юность».

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

подписной индекс **71120**

ISSN **0132-2036**

E-mail: unost-contact@mail.ru
<http://unost.org>

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Лев АННИНСКИЙ
Зоя БОГУСЛАВСКАЯ
Валерий ЗОЛОТУХИН
Елена ИСАЕВА
Кирилл КОВАЛЬДЖИ
Валерий КОЗЛОВ
Владимир КОСТРОВ
Нина КРАСНОВА
Татьяна КУЗОВЛЕВА
Валентина ЛАНЦЕВА
Евгений ЛЕСИН
Георгий ПРЯХИН
Владимир РАДЧЕНКО
Ольга РЫЧКОВА
Александр СОКОЛОВ
Борис ТАРАСОВ
Елена ТАХО-ГОДИ
Олег ТОЛКАЧЕВ
Игорь ШАЙТАНОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

главный редактор,
заведующий отделом поэзии
Валерий ДУДАРЕВ

главный художник
Дмитрий ГОРЯЧЕНКОВ

заведующая отделом критики
Анна КОЗЛОВА

ответственный секретарь
Ярослав ЛИТВИНЕНКО

заведующий отделом культуры
Александр МАХОВ

заместитель главного редактора,
заведующий отделом прозы
Игорь МИХАЙЛОВ

главный консультант
Эмилия ПРОСКУРНИНА

заведующая отделом духовного наследия
Марина РЫБАКИНА

заведующая отделом публицистики
Екатерина САЖНЕВА

консультант главного редактора
Евгений САФРОНОВ

заместитель главного редактора,
административный директор
Александр ТАРАСЕНКО

директор по развитию
Светлана ШИПИЦИНА

ПРОЗА

Лера ТИХОНОВА Рассказы 9

Наталья РУБАНОВА

СПЕРМАТОЗОИДЫ Роман[с]. Окончание..... 50

ПОЭЗИЯ

Ирина ВАСИЛЬКОВА 3

Александр ТАРАСЕНКО 35

Галина ТАЛАНОВА 45

Светлана ГОЛОВЦОВА 66

НАСЛЕДИЕ

Натан ЗЛОТНИКОВ 27

ЗАМЕТКИ НЕТЕАТРАЛА

Лев АННИНСКИЙ

О'КЕЙ, РЕБЯТА! 34

КАК ЖИТЬ / ТЕМА НОМЕРА

Светлана КАЙДАШ-ЛАКШИНА

ЖЕНСКИЕ ВЕДЫ,

ИЛИ КАК ДОСТИЧЬ ЖЕНСКОГО СЧАСТЬЯ 40

БЫЛОЕ И ДУМЫ

Дмитрий БОБЫШЕВ

УВИЖУ САМ Человекотекст, книга 3. Продолжение 70

ГОРОД КИНО

Александр ГАЛКИН

НОСТАЛЬГИЯ

ПО ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЮ О творчестве Андрея Тарковского 76

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

Игорь МИХАЙЛОВ

НЕЖЕНСКАЯ ЛОГИКА 87

ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС

Юрий ИГНАТЕНКО, арбатский поэт (г. Москва) 88

Ольга АГЕЕВА (г. Москва) 89

Софья ГЕТЬМАН (г. Москва) 90

Наталья ТРУБИНОВСКАЯ (г. Санкт-Петербург) 92

Сергей АЛЕКСЕЕВ (г. Бийск) 93

Зулкар ХАСАНОВ (г. Калуга) 95

В КОНЦЕ КОНЦОВ

// Детектив на ночь //

Евгений РЫК

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО Плутовской роман. Продолжение 100

// Зеленый портфель //

Валерий АНТОНОВ

НОВОГОДНЕЕ ПОЖЕЛАНИЕ. СТО ЛЕТ СПУСТЯ 110

НОВОГОДНИЕ ПРИМЕТЫ 111

// «До востребования» //

Галка ГАЛКИНА

НОЛЬ — КРЕСТ, ЖЕРТВА! 113

// Veriora Veris //

Шалун ГЕО, человек-оркестр

ЕСЛИ ЕЛКА ДО ПУПКА, ЗНАЧИТ, ДЕВУШКА НИЗКА! 114

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ЮНОСТЬ» ЗА 2010 ГОД

..... 115

НА СТЕНДАХ «ЮНОСТИ»

Вера ЖУКОВА

«ИЗМЕНИЛОСЬ ВСЕ, НО НЕ ДЛЯ МЕНЯ» 120

Заведующая редакцией

Лидия ЗЯБИНА

Заведующий отделом снабжения

Игорь РУТКОВСКИЙ

Специальный корреспондент

по Сибири и Дальнему Востоку

Нила ЛЫЧАК

Редактор-корректор

Юлия СЫСОЕВА

Верстка и оформление

Елизавета ГОРЯЧЕНКОВА

Главный бухгалтер

Алла МАТЮХИНА

Финансовая группа

Лариса МЕЛЬНИКОВА

Заведующая отделом рукописей

Ирина УШАКОВА

Интернет-версия

Наталья СЫСОЕВА

Секретарь-референт

Светлана КИСЕЛЕВА

Дежурные по редакции

Аврора КОТОВА

Людмила ЛОГАЧЕВА

Татьяна СЕМЕНОВА

Татьяна ЧЕРЫГОВА

Людмила ГУДКОВА

Техническая служба

Вячеслав ДРУЖЕЧКОВ

Лиц. Минпечати № 112.

Адрес редакции:

Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская,

д. 8, стр. 1.

Для почтовых отправлений:

125047, Москва, а/я 182, «Юность».

Тел.: +7 (495) 251-31-22, 250-83-98

тел./факс: +7 (495) 250-40-74

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Авторы несут ответственность
за достоверность предоставленных
материалов. Мнения автора
и редакции могут не совпадать.
При перепечатке материалов ссылка
на журнал «Юность» обязательна.

Отпечатано в ООО «Красногорская
типография».

143400, Московская обл., Красногорск,
Коммунальный кв., дом 2.

Формат: 60x84/8

Заказ №

Ирина ВАСИЛЬКОВА

Ирина Василькова — поэт, прозаик, эссеист.

Родилась в Подмоскowie, окончила геологический факультет МГУ, Литературный институт им. Горького и факультет психологии Университета Российской академии образования.

Живет в Москве, преподает в школе, руководит детской литературной студией «19 октября».

Автор четырех поэтических книг, нескольких повестей, рассказов, пьес.

Финалист премии им. Юрия Казакова за 2008 год.

Публиковалась в журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Литературная учеба», «Мир Паустовского» и др. Стихи и проза переведены на болгарский, сербский, немецкий.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОЭЗИИ

Не знаю, о чем тут размышлять. Ее можно воспринимать — или не воспринимать. Это ощущение, и только. Поэт — пророк? Какие глупости! Поэт — это ухо, если уж на то пошло. Что-то он такое улавливает, чего не улавливают другие. В этом нет никакой заслуги и гордиться тут нечем — просто такое свойство организма. В результате он производит стихи, как кит амбру или кабарга мускус — но они же не считают себя парфюмерами.

Опять же, «каждый слышит, как он дышит», следовательно, унификация невозможна. Поэзий много. Впрочем, каждый волен представлять себя чем угодно — хоть пророком, хоть одуванчиком у забора. Прелесть же истинных стихов — в их спонтанности и непредсказуемости.

Если очень схематизировать, можно выделить два полярных взгляда на поэзию — «тоска по идеалу» или «лучшие слова в лучшем порядке». Давайте начнем со второго. Слово «порядок» отчетливо отдает левополушарностью, рациональностью, разумом. «Он пишет верхней чакрой», — сказала моя любимая поэтесса на вечере виртуозного и признанного публикой поэта. Почему-то большая часть современных стихов мне кажется именно такими. Но все относительно — мне кажется, а другим не кажется.

Не подумайте, что я имею что-то против «верхней чакры» — виртуозность уважаю и заслуг автора ничуть не умаляю. Есть же в мозгу центр удоволь-

ствия, ответственный и за такое. Но есть и другой центр — ему хочется иного, той самой «тоски по идеалу». Человек тянется вверх, как антенна. И тогда стихи пишутся не головой, они уловлены из какого-то запредельного эфира, они не подчиняются автору, а кому они подчиняются? Тсс... не надо об этом.

Однажды на кухне маститого автора я стала свидетелем весьма характерного разговора. Еще одна моя любимая поэтесса (у меня их много!) прочитала новый цикл стихов, и тот воскликнул: «Потрясающе! Как ты это придумала?» «Я не придумала, — был ответ. — Я сидела, и вдруг эти стихи на меня повалили, из всех углов». «Как это? — не понял он. — Разве ты не...» — и запнулся.

Вот эта непридуманность, способность слышать «не свое» мне кажется признаком поэзии живой, спонтанной, не синтетической. Всегда различаю в общем потоке стихи, которые написаны именно так. В них воздух волнуется, дышит... Я не получаю от них удовольствия, как от первых, — я от них оживаю.

Впрочем, о вкусах не спорят — кто-то любит кока-колу из банки (тоже ведь достижение человечества), а кто-то родниковую воду, от которой зубы ломит. Люди сделаны из разного материала, и для каждого поэзия — отражение себя единственного, не такого, как другие.

Да и вообще, кто в эпоху релятивизма имеет право выносить оценки?

Ирина Василькова

отчет о лыжной прогулке

это у горя прекрасная дикция радость поёт невнятно
самые дивные дива выданы нам бесплатно
кто там про сыр в мышеловке другие резоны в силе
ворох даров даром что не просили

рыхлые грозди вязнут в вершинах сосен
воздух возвышен возраст невисокосен
тьень прошмыгнёт поперёк лыжни как тоска о птице
прянет с ветвей белая рысь снег загорится

как загорится великим постом бледное пламя
выпростав крылья из головней втопанных нами
в пепел подзол торфяную тьму где воздуха не хватает
а позёмка пылит себе да пылит белит латает

в мрачном овраге тень от ручья глубже ультрамарина
кончился твой обет немоты теперь говори на
всех языках подлёдном подводном каком захочешь
сам тебя выберет плачешь на нём и прочишь

завтрашней линии жизни снежную бязь под щёку
обморок утешительный вслед болевому шоку
и сквозь двумерность белых полей без конца и края
веришь одну отмотали серию но будет ещё вторая

* * *

Слабая бабочка-лето так и не выбилась из пелён.
Утро укутано слюнным, жемчужным, пенным
облаком. Корень июля сладостью распалён,
но если семенем и пульнёт — то разве другой вселенной
в подол. В нашей — пыл бесполезен, расписан отсель досель
монолог дождя — ровно плавают в плеске сонном
юных роз бутоны, слипшиеся в кисель,
разливанные мхи, пузырящиеся зелёным.
Лист лимонника круто планирует на плечо,
в вырез платья слёзы свои сливая.
Лишь в пластах подземных буйно и горячо
бьётся жизнь — жалкая, отвергнутая, живая.
Пусть опять лопухнулись прогнозы, наврали календари,
но глядит в туман и часов своих не торопит
та, что знает — чёрное солнце горит в глубине, внутри,
расправляет крылья и жаркие силы коптит.

* * *

Душа кипит, не ведая о чём —
сизифов труд — прибой в камнях прибрежных
играет слизью водорослей нежных,
песок вздымает, булькает ключом
и, взмывая пены кутерьму,
оттачивает меседж никому.
Но если в этот кадр внедрится зритель,
учёный кот, эмоций измеритель
и уловитель трансцендентных сил —
он, видя, как зашкаливают стрелки,
поймёт того, кто зрителя просил
присутствовать при опыте, пристрелке,
черновике, — один ведь никогда
не будешь знать цены своим вопросам,
навязчивым, большим, многоголосым —
то ли работа мельничным колёсам,
то ли стоячая вода.

* * *

Если вода в окне кажется слишком ломкой,
трапеза бедной, предзимняя роща бледной,
линия жизни скручивается воронкой —
брось, не ломись насквозь, обойди сторонкой,
тёмной тропой, тайной и непобедной.

Фото слиняло — время не шьют на вырост,
фон обесцвечен, в доме навывлет чисто.
Воздух задворок плотней и гуще — тут даже сырость
можно ловить в кулак и лепить горниста.

До совпадения с жестом его победным,
до появления в надсаженном горле медном,
сдобренном чем-то вяжущим и аптечным,
ноты высокой, вернувшей цвета и краски,
скобкой скрепившей последние бабьи сказки —
слёзы за чаем и болтовню о вечном.

Кто это в темноте учит меня полёту?
Ангелы цвета, крыльями загребая
листьев косою разбег, смертную позолоту —
боль моя красная, любовь моя голубая.

* * *

Ртутный фонарь мечется под мостом,
за гаражами ветер метёт хвостом,
капает время — жирное, нефтяное,
чтобы собраться в шар во дворе пустом.
Поздний прохожий лупит его ногой,
словно пивную банку, потом дугой
бедствие огибает, по листьям шаркая юзом,
шарф поправляет, путь углядев другой.
Может, вернётся домой через тыщу лет,
в кружке заварит мяту, достанет плед,
с облаком лампы разделит чужую книгу —
кажется, смысла печалиться больше нет.
Новые тексты цветней византийских смальт,
в сиплых ушах блаженствует детский альт,
и ни за что не вспомнить двора ночного,
где тополя по пояс вросли в асфальт.

* * *

Суицидке — да, фаталистке — да, но тебе ли
дамоклов перепиливать волосок,
перекатывая камешки в Коктебеле,
халцедоновый выискивая глазок.
Свод ночной слинял и треплется чёрным флагом,
дикий пляж придавлен галькою привозной,
но туда-сюда меж небом и Карадагом
виртуальный Макс гуляет тропой сквозной.
Айвазовский вал запотел, как стекло графина, —
где лоза горизонта каплями проросла,
постаревший Тритон на верёвке ведёт дельфина
симметрично тому, как татарин ведёт осла.
У богемной девочки кровь холодной наяды —
стынут ноги в воде, по которой не ходят вброд, —
но пригубит вина и обмылком губной помады
до ушей нарисует себе inferнальный рот.
Тот, кто рядом сидит, — оживает, и ждёт, и даже
ощущает жар, и думает, что взлетел,
а бомжиха спит головой в песок на нудистском пляже —
в этой точке мира теплее от юных тел.
Ну так дуй отсюда по глади зыбкой свинцовой рыбкой,
развернувшись хвостом к береговой черте,
где, склоняясь к деве с заискивающей улыбкой,
лицо его все ещё светится...
светится...
светится в темноте...

* * *

Этот год — яблочный, тот — грибной, следующий — черничный.
Без щедрот дармовых не останешься, это ясно.
Жизнь зашкаливает — ей ли бывать обычной
в хронотопе чудес локальных, где все — прекрасны.

Вырезая сухой крыжовник, в царапинах и занозах,
вдруг влипаю в янтарь и яхонт последних ягод.
Занавески в медовых осах, а небо в грозах —
мне подарков последнего августа хватит на год.

Там запутался Геспер в зарослях валерьяны,
там жемчужные жабы поют на укропной грядке,
там чужая дочка пугает раскладом странным —
но сошьёшь ей куклу из старой майки — и всё в порядке.

Время, склеенное в кольцо, каждый кадр мотает по новой —
как тут в юной подружке свои не просечь замашки
и, устав от чужого счастья, дико и бестолково
не припасть лицом к забытой твоей рубашке.

* * *

Да, иллюзия, майя — пусть, но её текстура,
её фактурного гобелена узлы и вены!
Мелочи, что на вид холодны и хмуры,
а на ощупь жарки, яростны и бесценны.

Наждаком шлифуют, как рашпиль, дерут безбожно
очерствевших лет чешуйчатые наплывы —
и, буравя поры, вскипает огонь подкожный,
лишь плечом коснёшься шершавого тела ивы.

Да, креза, шиза, дактилоскопическое помраченье —
гладишь жирную ряску в пруду — ладонь под током!
Осязательный эрос, томительное влеченье —
визуальна гладь, а чревата тактильным шоком.

Пубертатной девой, не вызубрившей заданье,
всё принять — подсказку, ласку, чужую милость,
но любить ли издали — памятью, ожиданьем —
если в кончиках пальцев любовь моя затаилась?

Непроглядный сон — смола, антрацит и дёготь —
я пустую лейку отбрасываю к сараю
и бегу к тебе — но никак не могу потрогать,
потому что в руки въелась земля сырая.

Остафьево

Удивлённый возница сронил поводья
и следит, следит, поднимая бровь,
как торопится-кружится половодье,
на прибрежных кустах оставляя вновь
почерневшей соломы вихры и плети,
позапрошлой газеты размытый клочок,
как, минуя судьбы золотые сети,
чуть помедлив, встраиваются в поток
кринолины, шпоры, обрывки бала,
облака, и блики, и скрип пера,
пережившая время трость Ганнибала,
инкрустированная пуговицей Петра,
от руки переписанный Грибоедов,
темнокожее кресло Карамзина,
дневники отцов, мемуары дедов —
всё уходит в нети — гуляй, весна!
Да не пялься сквозь время, очнись, возница!
Что там вёз на кухню — давай, вези!
У парнасских — ещё молодые лица,
им — стихов и пунша, а ты в грязи
утопил колёса, приткнувшись ближе
к моему столетью — и сам не рад.
Я твоими глазами сегодня вижу,
как стеклянная дверь распахнулась в сад, —
выбегает Пушкин на снег зернистый
и дурачится Вяземский молодой,
а закат разливается — алый, чистый
и смывается мартовскою водой.

Лера ТИХОНОВА

Лера Тихонова родилась в 1978 году в Москве. Окончила Российскую экономическую академию им. Плеханова по специализации «гостиничный бизнес». Двенадцать лет работала в нескольких пятизвездочных отелях Москвы в отделах продаж. В 2008 году поступила на Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького. Сейчас учится на философском факультете МГУ им. Ломоносова. Публиковалась в журнале «Наш современник».

РАССКАЗЫ

ЧАСОВЩИК

Трость, как стрелка часов, мерно отстукивает время. Он идет по кривому Щипковскому переулку напрямиком в свое прошлое.

Здесь, на крыльце низенького дома, ему вручили тугой сверток с лицом Машки. У нее с рождения была необыкновенно живая мимика. Галя ругалась, что он покупает ей мальчишеские игрушки — танк, конструктор, саблю: «Не наигрался сам, ребенку втюхиваешь». Но Машка всегда одобряла его выбор, улыбаясь всем лицом. Веселая девочка. Откуда потом взялась эта мания? «Маша Вег — хороший человек». Она писала эти четыре слова везде: на полях тетрадок, на старых газетах и даже однажды на манжете его единственной белой рубашки. Он злился: «Маша, объясни! Что это значит?! У тебя какие-то сомнения? Конечно, человек. Конечно, хороший». Она молчала. И этот напряженный взгляд, и страшное в непривычной статичности лицо. Он пил тогда, правда. А Галя искала себе приличное место на кладбище.

Каждый день — новый маршрут. Семен Вольфович знал наизусть переплетение улиц, бульваров и набережных родного Замоскворечья, но всякий раз, осторожно спускаясь со ступенек, предвкушал неповторимый рисунок, тонкую вязь, неожиданный ракурс предстоящего путешествия. Выходил он в тот час, когда подъездная дверь уже отстучала утреннюю барабанную дробь, и унисонное тиканье тысячи хронометров на стенах сменялось десятикратным боем.

На Озерковской набережной много колодцев, трость тут звучит гулко. Он ходил по этой дороге двадцать лет. Двадцать тяжелых лет в цеху точного литья завода ЗИЛ. Часто снился сон, как идет на работу спиной вперед, и было странно, что не падает и не сбивается с пути. Спасался ночными сменами, когда никто не мешал ковыряться в часовых механизмах — он всегда носил в карманах много разных, ненужных (собирал по помойкам, просил у знакомых). Можно было разбирать и собирать их в тишине всю ночь. Главное — литейные печи не прозевать: если падала температура, то получался «козел» — затвердевшая, уже никуда не годная масса.

Весной трость весело постукивает, а запахи, кажется, наполняют все тело — от головы с венчиком редких волос до стоп в калошах. И от этой распирающей легкости он держится за трость крепче, как будто она не даст ему улететь. Типовая четырехэтажная постройка из красного кирпича в Строченковском переулке. Здание все еще на месте, но в нем уже давно музыкальная школа. Там, на заднем дворе, Лелик без всякого повода разбил ему в кровь лицо — он почему-то страшно ревновал к нему Дору.

Дора. До-ра. Упругое и звонкое, как бой часов, имя. Устремленное вперед и неумолимое, как само время. Он впервые увидел Дору на остановке. Вот здесь, на Стремянном. Недалеко от школы, куда их одновременно привели записываться. Теперь длинный глухой забор и фыркание моторов. Мама держала за руку девочку с очень серьезным лицом,

одетую в плиссированную юбочку и красные ботиночки, но казалось, что это девочка держит маму за руку. Он вздрогнул и мучительно покраснел, когда в первом классе ее посадили через проход. В восьмом — он не мог отвести взгляд от округлых коленок и чуть надменной руки, накручивающей на палец тонкую прядь.

Дворец культуры химзавода им. Сталина на углу Жукова и Дербеневской. Они с Леликом ходили в хоровой кружок и устраивали по дороге соревнования «на смелость» — надо было пробежать Жуков мост не по тротуару, а по скользким железным горбам мостовых перил — двое стартовали с разных сторон моста, и кто пробежал первым, был победителем. Лелик всегда брал верх. Лишь однажды Семен опередил, но спрыгнул неловко, и целый месяц лежал со сломанной ногой. Тогда он сделал свои первые часы из старых дедушкиных ходиков, вставив их в деревянный корпус. Мать чуть не прибила за погубленный ореховый сундучок, но часы все-таки повесила на стенку. Потом были часы-кораблики, часы-подвески, часы, заточенные в гранит. В ход шло все, что годилось на корпус. Но это было потом.

На углу Летниковской улицы и Жукова проезда всегда гуляют ветра. Здесь когда-то стоял дом для служащих ситценабивной мануфактуры «Эмиль Циндель», где работала мама. Выписали долгожданный ордер на квартиру, когда она уже лежала в больнице, — так ее и не увидела. Въехал он туда только через полгода, но в квартире все еще пахло свежепоклеенными обоями, а линолеум блестел, как каток. Он отправился в «цинделевский» универмаг покупать уют. Почему именно уют? Ведь не было ничего, даже матраса. Дору он увидел в конце Дербеневской. Точнее, сначала он узнал ее ноги. Красивее ног он не видел в своей жизни. И уже не увидит. Крепкие и налитые, своими изгибами они заставляли думать о запретном. Но ноги были не одни. Рядом шли Леликовские, и по всей его фигуре и лохматой голове было видно, что он не понимает, насколько они хороши. Она обвивала дурака-Лелика счастливой рукой и хохотала.

В универмаге полненькая брюнетка продала ему уют. Он тогда застыл возле кассы, прижимая уют к груди, не в силах пошевелиться. И продавщица, обслуживая других покупателей, бросала на него заинтересованные взгляды. «Вот. Уют теперь есть. А гладить некому», — сказал он ей еле слышно. Ему было все равно с кем, только не одному. Оказалось, что Галя отлично гладит.

Сплошной ряд домов по обе стороны. Звуки, как теннисные мячики, рикошетят от одной стены к другой. Мощеная улочка. Он помнит эти булыжники на ощупь — так часто он уползал по ним из пивного бара «Яма», борясь с земным притяжением, вставал

и снова падал. «Пьяница! — кричала Галя. — Как можно так пивом нажраться?!» Она не понимала, что пиво было лишь дрожжами для дикого замеса души — вся горечь поднималась со дна и распирала до боли в ребрах. Странно, «Яма» не глушила тоску. Наоборот. Но он шел туда снова и снова, как будто надеясь болью изничтожить боль. Плохо только, что тряслись руки, когда возился с часами. Работа ведь тонкая, щепетильная. «Я для тебя ничтожней шестеренки, мельче шурупа!» Однажды Галя, рыдая, сбросила со стен всю его коллекцию. Особенно было жалко часы — куриное яйцо. Сколько он яиц перепортил, пока удалось распилить надфилем вдоль, а затем простым лезвием сделать овальный вырез под циферблат. Эх...

Прохлада от воды и бронзового человека. Трость втыкается в гравий. Они тогда гуляли с Машкой по Чистым Прудам, и гравий хрустел под четырьмя колесами красного кавалерийского коня, которого она тянула за собой на веревке. Вот здесь, на углу, он вдруг увидел Дору после двух лет тоскливой временной пропасти. Она что-то рассказывала строгими руками своей маленькой дочке с круглой головой, как у Лелика. Сердце подскочило и замерло, пропускающая удары. Радужные круги появились вдруг перед глазами. Он прижал ладони к лицу — такая сильная боль в глазных яблоках — и попятился назад; тогда еще не понял, что надвигается темнота.

А тут за белым забором особая тишина. Очень тихая тишина. Только слышно легкое постукивание трости. Здесь лежит Галя. Когда, наконец, было выбито приличное место на кладбище, а грузчики, задыхаясь, занесли в квартиру черную плиту с датой и пробелом после черточки, Галя вдруг слегла. Он тогда плакал, но куда-то внутрь. Вытирал глаза, а они сухие. Тогда же впервые начали пропадать предметы из поля зрения. Он смотрел на комья земли, летящие на Галю, но лопат и людей справа не было, будто кто-то вырезал кусок картины ножницами. Через пять лет от картины остался лишь маленький треугольник сверху слева. И больше ничего. Но за этот короткий срок он успел сделать многое и даже повернул время вспять.

Опять голоса! Все время голоса! Бормочут над ухом, мешают, колотятся, требуют. Один — подделывается под Машкин. Но его не проведешь, откуда ей здесь быть? Машка — далеко, в Америке, где она, наконец, чувствует себя хорошим человеком. А другой голос... Такой родной... Зовет его все время... Он ударял тростью чаще и сильнее, чтобы их заглушить.

— Как дела, Дора Львовна? — Машка кричит уже из прихожей и идет, по американской привычке не снимая ботинки и пальто, на кухню.

Седая женщина поворачивается от плиты и укоризненной рукой тычет ей в ноги.

— Хорошо, хорошо. Сейчас сниму. Как он?

— Все также. Ест плохо. Уговариваю его, а он только сильнее стучит. И меня, по-моему, не узнает, — она вздыхает и кивает в сторону комнаты, в полуоткрытых дверях которой виден сидящий на стуле человек. Над его головой висят огромные резные металлические часы. — Квартиру придется поменять. Соседи жалуются. Надо на первом этаже.

— Не проблема. Я поищу на Кенон-стрит, поближе ко мне. Хорошо, он только одни часы из Москвы взял, а то бы замучились перевозить. — Машка распахивает двери в комнату, подходит к человеку и обнимает его за худые плечи, заглядывая в лицо. — Пап, ну почему ты ничего не ешь? И гулять не хочешь. Ты ведь так любил...

Морщинистое лицо хмурится, а трость в руке начинает нервно постукивать по полу. Она наблюдает, как под веками бегают глазные яблоки — словно он смотрит сон. Она молчит и вглядывается. Понемногу лицо его разглаживается, легкая улыбка появляется на губах, а трость сменяет свой торопливый бег на нежную поступь. Большие часы со стрелкой, бегущей в обратную сторону, стучат ей в такт.

...Старый ЗАГС на Пятницкой. Дора в кремовом платье чуть выше колен. Он говорит «да», искоса глядя на них, и едва удерживается, чтобы не опуститься на пол и прижаться к ним лицом. Однажды она принесла ему починить сломанные часы, а через год ушла вместе с дочкой от Лелика. Значит, не зря Лелик тогда разбил ему в кровь лицо на заднем дворе школы. Как будто сумел заглянуть в будущее, так же как он сейчас заглядывает в прошлое, гуляя по старым родным улицам...

КАТЯ

«Костя! Ах, Костя! День мой и ночь, и сон наяву, долька ты моя лимонная, кролик мой вислужий... Ты не знаешь, как я... Даже не догадываешься насколько... Когда вчера была на поминках у В., сидела и думала... Жена его все прятала лицо — бледное, заплаканное... А я сидела и думала: “Боже, какое счастье, какое счастье, что я родилась на свет, и пусть все туда уйдем, в это страшное ничто, удел у всех один, но ведь я пока живу, живу и так счастлива...” Королек ты мой, птичка певчая... Жаль, что я не умею петь... Я бы пела, ходила бы и пела... Хотя я и так хожу — ты замечаешь? — хожу целыми днями, как пьяная... Я ведь пьяница, ты не знал? Но прикладываюсь вместо бутылки к тебе... К тебе, косточка моя сливовая...»

Катя перечитала написанное и порвала бумагу на мелкие клочки. Он все знает. Она все время говорит. И нет смысла писать. Подперев подбородок рукой, она задумчиво уставилась в окно. Поликлиника, в которой Катя работала уже четвертый год, стояла на возвышении. Ее кабинет находился на последнем этаже. Из-за стола ничего, кроме неба, видно не было, и ей казалось, что здание величественно плывет вместе с ней сквозь облака. Летом — белые занавески хлопали на ветру, как паруса. Зимой — поликлиника, словно ледокол, разрезала острым углом свинцовое небо, и ломкий воздух потрескивал за окном.

В дверь постучали. Катя подняла голову:

— Подождите, пожалуйста. Я вызову.

Пациенты всегда возвращали ее на землю — к

жалобам, болезням и самому главному человеческому страху — страху смерти. Но она никогда на них не сердилась, и в ее голосе не было обычной для докторов раздражительной нотки вынужденного милосердия. Хотя нет, не возвращали — Катя участливо слушала; согревала в руках стетоскоп и прикладывала к голым спинам своих маленьких пациентов; выписывала рецепты твердым наклонным почерком, а сама летела, обдуваемая ветром, и облака запутывались в ее волосах.

Костя! Ах, Костя! Он стал основным событием в Катиной жизни. Возник он на ее пути неожиданно, как раз в тот момент, когда казалось, что все конечно. Может, иногда надо дойти до самого дна, чтобы потом начать путь наверх? Ведь у прямой нет ни падений, ни взлетов. Костя пришел, когда кривая достигла нижней точки.

— Женечка, пригласи, пожалуйста. — Катя заправила прядь волос за ухо, смахнула клочки бумаги в корзину и взяла из стопки верхнюю карту.

Медсестра Женечка, полненькая, молодая еще девочка, никогда не приставала к Кате с общением. Все больше молчала. Она тоже летела, но низко, в других воздушных слоях. У Женечки было больное сердце, и, казалось, она все время внимательно прислушивается к движению скрытого во тьме несовершенного, отягощенного пороком механизма.

— Екатерина Васильевна, они были на прошлой неделе. У мальчика подозрение на хронический си-нусит. Я сейчас найду результаты анализов.

— Да. Хорошо. Зови.

Катя открыла лежащую перед ней карту: «Мельников Юра. Три года. Что тут у нас...»

Костя! Ах, Костя! Сегодня утром ей особенно не хотелось покидать их теплую кровать. Она бы могла лежать рядом с ним целый день. В Косте был смысл ее существования, ее истина. Банально, да. Но не банальней, чем искать ее в религии, в вине или работе.

Жизнь с первым мужем Кате не запомнилась. Он словно прошел мимо, не затронув ее сердца. В памяти завис лишь сухой остаток из его имени-фамилии, да страничка в паспорте была испорчена двумя штампами: о браке и разводе. Катя иногда задавалась вопросом, почему она вышла замуж именно за него — молодого человека, сидевшего в аудитории у окна, через проход от нее, с оттопыренными, розовыми от просвечивающих солнечных лучей ушами — а не, например, за брюнетистого напористого однокурсника справа. Была там (слева) поначалу какая-то романтическая чепуха — вздохи, прогулки, даже всплакнула вроде разок, когда не пришел на свидание. Ждал, оказывается, на другой станции метро с созвучным названием, и тоже потом, как признался, чуть не плакал. Все случилось как во сне. Свадебные хлопоты, торжествующее лицо мамы и ее быстрые руки, крошащие салат, совсем не дружеский поцелуй в разгар гулянья того однокурсника (который справа), и это мирное прозрачное мужнино ухо и стриженный затылок на подушке под утро слева. И совместная жизнь — словно во сне. Ведь как-то они жили, что-то делали, о чем-то говорили. Как, что, о чем — убей бог, Катя не помнила. Запомнилось только, что переживал он сильно, когда она, очнувшись ото сна (после трех лет брака), подала на развод. Кричал, грозился. Даже пробил кулаком тонкую дощатую дверь в ванную комнату, в которой Катя закрылась и сидела со скорбным лицом. Накричавшись вволю, собрал вещи, взял собаку и ушел... Собака... Ведь была собака! Его собака... Надо же, она совсем про нее забыла. Остроносый курчавый пудель... Катя, таскавшая в детстве бездомных котят и щенков домой, Катя, любительница всякого зверья, мечтавшая стать ветеринаром и только в последний момент направленная практичной мамой в медицинский, не приняла собаку так же, как и мужа. На глубинном уровне не приняла. Хотя, конечно, гуляла с ней, кормила, гладила. Один раз только закричала на... (как же ее все-таки звали?), замахнулась рукой (что-то пес такое сделал ужасное... что?), и пудель вдруг забился в падучей, аж задние ножки свело. Катя испугалась и долго носила его, дрожащего, по комнате. Видимо, животные питаются от другого источника, и не замусоренные всякой всячиной, чувствуют намного

лучше людей. Собака знала наперед, что им с хозяином тут не место.

— ...Присаживайтесь. Как себя чувствуете? — Катя подняла глаза от карты, посмотрела на молодую женщину и улыбнулась мальчику у нее на руках.

— Спасибо. Ему немного лучше, но...

...Мама страшно переживала их развод. Если для Кати муж был в цвет обоев и примерно такой же значимости, то для мамы он был Зятем. От него напрямую зависел статус бабушки, о котором она так мечтала. То время было окрашено для Кати двумя чувствами — удивлением от того, что муж умеет кричать, и чувством вины перед мамой. Но что она могла поделать? Упасть обратно в летаргический сон семейной жизни было немыслимо.

Мамины руки, такие скорые на дело, такие подвижные, вдруг замерли. Они впервые в жизни остановились. Мама села у окна и сложила их на коленях. В общем-то, она и раньше сидела, но перед подъездом, с говорливыми соседками. А теперь было стыдно. Вместо гордого статуса бабушки, точнее, будущей бабушки, приобрела сомнительный — матери разведенки: несостоявшейся женщины, одинокой и, скорее всего, пустой, выхолощенной. А иначе почему ушел мужик? От хороших, плодovitых — не уходят.

Мама сникла: взгляд стал рассеянным, движения вялыми. И вскоре стала болеть. Разве поймешь, что было вначале — развод дочери, а потом болезнь? Или болезнь, притаившись, ждала развода, чтобы, наконец, выйти наружу? Неясно, но чувство вины не давало Кате спать по ночам. Именно тогда она приобрела привычку читать до рассвета, лишь бы заглушить неистовый шелест этого чувства. Когда мама умерла, он стал постоянным фоном ее жизни.

— ...Температуры уже нет, но кашель его мучает... Прямо задыхается. Особенно ночью.

— Анализы неплохие... Раздавайте ребенка, пожалуйста. Я послушаю.

Костя! Ах, Костя! Он пришел, когда она упала в темный колодец и явственно ощущала, что крышка уже почти закрылась — осталась лишь тоненькая полоска света. Врачи говорили: рак развивается за многие годы, даже за десятилетия, ваша мама уже давно болела, просто об этом никто не догадывался. Катя, и сама врач, прекрасно это понимала, но ничего не могла поделать — полоска света становилась все тоньше и тоньше, не хватало воздуха. Она приходила после работы, садилась посередине кухни на тот самый мамин стул, открывала настежь окно — было холодно, мама умерла в феврале — и, не снимая пальто, так и сидела часами.

Он бесцеремонно схватил ее за рукав пальто, когда она, уткнувшись носом в воротник, брела до-

мой — к стулу посередине кухни и открытому окну. Шла мимо Большого театра и ничего не видела — ни возбужденных людей, спешащих внутрь, ни высокого парня в модной куртке, стоявшего у нее на пути.

— Девушка, Большим не интересуетесь?

Лукавые глаза и белозубая, будто нездешняя улыбка... Катя потом думала, почему он ее остановил. На покупателя она явно была не похожа. Интерес своей мрачной фигурой возбудить не могла.

Да он и сам объяснить бы не смог. Ведь ему тогда ужасно нравились балерины... Леша Черепаха, Вовка Коммунист, Нищий, Очкодыр и Славик Аляска — все они подшучивали над его пристрастием: «Индец, балерины — элита, а ты кто? Спекуль. Криминальный элемент».

— Не интересуюсь. Спасибо. — Катя еще глубже втянула голову в плечи и двинулась дальше.

— Пойдите. Мне нужны всего два часа вашего времени. Я вас прошу.

Она остановилась и удивленно взглянула парню в лицо. Не дожидаясь ответа, он решительно взял ее за руку и повел к входу в театр.

Немного погодя обескураженная Катя сидела в партере рядом с неизвестным ей мужчиной и первый раз в жизни смотрела «Лебединое озеро». Изредка она косилась на профиль таинственного соседа. Он с интересом глядел на сцену, не обращая на спутницу никакого внимания, и только когда раздались первые хлопки, наклонился к Кате и жарко шепнул ей на ухо:

— Клакеры. Родственная нам братия.

Катя открыла рот, чтобы спросить, кто такие клакеры, но он приложил палец к губам и тоже стал хлопать и кричать артистам «браво».

В буфете, миновав очередь, он тихо сказал что-то тетке за стойкой, и та, кокетливо засмеявшись, налила в бокалы шампанское и положила на ломкую тарелочку несколько бутербродов.

Он поднял бокал:

— Давайте выпьем за ваш первый визит в Большой театр!

Катя послушно подняла свой и спросила:

— А откуда вы знаете, что первый?

Он молча подмигнул ей и выпил шампанское до дна.

— Мне кажется, что нам хватит на сегодня «Лебединого озера».

— Ой, неужели не досмотрим?

— Нет, идем гулять. — Он потянул ее за руку вниз по лестнице, протискиваясь сквозь толпу людей, спешащих в зал. В гардеробе никого не было. Он быстро нашел их одежду, галантно помог надеть Кате пальто, отчего та страшно засмушалась — под-

кладка была вся изодрана, — но он ничего не заметил, оделся сам и потянул ее к выходу. Их окликнул подоспевший к гардеробу обеспокоенный старик в синем пиджаке с золотыми пуговицами. Катя испугалась, что их будут ругать за самовольство, но парень, отсалютовав ему от дверей, крикнул: «Чао, Михеич», и они вывалились на улицу.

Катя не помнила, о чем они говорили, бродя по заснеженным улицам. Помнила лишь, что много смеялась. Он показывал в лицах разговор примы-балерины и режиссера, что-то изображал, вскидывая по-балетному ногу, рассказывал, что клакеры могут обеспечить спектаклю полный успех или, наоборот, провал — стоит им лишь в неподходящие моменты начать хлопать, кашлять, сморкаться или что-нибудь громко ронять, и что однажды в балерину, негодную труппе, даже полетел веник.

— А почему же они родственная братия?

— А мы с ними дружим. Им танцоры дают бесплатные билеты. И всем от этого выгодно. Понимаешь?

Она не поняла, но кивнула.

Когда они замерзли, он поймал такси. Сунув водителю зеленую бумажку, он шепнул Кате: «За одного вашингтона он будет катать нас по всему городу».

Город показался ей совсем иным. Фонари загадочно сияли, фасады домов поражали своей новизной, переулки разбегались в свете фар в неожиданные стороны, даже снег кружился по-другому — словно сплетая в воздухе тончайшую снежную шаль. Уже глубоко за полночь они подъехали к Катиному дому. Он пристально посмотрел ей в глаза: «А за одного линкольна он будет ждать меня у твоего подъезда до утра». Катя промолчала, и он добавил, криво усмехнувшись: «Но линкольна я пока ему не дам». Наклонившись вперед, он бросил водителю: «Эй, брат, подожди меня минуту у подъезда. Я только девушку провожу».

Поднявшись к Кате на этаж, он задумчиво произнес:

— А тебе пойдет темно-серый...

Она растерянно поглядела на него, но он улыбнулся и, бросив через плечо «спокойной ночи, Катя», побежал вниз по лестнице.

Она захлопнула дверь, привалилась к ней спиной, стянула шапку, прижала холодные ладони к пылающим щекам и так стояла, не шевелясь, несколько минут. А затем, сбросив пальто на пол, решительно прошла на кухню, по ходу задвинув ногой стоящий посередине стул в угол, и плотно закрыла окно.

Вечером следующего дня тот же самый водитель привез ей пакет. В нем было новое серое пальто с меховым воротником.

— ...Одевайте ребенка. Хрипов нет, но я пропишу муколитическое средство, чтобы разжижалась мокрота.

Катя склонила голову над своей быстрой, строчащей на автомате рукой и подумала, что давно пора купить Косте теплые перчатки. В тех, тонких, кожаных, его любимых, он ходит уже второй год, и ему в них холодно.

Перчатки... Точнее, одна перчатка... Тогда они чуть не расстались...

Маленькая, черная, явно с женской руки, она лежала посреди коридора и сразу же бросилась Кате в глаза, едва та вошла на порог. Катя застыла. Она смотрела на перчатку как на ядовитую змею, свернувшуюся в клубок перед нападением. Никаких женщин у них не бывало — ни уборщиц, ни Катиных подруг (тем более в ее отсутствие). Она стояла, и разные мысли пронеслись в голове: «Сегодня у мамы маленькой девочки, той, у которой сахарный диабет, я видела точно такие же... Женечка говорит, что носить надо только вязаные, от кожаных никакого тепла... Интересно, а Костя уже видел перчатку? Он ведь позже ушел... Зря они не поменяли замок, когда потерялся ключ... Как она все-таки сюда попала?..»

— Вот. Ничего не понимаю. — Катя положила перчатку на Риткин стол и подняла растерянные глаза.

Ритка хмыкнула и достала с полки вторую рюмку.

— А что тут непонятного? Костя твой бабу завел. Садись, выпьем.

Ритка была ее подругой, точнее, бывшей закадычной подругой, сероглазой, кудрявой девчонкой с пятого этажа, превратившейся в нечесаную тетку с мешками под глазами.

Они были с ней неразлучны в школе: вместе делали уроки, страстно мечтали стать балеринами и прятали бутылки от вечно пьяного Риткиного отца в огромной старинном шкафу, и сами прятались там же. В шкафу пахло упоительно — пылью, нафталином и еще чем-то сладковатым; через приоткрытую дверцу проникал дневной свет, и они зачарованно разглядывали платья, туфли, платочки, старые кружевные шали; Ритка шептала ей что-то на ухо, и Катино сердце плавилось от счастья. С годами детская слепая дружба потускнела. Катя окончила вместо балетного медицинский. Ритка, тоже не балерина, перебивалась на временных работах то в продуктовом магазине, то на каком-то складе. Они по-прежнему были рады друг другу, но с каждой встречей Катино ощущение, что жизнь стремительно растаскивает их в разные стороны, усиливалось. Умер Риткин отец, и та вдруг заняла высвободивше-

еся место в семейной алкогольной цепи. В какой-то момент Катя обнаружила, что пора уже от самой Ритки прятать бутылки. Правда, к тому времени шкаф был кому-то загнан, как и все прочие ценные вещи. Последний год они почти не общались — Катя окончательно утонула в Косте, а Ритка — в вине.

— Какую еще бабу? — Она тупо уставилась на Ритку. — У него сегодня хоккей.

— Ну ты, мать, даешь! — Ритка разлила водку по рюмкам. — Давай. Выпьешь, и мозги сразу просветлеют.

Она опрокинула рюмку и сразу же снова потянулась за бутылкой:

— А ты в хоккейную сумку к нему заглядывала? Вдруг там пенопласт?

— Какой пенопласт? — Катя даже подалась вперед и приоткрыла от удивления рот.

— О господи! Такую дуру грех не обманывать. — Ритка показала на Катину рюмку. — А почему ты не выпила? А ну-ка давай, не отставай!

— Рит, я пойду. Мне нехорошо.

— Бросит тебя твой Костик, помни мое слово.

Обливаясь слезами, Катя собрала чемодан, выставляла его в прихожую и, привалившись к косяку, уставилась на него сквозь пелену, застилавшую глаза. Чемодан был черный, зловещий. Он не оставлял возможности для отступления. Он безоговорочно ставил точку в истории их семейного счастья. Катя вытерла слезы и решительно втащила его обратно в комнату. В конце концов, у нее не было ничего, кроме Риткиных слов. Лихорадочно разложив Костины вещи обратно по местам, она сунула чемодан под кровать и побежала на кухню жарить котлеты. Котлеты получились румяные, пышные. А вдруг это правда? Как он мог с ней так поступить? Как?! Она взяла сковородку в правую руку и аккуратно ссыпала котлеты в мусорное ведро, затем вернулась в комнату и снова собрала чемодан. Бросив на него злой взгляд, она выставила чемодан на лестничную клетку. Сама прошла в комнату и села с прямой спиной на кончике дивана, держа в руках перчатку. Прошло полчаса. Услышав шум открывающихся дверей лифта и знакомые шаги, она бросила перчатку туда, где ее обнаружила, и закрылась в ванной комнате. Как тогда, давно, с первым мужем. Но теперь скорбного лица не было, его вообще не было, так же как рук, ног, головы и прочего — она не чувствовала собственного тела, а только большое распирающее грудную клетку сердце. Она села на пол, обхватила сердце руками, пытаясь унять его бешеное биение. Входная дверь захлопнулась. Полоска света у пола несколько раз моргнула — Костя подошел к двери с той стороны и, даже не попытавшись ее открыть, уселся на пол. Темная ванная, холодная плитка и разделяющая их дверь.

— Мне было шесть лет. И я часто просыпался посреди ночи от страха.

Костя сказал это так тихо, а ее сердце билось так громко, что она едва расслышала. Катя сжала руки крепче, закрыла глаза и обратилась в слух.

— Я думал: а что если бы не я родился у своей мамы, а какой-то другой, чужой мальчик? Или девочка. И моя мама любила бы не меня, а этих — неизвестных, заранее ненавистных мне детей.

Катя придвинулась ближе к двери. Сердце стучало чуть тише.

— Мама смеялась и говорила: «Дурачок, у меня не мог родиться другой мальчик. И тем более девочка... Знаешь почему? Папа покупал мне сливы, большие, темно-фиолетовые, и я варила сливовый компот...»

Катя привалилась спиной к двери, и ей вдруг показалось, что сквозь дерево она чувствует тепло Костиной спины.

— «...Однажды я пила компот и нечаянно проглотила сливовую косточку. И родился Костя... Косточка... Косточка моя сливовая. А если бы это был, например, яблочный компот, получила бы Яночка...» Она давно умерла, моя мама...

Костя замолчал на несколько минут, а потом ясно и отчетливо произнес:

— Мне дали кличку Индеец в насмешку, я люблю потрепаться, но о сокровенном я не болтаю... Катя! Ты единственный человек, кому мне хочется об этом рассказать. И единственный, с кем мне хочется сварить компот.

Кате вдруг стало совершенно неважно, откуда взялась перчатка. Больше это не имело никакого значения.

— Когда я впервые увидел твои стройные ноги и балетную походку, то сразу понял, что у нашей дочки будут такие же. Катя, может, вишневый? Или грушевый?

Она распахнула дверь и упала ему в объятия, заливаясь теплыми нежными слезами.

Компот они варили целый год, но ничего не вышло. Потом привлекли поваров (врачей) — и еще год. Бесполезно. Ребенок не завязывался. Поначалу Катя была спокойна. Она понимала, что все-таки зачатие — не кулинария, а чудесное таинство, и смиренно ждала божественного вмешательства. Со своей стороны они с Костей делали все. Если раньше после любви она вдохновенно чесала ему спину долгими продольными движениями, оставляющими красные полосы, а он морщился от удовольствия, то теперь Катя задирала высоко наверх на стену голые ноги и сосредоточенно и недвижимо лежала в этой нелепой позе, пока Костя не начинал ворчать. Имя для девочки у нее уже было приготовлено, и она даже тайком приобрела в «Дет-

ском мире» розовый набор для новорожденных. Божественное вмешательство все никак не происходило. Катя стала захаживать в церковь. Церковная бабулька научила, как и где надо ставить свечку, и Катя подолгу стояла перед иконой Божьей Матери, горячо ее упрашивая. Когда пришлось спуститься с небес на землю и привлечь вместо икон гинекологов, Катя сильно похудела, стала нервной и дерганой. Если раньше ее трогали голые детские спины, хлюпающие носы, болящие животы, то сейчас они стали раздражать, особенно дуры-мамаши, сопровождавшие эти самые животы и носы. Черт побери, да почему она должна с ними возиться, когда у нее самой нет ничего, даже самого маленького, самого захудалого ребеночка?! Господи, за что?! Господи!

Кончилось все тем, что какой-то малыш на осмотре радостно заколотил по Катиному бесплодному животу крепкими розовыми ножками, и она рухнула на стул и, как осевший сугроб, некрасиво ссутулила спину и громко, безутешно разрыдалась. Женечка проворно достала из сумки сердечные капли и долго ее отпаивала, хотя сердечные капли в данном случае были совершенно бесполезны.

Вечером Костя мрачно поедая пельмени под отголоски Катиных всхлипов, потом вдруг резко встал, собрал все — рецепты, лекарства, пробирки, розовый набор для новорожденных (давно им обнаруженный), книгу Бориса Хигера об именах и лунный календарь — и выбросил в мусоропровод. Затем он сложил в чемодан вещи, Катя слабым голосом поговорила с заведующей, и они укатили на две недели в горы. Там детей почти не было, одни сумасшедшие лыжники (носятся, как бешеные, а если собьют женщину, а та беременная?). Катя каталась, дышала горным воздухом и старательно отворачивалась от выводка малышей в одинаковых желтых курточках, спускающихся с горы вслед за инструктором.

— ...Женечка, много еще у нас пациентов?

— Нет, Екатерина Васильевна, одна только карта осталась.

Последнее время они с Костей совсем перестали говорить на болезненную тему. Он принес в дом новорожденного котенка. Тот был очень слабеньким и первую неделю ничего не ел. Катя кормила его из пипетки, укутывала шерстяным платком и укладывала рядом с собой, грея свои теплом. Костя вместо одного стал три раза в неделю играть в хоккей. Катя всегда волновалась, не выбили бы зубы, но он купил хороший, дорогой хоккейный шлем, и ей стало спокойнее.

Дописав последнюю карту, она оделась, закрыла кабинет, попрощалась с Женечкой и поспешила домой. Ужин она приготовила еще накануне, но хотелось успеть разогреть до прихода Кости.

У подъезда она столкнулась с Риткой. От нее пахло застарелым перегаром. Катя хотела пройти мимо, но та удержала ее за локоть:

— Привет. Как поживаешь?

— Рит, прости. Сейчас Костя придет. Я побегу.

Ритка как-то странно на нее посмотрела, но Кате было некогда разгадывать ее чудачества. Она торопливо попрощалась и заскочила в подъезд, чувствуя спиной тяжелый Риткин взгляд.

Все уже было на столе, но Костя задерживался. Она подошла к окну посмотреть, не подъехала ли его машина. В ту же секунду в дверь позвонили. Ее сердце счастливо забилося, так же как и в первый день их совместной жизни, — она всегда ждала его с радостным нетерпением. Катя поспешила в коридор и распахнула дверь. На пороге стояла Ритка с сигаретой в уголке рта. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Ритка выпустила струю дыма прямо Кате в лицо:

— Пустишь?

Катя молча посторонилась. Ей не хотелось, но причины для отказа она не нашла.

— Ну что, подруга, сходишь с ума потихоньку?

— Рит, тебе денег надо одолжить? Говори прямо. Что на этот раз?

Ритка бесцеремонно отправилась на кухню и втянула носом воздух.

— Это у тебя, подруга, случилось, а не у меня.

Костя-то твой уже месяц здесь не живет, а ты ему все харчи стряпаешь.

Катя усмехнулась:

— Завистливая ты. Никак мы не даем тебе покоя, — и, нахмурившись, добавила: — Один раз ты уже хотела нас поссорить, теперь опять что-то затеваешь. Уходи, пожалуйста. Я не хочу, чтобы он тебя застал.

Ритка стряхнула пепел в раковину и сунула сигарету обратно в рот:

— А он не придет. Он уже месяц не приходит. Ты сошла с ума. Тебе нужен врач.

Кате показалось, что на лестничной клетке слышался шум. Она радостно вскинулась:

— Это Костя! Сейчас он тебя быстренько выставит!

Она побежала в коридор. Ритка резво, наступая на пятки и глупо хихикая, припустила за ней. Катя распахнула дверь. Кости не было. Лишь с шумом хлопнулась соседская дверь напротив.

Она растерянно обернулась. Ритка нагло ухмылялась.

— Ну?!

— Странно. Хоккей уже давно закончился. Где же он?

— Где? У своей новой подружки. Он уже месяц там. Он тебя бросил и все свои вещи забрал.

— Что ты плетешь?! Ну что ты плетешь?!

— Лучше покажи, где его вещи? Покажи! Где?!

Катя подняла брошенный на пол пакет с перчатками и положила его на тумбочку:

— Вот. Перчатки ему купила.

Ритка дерзко засмеялась одной стороной рта, от чего в другой запрыгала потухшая сигарета.

— Купила? Новые? Да ты совсем плоха, подружка. А где его вещи?! Где?!

— Тапочки! Вот! Видишь?! — Катя вдруг разозлилась и пнула Костину тапочку в Риткину сторону.

Та радостно захохотала, схватила тапочку и замахала ею прямо перед Катиним носом:

— Ты чокнулась! Рехнулась! Сумасшедшая! Только эту рвань он и не забрал!

Ритка отшвырнула тапочку в сторону, одним прыжком подскочила к шкафу и распахнула створки:

— Дура проклятая! Где его вещи?! Где?! — Ритка резким движением перебросила пустые вешалки справа налево. Осенний Катин плащик слетел и беспомощно лег к ее ногам.

Она почувствовала, как испарина покрыла ее лоб, и привалилась спиной к стене.

Ритка метнулась в комнату и с каким-то диким завыванием и истерическим хохотом принялась распаивать шкафы, выбрасывать оттуда пустые вешалки, с грохотом выдвигать ящики комода.

— Пусто! Пусто! Пусто! — орала она в иступлении.

Катя вяло подумала, что она не выключила плиту: «Ноги как ватные, не дойду».

— Пусто! Пусто! Пусто! — визжала Ритка.

Дверной косяк больно впивался в спину. «Не дойду... Суп подгорит... Костя будет есть горелый суп... Костя? Как страшно. Какой холодный пол».

Испуганное Риткино лицо нависало над ней.

— Катя, милая Катя, прости, прости дуру, господи, сейчас вызову скорую, не волнуйся, сейчас, лежи тут...

Риткино лицо исчезло, и появился потолок с подтеком в левом углу, прямо над входной дверью. Катя перевела взгляд на обшитую бордовым дерматином дверь. Эта самая дверь захлопнулась за Костей навсегда. Он ушел. Давно уже ушел. Теперь можно закрыть глаза. Теперь можно...

С этого дня Катина жизнь наполнилась новым смыслом. Болезненным, навязчивым стремлением быть на периферии Костиной жизни. Хоть как-то, пусть с краю, пусть одним глазком, но присутствовать. Она боялась упустить момент своего выхода на сцену, когда все остальные героини отойдут на задний план, а что это случится, она не сомневалась. Теперь все было подчинено только этому, а осталь-

ное — работа, какая-то еда, сон — стали незначительными эпизодами. Катя вставала утром, кидала в сумку кусок белого хлеба и ломтик сыра и ехала через весь город с двумя пересадками, а потом еще на троллейбусе, к наблюдательному пункту. Она не замечала ни мрачной, воинствующей толкотни в метро, ни долгого ожидания троллейбуса на остановке. Взгляд ее был обращен в себя, вовнутрь. Бесконечно проигрывая всю жизнь с Костей, она пыталась найти ошибку — где, когда она была допущена, на какой дороге случился тот роковой поворот, который она проглядела, проскочив на всех парах близорукого счастья. Она подходила к дому и садилась на детские качели, удачно скрытые деревьями, с которых хорошо просматривался нужный подъезд. Костя выходил примерно в одно и то же время, хорошо ей известное. В пятницу пораньше, в выходные всегда позже, а по понедельникам совсем не появлялся — выходной. В этот день был выходной и у Кати.

Она ждала Костиного появления с деловитым спокойствием, как будто он выходил из их с Катей дома. Доставала из сумки бутерброд и жевала, не спуская глаз с подъезда. Наконец, дверь распахивалась. Катя смотрела на его высокую фигуру и уверенную походку с облегчением — с ним все в порядке, земной шар вертится вокруг своей оси, а значит, они обязательно будут опять вместе, просто надо быть терпеливой, надо ждать, ведь это временное явление, случайный сбой в программе. Однажды увидев, что капюшон его куртки некрасивым кулем завернулся за воротник, она вскочила и сделала шаг в его сторону, ее повели руки, привыкшие опрашивать, оглаживать, обнимать. Но это был секундный порыв, она снова села, сунула руки в карманы, а Костя, ничего не подозревающий, сел в машину и уехал со своим некрасивым кулем прочь.

Катя всегда потом сидела еще немножко и смотрела на других людей, вышедших из подъезда. Особенно внимательно она вглядывалась в молодых женщин. Она знала, что эта женщина существовала, факты подтверждали, и Катя боялась ее узнать, увидеть то необъяснимое, ей одной присущее, что переманило у нее Костю. С другой стороны, этой женщины не существовало — ведь невозможно серьезно считаться с недоразумением, с ошибкой. Наконец, Катя вставала с качелей и быстро уходила прочь, все время оглядываясь. Ей хотелось быстро-быстро уйти, чтобы не увидеть, и одновременно встать на караул прямо у подъездной двери, чтобы, наконец, увидеть.

Троллейбус покачивался, поскрипывал, люди толкались. Катя сидела, пользуясь преимуществом конечной остановки, глядела в окно, и ей всегда было чуточку грустно от предстоящих глупых, пустых часов до следующего утра.

Прошел почти месяц, начались затяжные осенние дожди. Но Катя никогда не забывала взять с собой зонтик, так что все было нормально, только немножко грязно под ногами — приходилось потом дома счищать налипшие на подошвы пласты.

Несколько раз вечерами звонил телефон. Она поднимала трубку и, слыша сначала умоляющий, потом тревожный, но с каждым разом все более сердитый Костин голос, очень осторожно клала трубку на рычаг, словно боялась спугнуть хрупкий образ мужа. Она не хотела портить их отношения некрасивыми, скандальными сценами. Если звонит, но не приходит, значит, ее час не настал. А пока ее даже больше устраивал родной, ежеутренний, мирный Костя, выходящий из чужого подъезда, нежели этот голос, жаждущий поставить точку в их отношениях.

Два раза приходили Очкодыр и Славик Аляска, приносили от Кости денег. Но Катя ничего не приняла и на порог их не пустила.

В один прекрасный день большая глубокая лужа и качели покрылись тонкой ледяной коркой, и Кате, чтобы сесть, пришлось долго скрести сиденье найденной рядом детской лопаточкой. Это оказалось трудоемким делом. Она все возилась, как вдруг услышала за спиной знакомый голос:

— Катя, я так больше не могу. Прекрати эту слежку.

Она резко обернулась. Костя стоял так близко, что она растерялась и даже не сразу заметила стоящую неподалеку девицу. Та смотрела с вызовом, выпятив беременный живот. Выпирающий пуп будто бы под прозрачной одеждой (так явственно Катя его видела) дерзко уставился на нее.

Катя побледнела и вдруг неожиданно для самой себя громко и четко сказала:

— А ты мне не нужен. Мне нужны мои деньги. Я прихожу сюда и все жду, когда у тебя проснется совесть.

— Деньги? — Костя нахмурился. — Какие деньги?

— Те, которые ты у меня украл. Мама копила их всю жизнь. А теперь они пропали. Только ты знал, где они хранятся.

Костя отшатнулся. Лицо его побелело.

— Ты сошла с ума!

Девица подошла поближе и встревожено спросила:

— Костя, о чем она говорит?

— А ты зачем тут?!

— Вор! — вдруг выкрикнула ему в лицо Катя, и большая черная ворона перелетела с дерева на качели.

Катя бросилась к Косте и дернула за воротник куртки, так что послышался треск рвущейся материи.

— Вор! Вор! Ненавижу!

Девушка схватила Костю за рукав и заверещала:

— Уйдем! Она чокнутая! Костя, она сумасшедшая!

Несколько человек остановились, наблюдая за ними издали. Но Катя ничего не видела, она била Костю по груди, голове, нелепо размахивая руками и не переставая кричать. Он хватал ее за руки и, наоборот, что-то кричал в ответ. Катя не слышала, она видела только его движущиеся беззвучные губы.

Катин крик перешел в нечленораздельный вопль, перемежающийся всхлипами. Она вдруг с такой силой рванула Костю в свою сторону, что рукав его тонкой куртки оторвался, и она, не удержав равновесие, упала в ту самую лужу. Такая мертвая тишина настала вокруг — глухая, ватная, вязкая. Она смотрела на Костю — он уходил, его тащила девушка, но он все время оборачивался, и губы на его бескровном лице что-то говорили, но что? Катя сидела, крепко держа его рукав, и смотрела им вслед, пока они не скрылись в подъезде. К ней скачком приблизилась ворона, наклонила голову и раскрыла клюв. Но она не услышала ни звука. Ей стало страшно. Она поднялась. Пальто набрякло от грязи и влаги и неприятно липло к ногам. Катя растерянно огляделась, ожидая, что прибавят громкость, — она совсем не знала, как ориентироваться в беззвучном мире. Троллейбусы почему-то мчались мимо, скользкая дорога издевательски раскачивалась из стороны в сторону, словно канатная, поезда в метро без предупреждения захлопывали перед ее носом двери, и она никак не могла войти в вагон. Но самое неприятное заключалось в том, что лица людей то приближались к ней вплотную, то удалялись, раскрывая, как рыбы, рты, и она не могла понять, кто из них в аквариуме с плотно закрытой крышкой — она или они. По дороге потерялась сумка. А с ней пропали паспорт и последние деньги. Кате было жаль — ведь никаких накоплений у нее не было да и маминых тайников никогда не существовало — это был абсолютный экспромт.

Больше она туда не ездила. Смирненное ожидание закончилось. Катя внутренне собралась, сосредоточилась в сухом мстительном чувстве. Бросила прежнюю работу и устроилась врачом скорой помощи, ближайшей к Костиному району, — благо были кое-какие знакомства. Сложно сказать, какую именно цель она преследовала. Это было что-то неосознанное, невысказанное, но абсолютно уверенное в своей победе. Как гонимая собака, она шла по следу, убежденная, что подвернется случай, и тогда... Что тогда? О, тогда мы посмотрим, кто кого! К Косте она теперь испытывала смешанные чувства — от тихой, стонущей, сдавленной спазмом в горле любви до яростной, звонкой, как пощечина, обиды. Они сме-

няли друг друга беспрерывно, но были лишь фоном ее внимательной, сосредоточенной, собранной, как перед прыжком, жизни.

Ритку, один раз появившуюся на пороге ее квартиры с извиняющейся физиономией и бутылкой водки в руках, она выгнала враз.

От ее благодушия с пациентами ничего не осталось — Катя стала суха, резка, избегала прикосновений и даже не могла скрыть брезгливость. Она много работала, иногда в две смены, брала дежурства на все праздники. С коллегами держала дистанцию — дружбы ни с кем не водила, чаи в перерывах не гоняла, на все вопросы отвечала кратко и по делу. Лишь к одному Мишеньке была ласкова. Мишенька, здоровенный детина с маленькими бегающими глазками и громоздкими разлапистыми руками, был ее напарником. Он крутил какие-то делишки с лекарствами, был скользок, хитер и всем неприятен, кроме Кати. Никто не догадывался, что этот отталкивающий гигант был для нее лишь мелкой пешкой в еще не разыгранной шахматной партии. Один раз она поймала его на откровенном воровстве и стала к нему еще ласковей. Он все делал, как надо.

Дома Катя почти не бывала, а когда случалось, то наливала себе жидкий чай и сидела, тупо уставившись в телевизор. Она почти не понимала, что смотрит. Мелькание картинок, приглушенный звук были необходимы для заполнения пустоты. Лишь однажды оживилась, увидев передачу про беременную, к которой не успели врачи, и та потеряла ребенка. Катя вскочила и заходила из угла в угол. Цель ее проступала из тумана, становясь все отчетливей. Что-то подобное должно произойти. Откуда она могла знать, что с беременностью девушки будут проблемы? Что вызовут именно ее скорую? Что Кости не будет рядом? Да не откуда. Но она просто знала. Непонятно, что идет впереди — сильное желание, подтягивающее за собой реальность, или интуитивное предвидение того, что уже давно вписано в книгу судьбы.

Ночами, когда напряженное тело расслаблялось, на нее вдруг накатывала такая тоска, что хотелось выть в голос. Она сжималась в комок, зажмуривала глаза и представляла огромную вселенную с множеством маленьких планет. И среди них одну — синезеленую, а на ней крохотную точку города, а в городе — микроскопический дом и саму себя, столь незначительного, столь ничтожного размера, что ее беда съеживалась, усыхала на глазах — Кате становилось легче, — однако все равно не пропадала, а так и сидела занозой в сердце.

Иногда ей снился Костя — бледный, утаскиваемый ненавистной девушкой прочь и все время обирающийся. Он беззвучно шевелил губами, она

мучительно вглядывалась, но не могла разобрать ни слова. Наутро она чувствовала себя разбитой, была раздраженной, срывалась на пациентах и, что необъяснимо, плохо слышала.

Лор ничем не смог ей помочь. Он долго и старательно заглядывал ей в уши и нос, бренчал задумчиво инструментами, что-то строчил в карте и в итоге прописал какие-то бесполезные капельки. А что ей эти капельки? Смешно даже!

Тогда впервые она подумала, как бессмысленна и глупа ее профессия, — ничегошеньки врачи не знают о человеке, ничего!

Катя была так уверена, что долгожданное произойдет, что даже не удивилась, увидев однажды вызов по Костиному адресу. Она спокойно его зафиксировала, повернулась к Мишеньке и сказала:

— Мы сейчас поедem по вызову. Машина остановится у подъезда, я выйду, а ты останешься в ней. Тебе резко станет так плохо, что ты не сможешь пойти со мной вместе к пациенту. Я не знаю, что с тобой случится — понос, эпилепсия, инфаркт, — ты потом сам придумаешь.

— Что? — Мишенька вытаращил на нее свои крохотные глазки.

— Так плохо, что ты будешь сидеть и тихо стоять.

— Ты чокнулась?

— Если ты не хочешь потерять свои левые доходы и отправиться в тюрьму, то даже не будешь спрашивать, что, как и зачем. Просто сделаешь, как я прошу.

Мишенька угрюмо кивнул. Ему вдруг показалось, что он и правда неважно себя чувствует.

Катя с чемоданчиком в руке поднялась на третий этаж. Подошла к двери, обтянутой черным дерматином, с чуть кривоватыми цифрами «12»; к двери, столько раз мысленно распахиваемой ею и столь ненавистной, что казалось — одно только это жгучее чувство может вдохнуть в неодушевленный предмет жизнь. Дверь и правда, словно живая, вдруг приотворилась ей навстречу, жалобно скрипнув. Катя вздрогнула. Серый тощий кот, протиснувшись бочком в образовавшуюся щель, мякнул и, задрвав хвост, прошелся по ее ногам. «Кыш!» — Катя решительно открыла дверь и вошла. Та самая девица лежала на полу посреди комнаты, согнув ноги в коленях и обхватив руками живот. Вокруг нее мягкими волнообразными краями растеклась розовая лужа. Девица подняла голову и тревожно на нее уставилась. «Узнала», — испуганно подумала Катя. Но девица спросила: «Вы из скорой помощи?» и, не дожидаясь ответа, забормотала прерывающимся голосом: «Наконец-то... Воды отошли... Хотя еще не срок... Не могу встать, боль страшная... Еле до теле-

фона доползла... Муж уехал, никак не связаться... Ах!» — вдруг вскрикнула она и откинула голову назад. Катя не шевелясь, смотрела на ту, которая отобрала, увела, лишила, разметала ее жизнь в клочья, растерла в порошок, пепел, прах... «Господи, как же я ненавижу! Как же я...»

«Ах!» — еще пронзительней вскрикнула девица, приподняла и снова уронила голову с глухим стуком на пол. И вдруг заголосила на одной ноте, не прерываясь даже на вдох и забираясь все выше и выше. Катя торопливо закрыла входную дверь и подошла к ней: «Что-нибудь ей сейчас вколоть... Или нет, не вкалывать... И сама... Видно, дела плохи... Уйти потихоньку... Никто не узнает... Мишенька жаден до крайности... Скажу, никто не открыл... Или подделаю в вызове номер квартиры — мол, ошибка... Или... Придумаю, придумаю что-нибудь...» Девица затихла и прикрыла глаза. Катя стояла и, рассматривая соперницу, никак не могла решиться. «Что же он в ней нашел? Такое белое глупое лицо. И ноги костлявые. Далеки от балетных. Просто случайно заделал ей ребенка. Ребенка не станет, и Костя уйдет...» Словно почувствовав опасность, девица открыла глаза и чуть приподнялась, непрерывно моргая из-за пота и слез и силясь разглядеть Катино лицо. И вдруг, скривив жалобно рот, проговорила: «Ну что же вы? Сделайте что-нибудь...»

Катя села с ней рядом и, глядя в красные от лопнувших сосудов глаза, сказала: «Я Катя. Жена Кости. Год я плакала каждую ночь. Год. Триста шестьдесят пять дней. За что?»

Глаза девицы стали круглыми и испуганными. Она смотрела на Катю, некрасиво приоткрыв рот. И вдруг дернулась всем телом, откинулась назад и глубоко задышала. «Какая она жалкая... Он не может ее любить. Она его недостойна. Он любит меня, родного ему человека. У нас обязательно будет ребенок... В конце концов есть искусственное оплодотворение...» Девица перестала стонать — видимо, отпустило, — повернула к Кате взмокшее лицо и, глядя бессмысленно и ласково, спросила еле слышно: «Ты вернулся, милый? Ты купил цветочный горшок побольше? И но-шпу, как я тебя просила?» Она поводила глазами из стороны в сторону и с усилием сфокусировала их снова на Кате: «Я пересадила сегодня герань. А под фикус — ничего нет. Огромный вымахал. Так ты купил?» Потрескавшиеся губы сложились в жалкое подобие улыбки: «Костя, Костенька, косточка моя сливовая...»

Катя оторопела смотрела на нее... Косточка сливовая?! Ей он тоже рассказывал?! У Кати вдруг закружилась голова, она прикрыла глаза и увидела Костю — он уходил, его тащили за рукав, но он все время оборачивался, и вдруг его беззвучные губы

закричали во весь голос: «Катя, прости меня! Так получилось! Никто не виноват! Я полюбил ее, по-настоящему полюбил! Ребенок ни при чем! Прости меня!»

Катя встала, свернула полотенце и подложила девушке под голову. Лицо той вдруг заострилось. Осмысленно и четко, устремив взгляд в потолок, она сказала: «Ребенок-то наш совсем плох... И я, похоже, тоже...»

Каталку стремительно увозили по коридору. Катя смотрела ей вслед, в голове беспрестанно крутилось «...Я у Бога вымолю прощение и тебе, и всем, кого ты любишь...», и она никак не могла вспомнить, кто же автор этих строк.

В ту ночь она впервые за последние два года спала крепко и безмятежно. Ей снился сон. Она сидела на белом песке и смотрела на море. Рядом

с ней была какая-то женщина — в возрасте, седая, с сигаретой в руке. Она одобрительно ей улыбалась. От нее шло тепло. Кате захотелось сказать ей что-то важное, искреннее, но в горле как будто застряло что-то, и она не могла произнести ни слова. Женщина вдруг показала ей жестом: «Выплывай. Тебе не нужен он больше». Катя ощутила на языке маленький шершавый предмет. Она выплюнула его на ладонь. Это была сливовая косточка. Женщина улыбнулась и сказала: «Смотри-ка, получилось. Ты отпустила... Отпустила, наконец. Теперь тебе будет очень легко, очень спокойно».

Катя зашвырнула косточку далеко в море, растянулась на горячем песке и блаженно слушала, как волны одна за другой набегают на берег. Ее сердце было наполненным до краев и в то же время пустым. Она была свободна.

ГУРЕВИЧ

Гуревич Н. Б., маленькая шупленькая учительница русского языка и литературы, работала в школе давно. Так давно, что даже старожил школы, уборщица тетя Нюра, пережившая вереницу завучей и колонну учеников, пришла уже после нее. Впрочем, определить возраст Гуревич было трудно. Не старуха вроде, но и не молодящаяся женщина средних лет. Биологичка, относящаяся как раз к последним и ожидающая свое сорокапятилетие как день страшного суда, говорила вполголоса в учительской: «Совершенно не определяем. Совершенно». Но никто не вовлекался в разгадывание возраста Гуревич. Что тут гадать, Гуревич и Гуревич.

Все, от первоклашек до директора школы, звали ее за глаза именно так. Протяжно-уважительное, предшествующее фамилии употреблялось редко, когда не обойтись. Она и вправду была больше Гуревич, нежели это неопределенное, не созвучное с ней — Н. Б. Худая, с темными с проседью волосами, в перекрученных колготках и с неизменной сигаретой, которую если не курила, то крутила длинными узловатыми пальцами. Пепел был повсюду: осыпался на ее нелепые кримпленовые костюмчики, возвышался серыми холмиками на всем, что могло сойти хотя бы за дальних родственниц пепельниц, летел за ней звездной пылью. Вытравить гнусную привычку, неприемлемую для работников школьного учреждения, можно было только вместе с самой Гуревич: курение, так же как и имя, намертво въелось в образ. Впрочем, никто и не думал вытравливать. Ее не то чтобы любили, скорее жалели. Особенно Лидия

Леонидовна — последний в тети-Нюриной веренице завуч — широкая, богатая телом женщина с зычным голосом и усатым мужем — учителем физкультуры. Леонидовне все время хотелось накормить Гуревич, что ли, или поправить перекрученные колготки, а лучше выбросить вовсе: «Вон петля у вас справа спущена, никуда уже не годные... Хотите бутерброд с колбаской к чаю?» Ко всему прочему Гуревич при ходьбе припадала на левую ногу, травма там была давняя или операция неудачная, никто не знал, это было совсем из допотопных времен. Тут уж у мужа-физкультурника сжималось сердце, когда сухонькая фигурка с ныряющей осью движения спешила по коридору на урок, и он провожал ее жалостливым взглядом.

Короче, ее не трогали, как не трогают старую коммунальную кошку, прощая ей плешивость и вредные привычки. Впрочем, нельзя сказать, что Гуревич уже давно не ловила мышей. Отнюдь. Она была неплохим педагогом. Вдохновенно, с цитатами, вела любимые ею уроки литературы, не замечая, что Макаров мажет шею соседа чернилами, а Клюева, глядя в зеркальце из-под парты, пытается создать тот же чернильный эффект на ресницах. Может, отклик нужен только неуверенным во взаимности людям? Гуревич не то чтобы была в ней уверена, скорее она вообще в ней не нуждалась. Стоя у доски, она устремляла взгляд поверх голов и мечтательно произносила: «Мы родом из детства, — и завершала на торжественной ноте: — Антуан де Сент-Экзюпери».

А откуда она сама была родом? Это нелепое колченогое существо, с поеденными молью нарядами и въевшимся запахом старого курильщика? Из какого-такого детства? Неужели из нежного лепечущего младенчества с ниточками-перевязками на пухлых ручках?! А потом из тонконогой сияющей юности?! В это трудно было поверить. Наверное, даже и самой Гуревич. До одного расчудесного дня. То есть до одного вполне обычного дня, примечательного только очередным родительским собранием. Чудесным в нем вдруг оказалось стечение обстоятельств, которыми изобилует жизнь, если приглядеться. Гуревич и пригляделась, хотя ей было несвойственно смотреть по сторонам.

Короче, сидя в президиуме, перед партами с родителями, неожиданно для самой себя она задержала взгляд (обычно скользящий) на холемом мужчине, папаше новенького мальчика, перешедшего недавно из другой школы, и узнала в нем... Вову, Вовчика. Ее Вовчика. И тут же в памяти, как картинки в волшебном фонаре, замелькали доказательства ее той самой позабытой сияющей юности. Вовчик был студентом Литературного института. И она тоже. Подающим надежды поэтом. И она тоже — начинающая поэтесса. Через три минуты после знакомства он стал звать ее не как все — скучным, затертым, как кличка старого пса (с годами надоевшим ей до одури), — Гуревич, а интимным — Ни, сокращая ее имя до первых двух букв и одновременно дистанцию между ними. Хотя какая там дистанция. И не было ее с самого начала. И колченогости не было, и курения, и тоскливого бегства в литературу. Были именно восторженные глаза, легкость чуть мальчишеской узкобедрой фигуры и желанное творчество. Устраивали литературные вечера на квартирах. Читали стихи, пили и пели под гитару. Под утро он провожал домой, громко крича в невероятное розовое небо:

Смотрите!
Звезды опять обезглавили
И небо окровавили бойней!

И нагнувшись к ней, шепотом:

Глухо.
Вселенная спит,
Положив на лапу
С клещами звезд
Огромное ухо.

Пустые улицы вторили эхом. Он крепко обнимал ее за плечи. Сводящее с ума сочетание: Маяковский и

ее доверчивая детскость, бестелесность, воздушность тела. А сейчас сидит за партой напротив, в солидном костюме, никакой поэзии в глазах, одна сытость (конечно, не узнает ее; какое там, даже родители родные были бы живы — не узнали), а рядом с ним — полная дама (супруга, черт ее подери), похожая на тюлениху гладким лицом и блестящими зализанными волосами. Он поменял вкусы? Нет, скорее, полностью жизнь... Все ушло... Ушло... Будто и не было...

А ведь они с ним почти что поженились. Два раза. Опять же мистическое стечение обстоятельств. Приехали в ЗАГС после ночи любви, полной стихов, его рук, сжимающих до хруста, пробегающих по потолку бликов и снова стихов. Что эта тюлениха может об этом знать?! Что-о-о-о?! Он внес свою Ни в ЗАГС на руках, с торжествующим видом, а она — гордая, с распухшими от поцелуев губами. Все напрасно. Оказалось, у нее не вклеена новая фотография на 25 лет, а с таким непорядком в паспорте заявления не принимают.

Второй раз, после очередного ночного гулянья, они решили во что бы то ни стало дожидаться открытия ЗАГСа. Не спали, шатались по пустому городу, говорили, говорили. В девять стояли у входа. Первые и единственные на свете влюбленные. Больше никого не было. Немного погодя выяснилось, что понедельник — выходной для клятв в вечной любви день. А потом это желание замусолилось, затерялось среди его вдруг начавшихся необъяснимых исчезновений и ее панических ожиданий, кануло в бесконечных ссорах, растворилось в соленых слезах. Тогда и появилось это курение до утра на холодной кухне. Ходила из угла в угол, обхватив саму себя коченеющими руками или зажав рот, чтобы не выть во весь голос от отчаяния и боли. А потом...

Глупо, но ведь было. Никуда не деться. Жить без Вовчика не хотелось, и это было сильнее страха смерти. Прыгнула из окна кухни. Думала вырваться из нестерпимого одиночества, как бабочка из кокона. Но увы... не полетела ввысь, а, зацепившись за ветку дерева, смягчившую падение, рухнула нелепым кулем вниз. Отсюда и хромоногость. Вовчик навестил пару раз в больницу, виновато посидел у постели, украдкой кося в сторону окна, как будто тут было уже мертвое, но еще не погребенное тело, а за окном ждало — теплое, живое. Догадка подтвердилась — после захлопнувшейся за ним двери она дотянулась кое-как до подоконника и увидела удалявшуюся парочку. Две счастливые спины: его и девичью — в белой кроличьей шубке.

И все. Не сложилась жизнь: не жена и не мать. Были лишь жалкие попытки. Именно жалкие, ничем не окончившиеся. Да и творчество подкачало. Дети, конечно, цветы жизни, но порой она чувство-

вала себя удобрением. Поэтический талант превратился в коровий навоз.

Гуревич еще раз пристально посмотрела на Вовчика. Внимательно слушая Леонидовну, он провел рукой по лысеющей голове. И было в этом жесте столько узнаваемого и родного, что стены класса вдруг раздвинулись, и прямо на стуле Гуревич, с некрашеными волосами и нездоровым цветом лица, никому не нужная, нелюбимая, отправилась в чувственное путешествие по закоулкам прошлой любви. Она слышала запах Вовчика... Он шептал ей на ушко: «Ни, моя Ни...» Она смеялась... Он слегка прикусывал зубами кончик ее носа... Она гладила его щеку... Он... Она... Он... Она...

Леонидовна умолкла, и родители задвигали стульями. Вовчик поднялся и заботливо помог своей благоверной выпростаться из-за тесной парты. Гуревич, как есть, все такая же, со всеми приставками «не», спустилась с небес на землю, припечатав всеми четырьмя ножками стула потертый школьный линолеум. Не она и он. А они!

Вовчик, как тореадор, развернул верхнюю одежду, и ненавистная толстуха, вслепую потыкавшись руками, вздернула ее на плечи. Облачившись, они вышли из класса и пошли по коридору плечом к плечу. Гуревич смотрела им вслед. Опять две счастливые спины... Опять...

— Вот это шуба! — мечтательно пропела Леонидовна. — Роско-о-ошная шуба!

Гуревич обернулась на Леонидовну, а затем вновь посмотрела на удаляющуюся парочку. И только сейчас заметила на той, которая уводила ее Вовчика, белоснежную, шелковистую, до пола шубу. «Почему жизнь все время поворачивается ко мне спиной? Почему у меня всегда шиш с маслом, а у других и Вовчик, и шуба, и белобрысый сынок в пятом классе?» Гуревич сгребла кособокое пальтишко из учительской и, проходя мимо зеркала на стене, вдруг остановилась. Она так давно не смотрела на себя оценивающим женским взглядом, что не знала, с чего начать. Робким жестом поправила волосы, внимательно прошлась глазами сверху вниз и горестно сказала: «Шиш! Даже без масла!»

С того самого дня Гуревич начала копить. Аккуратно, в начале каждого месяца, две трети зарплаты перемещались в жестяную банку из-под мармеладных лимонных долек. Если раньше она любила пить чай и перелистывать томик Ахматовой (настольную книгу), то теперь засунула его на верхнюю полку и долго, с упоением прихлебывая горячую жидкость, рассматривала жестяные узоры на банке-копилке. Время от времени открывала тугую крышку и втягивала носом запах сложенных купюр. Неправда, что деньги не пахнут. Эти пахли. Сахарной пудрой,

цитрусом и мечтой. Белоснежная мечта являлась во сне, влетая вместе с морозным воздухом в форточку. Выпрыгивала со страницы учебника вместе с правилом о шипящих. Округлыми протяжными словами «роско-о-о-ошная шуба!» вылетала из Леонидовны, стоило той только открыть рот (хотя вещалось совсем другое: строгое, учебно-методическое).

Гуревич продолжала осыпать себя пеплом и носить стоптанные туфли, но где-то там, впереди, ее ждала желанная, обещавшая круто изменить жизнь шуба.

Примерно в это же время к ней приблудились соседские дети. Девочка лет пяти и мальчик чуть помладше.

В общем-то, она знала их давно и время от времени подбрасывала какие-то мелкие деньги их матери-алкоголичке. Елена (так звали соседку) всегда игнорировала звонок и яростно барабанила в дверь. Гуревич ворчала: «Опять Елена Прекрасная пожаловала», но шла открывать. В противовес наглому стуку лицо у Прекрасной Елены было жалобно-униженное. За ней подкреплением, призванным усилить психологическую атаку, стояли дети.

— Гудит. Все гудит и гудит, — начинала Елена, иногда повторяясь в своих просительных заходах.

— Что гудит?

— Да голова проклятая.

— Пить надо меньше. Не дам.

— Что ты, мне не на опохмел! Мне на этот... как его... на панадол. И Витьки вон не кормлены, — завершала она беспроигрышным средством.

Витьками она называла обоих детей. Старшей при рождении дала благородное имя Виктория, но почему-то звала ее Витькой, а когда родился мальчик, то для простоты и удобства был записан Виктором. Витьки смотрели одинаковыми круглыми глазами, и Гуревич всегда давала троице немного денег, хорошо еще, Елена соблюдала очередность и ходила к благодетелям с равными временными промежутками. Но это были мирные периоды. Перемежались они буйными, когда Елена за тонкой стенкой, разделявшей их с Гуревич квартиры, вела себя как медведь-шатун по весне. Она рычала пропитым голосом и швырялась чем попало. Дружки-ханьги шныряли туда-сюда, хлопая дверью. Гуревич терпела, милицию не вызывала. Лишь детей ей было ужасно жаль.

Однажды, после особенно громкой тирады, наступила зловещая тишина, и Гуревич, вдруг испугавшись, вышла на лестничную клетку. Соседская дверь была приоткрыта. Гуревич заглянула и увидела слева на кухне сгорбленную спину Елены, которая прикорнула на захламленном столе. А по прямой, в конце коридора, сидели на полу дети и молча строили башню из пустых пивных банок. Гуревич подошла и присела рядом:

Иллюстрация Елизаветы Горяченковой

— Пойдемте ко мне. Я вам почитаю книжку про маленького принца.

С тех пор она часто забирала детей к себе. Витьки были тихие, очень серьезные. Гуревич усаживала их рядом с собой на софу и читала. Они держались за руки и синхронно хлопали ресницами. Господи, никто и никогда не слушал ее так внимательно! И эти смиренные четыре ножки в рядок, в колготках-лапше с пузырями на коленях, в драных сандаликах (причем те ножки, что покороче, — тоже в девичьих, явно с сестринской ноги). На кухню шли, не размыкая рук. И там — рядышком, никакой спешки, сосредоточенно и молча жевали, будто впрок. Гуревич тоже молчала, подкладывая им кусочки. И только когда раздавался материнский долбеж в дверь, ручки откладывали недоеденное, ножки прыгивали со стульев и торопились к двери.

Зиму сменила весна. Три толстые книги были прочитаны от корки до корки, и они снова приступили к первой (про маленького принца), когда Витя, вдруг отпустив руку сестры, придвинулся к Гуревич поближе, прижался к ее боку и засопел, всматриваясь в картинку. А Вика спросила: «Тетя Нина, а вы можете нарисовать мне барашка?»

Стук в дверь раздавался все реже. Елена была явно довольна положением вещей и частенько оставляла детей у соседки на ночь. Гуревич укладывала их на софе и возвращала Елене утром перед работой. Барашек в разных вариациях (в коробке и без) был нарисован. И теперь всем троим мечталось раскрасить рисунки гуашью, но у Гуревич все не получалось забежать в канцтовары, да и лишних денег, честно говоря, не было.

Весну сменило лето. А жестяная банка тем временем пополнялась. Как-то Витя потянулся к ней любопытной ручкой, но Гуревич неожиданно грозным голосом запретила и поставила банку повыше. Мальчик, не слышавший прежде от нее такой строгости, тут же прилепился к сестре, схватив ее за руку. Пришлось спешно бежать в магазин за красками, принеся в жертву кофе в школьном буфете до конца недели. Но жертва была принесена легко. Гуревич вдруг стало наплевать на былые радости. Что-то незримо изменилось в ее мире. И уединенный кофе за столиком у окна, и островное существование в шумной учительской не имели уже прежней цельности. Стекланный колпак дал трещину, и сквозь нее просачивалась жизнь. Она вдруг начала вслушиваться в разговоры учителей. И обратила внимание на платье Леонидовны глубокого синего цвета. Хм... Синее с белоснежным... Неплохо. Она бодро хромала домой после уроков и думала, что ее ждут дети. Дети! Ждут!

Когда они обхватывали ее за шею, терлись носами, касались кудрями ее щеки или заглядывали в глаза, внутри что-то обмирало и таяло, растекаясь по всему телу. Какая-то нега, сонное оцепенение, парализация воли, мыслей, желаний, кроме одного, чтобы еще и еще, чтобы с ней рядом. Они и были каждый вечер рядом.

— Тетя Нина, посмотрите, какой рисунок у нас вышел!

— Красотища, цуцики! Молодцы!

Коробка с красками оказалась волшебной. Даже принц был забыт. Раскрашивалось все подряд — старые тетрадки, ломкие газеты, обшарпанный кухонный стол. В расход шла вся ее старая блеклая жизнь. Они делали ее цветной и радостной. Гуревич отмывала перед сном ладошки и физиономии (а теперь спать, цуцики, спать! уже поздно!), потом кухонный стол, складывала баночки с гуашью (надо бы купить новые, эти почти кончились), полоскала кисточки, собирала рисунки по всей квартире. И все это сопровождалось неразборчивым мурлыканьем, и притопыванием, и вроде бы даже кружением. И было от чего кружиться — крышка мармеладной банки уже с трудом закрывалась, лето сменила осень, и Гуревич потихоньку начала делать шубные вылазки. В эти дни она не забирала детей, чем страшно раздражала Елену. После школы Гуревич сразу шла в меховой павильон и вдумчиво прицеливалась к грядущему счастью. Она быстро ковыляла мимо норкового и песцового счастья и медленно — мимо кроличьего и мутонового. Чей именно мех, ей, в общем-то, было неважно. Важно, что белое, долгожданное, ее. Продавщицы вскоре приметили эту непонятную тетку (что это чучело тут делает?). И когда она от прицеливания перешла к робким примеркам, они держали запахнутые шубы на вытянутых руках, глядя в сторону пустыми холодными глазами (господи, ходят тут всякие, шубы треплют почем зря). Но Гуревич этого не замечала. Она смотрелась в зеркало со смущенной улыбкой и не крутилась, как другие покупательницы, а замирала в одной позе в фас, чуть разведя руки в стороны. Какое ей было дело до профиля и вида сзади. Счастье не разменивалось по мелочам. Правда, потом она долго разглядывала ценники, и ее лицо принимало озабоченное выражение. Счастье имело денежный эквивалент, и от этого никуда было не деться.

Осень сменила зима, а продавщицы сменили пустые взгляды в сторону на прямые, сверлящие, откровенно возмущенные, когда Гуревич, наконец, выбрала. Облегченно вздохнув, продавщицы завернули шубу в воздушно-бумажно-хрустящее, пересчитали смятые купюры и на удивление приветливо попрощались (правда, без обычного

«приходите еще»). Гуревич принесла добычу домой, положила в шкаф и неделю не разворачивала сверток. Она ходила на работу, но при этом носила его будто под сердцем — нетронутый, желанный, наконец случившийся в ее жизни. Неделя выжидания была не просто так. В пятницу должно было состояться родительское собрание. К белому было задумано синее (полпакетика синьки плюс старое платье) и рыжее (полпакетика хны плюс седые волосы). Гуревич весь день порхала между кухней и ванной. За Гуревич следом носилась Вика, а за Викой — Витя:

— Тетя Нина, платье будет синим? Ух ты! Тетя Нина, а волосы рыжими? Вот здорово!

— Боже, цуцки! Мне же надо сапоги из ремонта забрать! Как я могла забыть?! — Гуревич метнулась в коридор и схватила пальто. — Побудьте тут. Я быстро.

Гуревич спешила и даже обогнала какую-то медлительную тетку в коричневой норковой шубе, с удовлетворением отметив: «У меня лучше». Снег блестел в свете фонарей. Гуревич смотрела на свое отражение в витринах и представляла себя в длинной, сногшибательной шубе и вроде даже не хромающую, а рядом как будто бы высокая мужская фигура и две детские... И Гуревич захотелось припустить от радости, как бегала она девчонкой просто так, без причины — от молодости и энергии, переполнявших тело. А в голове застучали вдруг слова, пока еще вперемешку, но уже пронизанные тем особым настроением, той нежной нотой, что так давно не удавалось поймать, и она зашевелила губами в такт шагам, и слова, чуть еще потолкавшись, встали на свои места:

Я состою из сумерек всерьез,
Из табака, привычки хмурить брови,
Нелепых юбок, бус, и глаз, и слез,
Стихов и кашля, долгих предисловий.
Из нежности, которая уже
Становится жестокой без ответа,
Из бледной терракоты скул и щек,
Из счастья прошлого и будущего света....

Гуревич распахнула входную дверь и весело крикнула: «Цуцки! Я вернулась!» Никто не ответил. Не снимая обуви и пальто, она торопливо прошла по коридору и заглянула в комнату. Дети сидели рядом с разложенной на полу шубой и, склонившись над ней, что-то сосредоточенно делали. У Гуревич сжалось в тяжком предчувствии сердце. Она подошла ближе... Черные, зеленые, красные, синие полосы и пятна покрывали от верха до низа ее бывшую когда-то белоснежную шубу. Гуревич задохнулась. Ей по-

казалось, что ее стукнули чем-то тяжелым в грудь. Она покачнулась, открыв в немом вопле рот, и в следующую секунду воздушная пробка вылетела с хрипом и с каким-то протяжным всхлипом вон. Гуревич рванула сидящую к ней ближе девочку за руку вверх и, размахнувшись, вlepила пощечину. Голова Вики дернулась, уголок глаза влажно блеснул и тут же спрятался под рассыпавшейся в беспорядке челкой — она уставилась в пол. Витя глядел испуганно, рот у него кривился в преддверии плача. Гуревич села на софу и глухо сказала: «Уходите. И никогда... Слышите... Никогда больше сюда...»

Вика, не поднимая головы, взяла брата за руку и шепотом сказала:

— Тетя Нина... мы хотели... чтобы красиво...

— Никогда. Сюда. Ни ногой.

Щелкнув замком, захлопнулась дверь. Гуревич, как была — в пальто и сапогах — легла на бок на софу. Правой рукой она нащупала за спиной покрывало, потянула его и накрылась с головой. Комок в груди разрастался, словно раковая опухоль. В голове беспрестанно крутилось: «Из бледной терракоты скул и щек, из счастья прошлого и будущего света...» Она вдруг тоненько заскулила, и вслед за этим ее тело сотрясли сухие прерывистые рыдания.

Нарыдавшись вволю, она еще долго лежала в темноте покрывала, обессиленная, в тупом равнодушии, без единой мысли, пока, наконец, не провалилась в сон.

Проснулась Гуревич посреди ночи: затекшие ноги, деревянное тело, жутко хотелось пить. Покрывало сползло на пол, и люстра на потолке била резким светом в глаза. Она села. Часы показывали пятнадцать минут четвертого. Взгляд упал на испорченную шубу, затошнило, закружилась голова. Она прикрыла рукой глаза и замерла, будто надеясь оцепенением отменить все произошедшее, как дурной сон. Но сон был явью, отменить было невозможно. И она медленно стянула сапоги и, зажав в руке, с усилием встала.

В коридоре было темно. Темно и тихо. Стоило выйти из желтого косоугольного квадрата света, падавшего из комнаты, как озноб, несмотря на пальто, пробрал до костей. Тоскливый сумрак пустой квартиры. Пустой, как ее никчемная жизнь. Длинный и бесконечно одинокий путь. В конце коридора виднелось кухонное окно — равнодушное, подслеповатое. Костлявые мертвые ветки, оживляемые лишь ветром, качались и скреблись с той стороны о стекло. Она не хотела туда идти. В ее жизни уже было окно, и это оказалось ошибкой.

Маленький зрачок дверного глазка излучал теплый мягкий свет, словно приглашая заглянуть. Она

подошла и приникла к нему глазом. Рука разжалась, и сапоги с глухим стуком упали на пол. В тусклом свете лампы Вика спала, сидя на лестнице и привалившись спиной к стене. Сжавшись в комочек и положив голову Вике на колени, спал ее брат. Гуревич распахнула дверь, вышла босиком на лестничную клетку, села рядом на ледяные ступени и обняла детей обеими руками, прижавшись к ним всем телом.

Вот уже полгода, как Вика ходит в школу. Гуревич купила ей юбочный костюм и портфель с розовыми слонами. Витя знает почти все буквы, и она уже присмотрела портфель с машинками на будущий год. А в шубе (в едва заметных черных, лиловых и зеленоватых разводах) щеголяет теперь тетя Ньюра, ничего еще себе женщина, очень даже интересная.

Натан ЗЛОТНИКОВ

Стихи Натана Злотникова живые, полные печали и надежды, мудрого спокойствия и открытой боли. Они красивы той красотой, которой наделена душа Натана — мягкая и мужественная, бесконечно добрая к людям и неутомимо требовательная к себе. Он был из тех, кто «не позволял душе лениться».

Есть особое сиротство в стихах, покинутых поэтом. Есть особая сила в них — они дышат двойной энергией, потому что отныне и навсегда им жить не только собственной жизнью, но и продлевать собой его жизнь.

Татьяна Кузовлева

Натан Злотников родился в 1934 году в Киеве в семье рабочего завода «Арсенал». Отец считался превосходным разметчиком. На заводах Киева и сейчас работают его ученики. В начале войны «Арсенал» и семьи его работников были эвакуированы на Урал в г. Воткинск (Удмуртия). В пору военных лет отец, как и другие, сутками не выходил из цеха.

В Воткинске были прочитаны первые книги, окончены семь классов школы и первый курс машиностроительного техникума. С 1953 года, защитив диплом в Киевском механическом техникуме, работал в литейных цехах на заводах Украины.

В 1954 году был призван в Советскую армию. Прошел службу в качестве курсанта учебной батареи и сержанта, командира зенитного орудия. Неоднократно был награжден воинскими знаками «Отличный артиллерист» и «Отличник ПВО». Был награжден именными часами командования за отличную зенитно-артиллерийскую стрельбу, занесен в книги почета полка, дивизии и Северного военного округа.

В 1962 году окончил Киевский политехнический институт.

Весной 1963 года начал работать в редакции журнала «Юность», где проработал 34 года, до весны 1997 г., исполнял обязанности литконсультанта, литсотрудника, заведующего отделом поэзии, консультанта главной редакции, наконец, заместителя главного редактора. Награжден орденом «Знак почета», медалью. Является лауреатом премии Флора Васильева Союза писателей Удмуртии (1982 г.) и лауреатом премии журнала «Смена» (вторая половина восьмидесятых годов). Автор шестнадцати книг стихов и одной книги прозы. Был составителем юбилейных сборников «Юности» за X, XX, XXV и XXX лет, поэтических антологий, переводил стихи поэтов союзных и автономных республик и областей России и зарубежных стран. Выступал на Европейском поэтическом форуме в Бельгии (1990 г., г. Льеж).

Весной 1997 года перенес инсульт, став инвалидом I группы, тем не менее все время продолжал работать — писать стихи, статьи. В 2003 году вышли книга статей с размышлениями и воспоминаниями о творчестве писателей, стихи в журналах «Кольцо А», «Юность», в «Литературной газете», статьи о Б. Полевом, Б. Слуцком, Б. Окуджаве. Был профессором и деканом Международного восточно-европейского университета (г. Ижевск).

* * *

Октябрь. До снега двадцать дней.
Река, как нож плохой заточки,
Темна, и сердцу всё видней
Рябины гроздь и листочки.

Когда рябина так нежна,
Так трогательна, так пунцова,
Река, промерзшая до дна,
Сварлива, скаредна, свинцова.

Кому сказать: повремени —
Строкой вселенского устава? —
Пощады равно ждут они,
Прощанья, снега, ледостава.

Сто лет пройдёт, и сто по сто —
И не поймёт — ведь так и надо —
Ни жара этого никто,
Ни этого сквозного хлада.

Междугородний автобус

Что вам фортуна, сударыня?
Вот уж автобус, пора.
Капли росы, как испарина,
В стеклах дрожат до утра.

Вы пролетите долиною
С тёплой травинкой во рту
Через густую и длинную
Русскую темноту.

Чтобы к рассветному золоту
С быстрым домчать колесом,
Чтобы, как водится смолоду,
Вдруг да прервать чей-то сон.

Жаль, не напрасны старания —
Путь и до вас проторен, —
Жаль, что такая вы ранняя
Средь наших поздних времён.

Затяжной прыжок

Привиделся сонный покой
Свергающемуся с высот.
А то, что всегда под рукой,
Не выручит и не спасёт.

Он падал под звёздным шатром
Сквозь рваные облака
И чуял озябшим нутром,
Как тяга земли велика.

Так добрая русская печь
Глокает и пламя, и крик.
Но, падая, хочется лечь
И хочется встать в тот же миг.

И хочется — нет, не крыла
В густой и холодной ночи,
А только родного тепла,
Когда горячи кирпичи.

Вечеринка

Мчал трамвай по предместью,
Искры сыпались с дуг
В дом, где белою жемчужью
Окантован сундук.

Где и с чувством и с толком
Попивают вино
С искрой, с огненным сколком,
Что горчит всё равно.

Та, с кем время не пресно,
С кем наш круг моложав,
На сундук, как на кресло,
Села, ноги поджав.

Пусть рябину, чьи грозди
Первый холод поджёт,
Хвалят поздние гости,
Выпив на посошок,

Пусть ни благам, ни бедам
Не пришёл ещё срок, —
За ушедшими следом
Ускользнёт за порог.

И покуда трамваи
Бороздят белый свет,
Я один допиваю
Этот старый сюжет.

Отпуск или страсть к уединению

Полднего жара на листьях истома,
Полночного холода морозь.
Ещё я покуда не вышел из дома,
Но время нам светит уж порознь.

Пусть это резонно, но несправедливо:
От буквиц в казённом конверте
Укрыться у края морского залива,
Забыться в дремоте, как в смерти.

Чтоб истина дней, что вдвоём суждена нам,
Текла, распадаясь в два русла,
А мелочь, что я рассовал по карманам,
По-нищенски звякала грустно.

Забыться, забыться... Такая усталость —
Афонской горы тяжелее.
Над ней только свежесть, и блёклость, и алость
Всех листьев в приморской аллее.

Над нею — волна, что от самого Кипра
Шла по морю, не уставая,
Над нею — звезда рокового калибра
Стоит, на глазах остывая.

А певчие из постаревшей артели,
Пернатым убором похожи,
Не то щебетали, не то свиристели —
Да так, что и холод по коже.

И по сердцу холод ознобный острога,
Где ртутью болотной меж кочек
Заветная воля светло и убого
Трепещет на дне одиночек.

Гонец

Любимая! Я безымянный гонец
Из дальних провинций вселенского стона,
Полвека сполохи дрожащий венец
Несут надо мной в глубине небосклона.

В начале пути легконогий пострел,
Суровой дороги прочтя длинный свиток,
Я вместе с посланьем своим постарел,
И все Ариадны остались без ниток.

Живая и мёртвая плещет вода
От быстрых шагов — в левом, в правом кювете.
А может быть, труд мой не стоил труда?
Что скажут о нем слишком взрослые дети?

Уж полдень горячий давно за спиной,
А вечер прохладу сгущает и тени.
Но, послан к виновным самою виной,
Я прав не имею встречаться не с теми.

И вот. Даже в толпах людских нелюдим,
С угрюмым терпеньем ищу адресата,
Который лишь миг мне и необходим,
А я ему — вечно. И нет мне возврата.

Музыка в парке

Да, я пришёл из той эпохи,
Где серебро трубы горит,
Оркестра духового вздохи
Внушали жизни тон и ритм.

На звук свирели и корнета
Я торопился со всех ног,
В туманы парка, в гущу лета,
Так селезня влечёт манок.

Я на скамье сидел понуро,
Вбирая сердцем чистый свет,
И музыка не обманула,
Душой не покривила, нет.

Где сердце музыке внимало,
Сейчас гремит поток машин.
Хотя и лет уж нам немало,
Вновь каждый раз

Мы к ней спешим.
В ней словно в кратере вулкана
Соседствуют и Ад и Рай,
И пьяный холодок стакана —
И боязно взглянуть за край.

Гоголевский бульвар

По высохшим, по золотым, по медным
Бредём листам.
Любимая, давай помедлим
И здесь, и там.
Ещё нас ждут за облаками
Снега зимы.
Но ведь не зря же привыкали
К друг другу мы.
Пусть мусор с праздничной листвою
Составил смесь.
Мы дышим небом и Москвою —
И там, и здесь.

Трансформации

Я, видно, не был никогда в Париже,
Не брёл стерней уральской вслед телеге.
На Рейне все соборы были ниже
Церквушки деревянной на Онеге.

Не предо мною плавилась поленья,
Я шерстью зверя не дышал палёной,
Не предо мною падал на колени
Мадридский бык в арене раскалённой.

Не я всегда ценил своё, как наше,
Не я произносил грузинам тосты.
До льстивой похвалы не я был падох,
Не подо мной пружинили помосты

Послевоенных бедных танцплощадок.
Не я тащил орудье на горбу,
Не я искал любви в родной Наташе,
А вышло, что нашел свою судьбу.

Исполненное желание

Деревом я стал — ведь ты хотела,
Корни в холм вошли, как в радость — грусть.
Свежей тенью молодого тела
С праведником, с грешником делюсь.

Ветви мои полнят светом, мглою
Лёгкий ветер, птицы и листва.
Взмыл бы в небо острою иглою,
Да с землёй не разомкнуть родства.

С местом этим ты меня связала,
Чтобы приходить в мороз и в зной,
Словно мифу... Всё-то тебе мало
Без меня тревоги и со мной.

Верь, я дерево, и мочи нету
Улететь, как прежде, на века,
Потому что нынче б всю планету
Мне пришлось поднять за облака.

Верь, я дерево, и оттого-то
Спариваю листья с высотой
И даю им силы для полёта,
Чтобы осень встретить сиротой.

Я как перст, один,
И нету дела
Судьбам, в рвань оденусь иль в парчу.
Деревом я стал — ведь ты хотела,
Так не спрашивай, о чём молчу.

* * *

Что кричат записные витии,
Чем грозят со стандартных трибун?
На российских полях Византии
Древней распри пасётся табун.

Осторожные шёпоты лести,
Яд интриги, и нож, и кастет
С этим временем всё ещё вместе.
А у нас уже времени нет.

Вдоль по выжженным стогнам ступая,
Жизнь не знает, когда мы умрём,
И, наверное, служит, слепая,
Для кого-нибудь поводырём.

Кто привык быть и вечным, и зрячим
И не знать за собою вины,
Кто смеётся, не видя, как прячем
Мы сомнения, — нет им цены.

Но обрящем ли то, что мы ищем?
Но осилим ли в небо подъём?
А пока, сами нищие, нищим
Злато-серебро подаём.

Лев АННИНСКИЙ

О'КЕЙ, РЕБЯТА!

В американский медцентр приходит посетитель, только что прилетевший из России. В ожидании врача он любезничает с медсестрой. Ее зовут Сонечка. Она только что сварила пельмени. Купленные, между прочим, у негритянки.

Появляется доктор. Знакомится с новым пациентом. Фамилия пациента — Бунин. Фамилия доктора — Чехов.

«А Сонечка, небось, Мармеладова», — думаю я, пока Чехов и Бунин пикируются, завоевывая внимание Сонечки, и выясняют, каковы колени у дам, прогуливающихся в «Темных аллеях», и сколько раз плакала Раневская под сенью «Вишневого сада».

На заднике — небоскребы. По сцене скользят гибкие и ловкие ребята то в белых халатах, то в косоворотках. Подбадривают друг друга: «О'кей!» Отплясывают брейк-данс, сотрясая воображаемый меж океанский мост.

«МОСТ» — новое имя знаменитого университетского коллектива. Теперь это Московский открытый студенческий театр. Недавно он перебрался в новое помещение. Эдакий скворечничек, прилепленный к большому каменному дому на Большой Садовой. Цепочка лесенок, закутки раздевалки и буфета. Чистенький зал.

Светлая сцена. Минимум предметов. Актеры молоды и открыты. Спектакль, поставленный Евгением Славутинным, дышит свежей чистотой и лукавым юмором. Сквозь который я все-таки ловлю глухую боль.

Это, наверное, от автора пьесы Михаила Бермана. Чикагский врач, полвека назад эмигрировавший из СССР, старается спасти русскую классику под американскими небоскребами, над океанскими просторами, в сплетениях международных трасс и языков.

Спектакль называется «Дежавю».

Александр ТАРАСЕНКО

Поэт Александр Тарасенко — ровесник «Юности»! Редколлегия сердечно поздравляет его с юбилеем. Пусть годы работы в журнале будут для Александра Дмитриевича светлыми, важными, незабываемыми.

Александр Тарасенко родился в Карелии. С самого раннего детства и до окончания десятилетки жил на Брянщине. Служил в армии. Приехав в Москву, работал механиком по лифтам, электриком, дворником, сторожем и др. Значительную часть своей жизни посвятил служению Отечеству. Отмечен государственными наградами. Член Союза писателей России. Публиковался в журналах «Юность», «Воин России», в альманахах «Истоки», «День поэзии», «Литературный Брянск», в газетах «Родная Брянщина», «Российская нива», «Стародубский вестник». Его стихи неоднократно звучали на радио «Подмосковье». Автор книги «Малой родины звуки». Живет в Москве.

Что такое поэзия? В расхожем понимании — это одна из форм творчества, выраженная через стихотворение. Для меня же это еще и возвышенное состояние души — когда внутренне не замечаешь ни времени, ни окружающих — лишь сосредоточен исключительно на явлении или существе, которое так или иначе задело, поразило.

Поэзию нельзя навязать. Она возникает нечаянно, естественно, непринужденно, я даже говорю

о ней как о живом существе! Настоящий поэт — ранним, он пишет подчас со слезами на глазах.

Поэзия — это и Десна, что в блестках зари плавно движется, огибая луга и безбрежные брянские леса, и березовая роща, которая шумит в моей родной усадьбе и в которой до сих пор видны траншеи и воронки времен войны, и дождь, стучащий по стеклу, а может быть — это просто красивая женщина.

Александр Тарасенко

* * *

В столице улицы красивы,
Красотки — просто обалдеть!
А на окраинах России
Народу нечего надеть.

В Москве, как в чуждом государстве,
Живут, как в сказочном доме,
А там, в глубинке, люд в мытарстве
Не нужен вовсе никому!

Там нищета, там «заграница»,
Там крест да ворон на меже...
Сверкает золотом столица,
А села вымерли уже.

Ехал я от мамы

Меня, как вора, повязали
Менты — защитники народа!
В рассвет на Киевском вокзале,
Где толчея у перехода.

За то, что был я пьяненький,
От мамы ехал старенькой.

Наглец-толстяк в сержантском чине
Смотрел в лицо и на ботинки.
А чуни были в сельской глине.
Ещё бы — еду из глубинки!

И посадили всё же в клетку,
Мои расспрашивая планы.
Грубил, чистили карманы —
Искали, видимо, монетку.

Отдать хотел косоворотку,
Открыли дверь за пятасотку.

Я брёл навстречу пешеходам,
Простой трудяга из крестьян,
Менты — ребята из народа
Своих же грабят россиян.

Заброшенный погост

Ни деревни, ни дорог,
Лишь одна обочина.
Может, знает только Бог,
Где ж родная вотчина?

Две иль три прошёл версты —
Всё места безликие.
Села вымерли — пусты,
Только травы дикие.

Ни колодцев-журавлей,
Ни коней стреноженных.
Средь безжизненных полей
Всё ж нашёл среди тополей
Ряд могил заброшенных...

Замер, глядя на кресты:
Надписи знакомые...

У оград — бурьян, кусты,
Сучья буреломные.

Сбоку крест ещё сырой,
Вкруг трава искошена,
Верба сломана грозой,
На могилы брошена.

Здесь же Родина моя!
Чьё же упущение?
На могиле деда я
Пил, просил прощения.

Экспромт

Месяц пьяный веселится,
Машет рваной тыщею.
Смотрит сытая столица
На деревню нищую.

А мне тоже весело!
Есть и тыща рваная.
Как приеду на село —
Вся деревня пьяная!

Побывка

Где же вы, друзья-поэты?!
Я совсем зачухну тут.
Голь, безлюдье да кюветы.
Кто в живых — сивуху пьют.

Да гнедых лошадок пара
Бродит по глухим лугам,
Липнет грязь земного шара
В дождик к старым сапогам.

И назойливо кукушка
Песнь одну и ту ж поёт.
Мать моя — совсем старушка —
В страхе горестном живёт.

С горя бы ушёл в посевы —
Здесь и злаки не растут!
Ни друзей, ни старой девы —
Часть России гибнет тут.

В ожидании поезда

Инне

Толкают, шумно... Не в обиде,
В ночи вокзальной подшофе.
Ах, лучше б я вас не увидел
За стойкой в сумрачном кафе!
Нет, Вы прелестны! Приносили
Всё то, что мог Вам заказать,
А мысли птицами кружили:
Я уезжал — осталась Мать...
И я безрадостно пил виски,
Грустил в оконное стекло.
Хмелея, Вам писал записки.
Вы улыбались светло!
И вот я еду сквозь селенья,
Сквозь лунный свет, меж крон берёз.
И Вы в купе — нет! — Наважденье!!!
Тоска и ночь. И стук колёс.

На базаре

С восьми утра столпотворенье!
Из близких, дальних деревень
В районном центре, в воскресенье,
Народа тьма в базарный день.

В тени, под клёнами кибитки,
А вдоль забора коновязь,
Сверкает лужа у калитки,
У лавок глинистая грязь.

У входа с шапкою незрячий.
Подростки ловят индюка,
И визг над рынком поросычий,
И ругань с бабой мясника.

В кошёлке цывкают цыплята,
Полны свежатиной лотки,
Тут булки, семечки, маслята,
Кадушки, яркие платки.

Бренчит старик на балалайке,
Подвыпив, пляшут моряки,
А под телегой на фуфайке
«Зубровку» глушат мужики.

И всё сильнее солнце грело,
Я в тень прилѣг у деревца,
А над базаром жизнь кипела,
Кажись, ей не было конца.

Бездомная собака

Ломейко И. В. (шалуну Гео)

Район московский спальный
Сугробами укрыт,
И люк водоканальный
Теплом в снегах дымит.

И ветер-забияка
Ударит, как кнутом,
Бездомная собака
Лежит на люке том.

Вся инеем покрылась,
Видны глаза одни,
И в чём же провинилась
Она перед людьми?

Во взгляде столько дружбы,
Кому-то всё верна,
И, видимо, от службы
Состарилась она.

Их, может, Бог осудит,
Кто поступает так.
Не обижайте, люди,
Нам преданных собак.

Светлана КАЙДАШ-ЛАКШИНА

Светлана Кайдаш-Лакшина родилась в семье авиационного инженера, окончила филологический факультет МГУ. Много лет работала редактором в издательстве, преподавала в вузе древнерусскую литературу. Давно начала заниматься судьбами и характерами русских женщин, которые часто незримо играли огромную роль в жизни и истории России.

ЖЕНСКИЕ ВЕДЫ, или Как достичь женского счастья

Надо было вставить жить.

А. Платонов

*В каждом человеке есть обольщение собственной жизнью,
и поэтому каждый день для него — сотворение мира.*

Этим люди и держатся.

А. Платонов

Две страсти владеют человеком в его отношениях с людьми и его любовных связях — стремление к полноте понимания и влечение к разнообразию. Ищущие разнообразия или живущие в нем часто и не помышляют о полноте. Она нужна не всем — а только имеющим душу. Душа же, этот осколок Мирового Духа, живет не во всех. Расколовшееся Вселенское зеркало осыпалось миллионами крошечных осколков на нашу землю... Видимо, кто-то в темной пустыне небес (говорят же побывавшие в них, что там черно) бьет с наслаждением зеркала и стекла, со злорадством наблюдая, как летит этот поток космического мусора вниз, в бездну, на нашу землю. Куда попадут эти крошки — не все ли равно... А мы, зависимые во всем от неба, даже и не понимаем этого.

Обреченные носители кусочков зеркала (отражать, улавливать даже отдаленное от себя — не зря же и в гаданиях ставят непременно зеркала) или прозрачного, бездушно все пропускающего через себя стекла и не догадываются, что явилось причиной их несчастной способности иметь Душу или не иметь ее. Ведь зеркало не только отражает мир — оно способно сопротивляться даже лучам солнца, отражая или фокусируя их.

Зеркало, даже самое огромное, всегда ограничено тем, что имеет центр. Стекло же изготавливается километрами. Не от того ли люди с зеркальными

осколками внутри обречены на поиски подобных себе и жаждут цельности и воссоединения. Душевная полнота...

«Стремящиеся к ней безумны, / А достигшие ее поражены тоскою», — писала Ахматова о роковой черте, отделяющей одного человека от другого — даже безумно влюбленных или испытывавших годы «высокого и огненного счастья».

Но существует же и чудо — высшая полнота не только для чувства, силы любви, но и чудо полноты единения и проникновения друг в друга. Это абсолютная пригнанность друг к другу двух прихотливо изрезанных и остро изломанных зеркальных обломков...

Редко это явление, и счастливы те, кому довелось это испытать. Но прекратит ли поиски золотоискатель, ставший обладателем самого тяжелого, огромного самородка? Искатель алмазов, нашедший необыкновенный по величине и красоте камень? Ловец жемчуга, отыскавший крупнейшую в мире жемчужину? Мудрый остановится, но мудростью мы не владеем. Как говорил один из проницательнейших римлян Вергилий, «trahit sua quemque voluptas» — каждого влечет его страсть.

Львица за волком бежит свирепая;
волк за козую,

А за китисом бегут цветущим
блудливые козы.

Влечение к разнообразию составляет одно из самых несчастных, но приносящих сладкие минуты обольщения наших страстей. И вечно цветущий китис влечет нас, как блудливых коз.

Стремление к совершенству и погоня за разнообразием — это две ипостаси любви. Не выражают ли они и две неукротимые стороны человеческого духа — созерцательность и вечный поиск? Имеющему разнообразие — бессмысленно пытаться найти полноту. Созерцателю чужд поиск. Счастлив тот, кто, владея одним, не стремится достичь другого. Безумие напрасности... Не в нем ли кроется причина измен — мужей и жен, возлюбленных и любовников? Причины измен экзистенциальны и онтологичны, как теперь модно выражаться, и поэтому безнадежны и неустраимы. Но древние призывали нас к «sapere aude» — смелости знать.

Мы не способны остановить «прекрасное мгновение», как мучительно было это сделать Фаусту. Мы — вечные Фаусты. Ненасытная наша жадность, способная заглотить весь мир, съесть все прекрасные яства, зацеловать всех прекрасных девушек или мужчин, делает нас беззащитными. Кара богов Танталу, похитившему с их стола нектар и амброзию и угостившему ими людей, недаром состоит в вечном неудовлетворении его страстных желаний: вода отступает, когда он протягивает к ней губы, плоды отодвигаются от его рук, когда он хочет сорвать их. И сам он, висящий над пропастью под скалой, готовый ежеминутно обрушиться и раздавить его (такова вторая версия танталовых мук), — не ближе ли к нам из всей греческой мифологии своей дерзкой кражей со стола богов и ужасной карой, на которую он обречен навечно?

Не съесть, не выпить, не поцеловать,
Мгновение бежит неудержимо.
И мы ломаем руки, но опять
Обречены идти все мимо, мимо....

Н. Гумилев

Кажется, только японцы владеют секретом довольствоваться остановленным мигом радости, и дни, когда вся страна в мае спешит любоваться цветением белоснежной скромной вишни-сакуры (а ведь на свете есть цветы неизмеримо совершеннее по форме и красоте), пожалуй, справедливо было бы назвать Праздником Человеческой Мудрости. Но, впрочем, это уже тайны Востока, нам, европейцам, неподвластные. В погоне за разнообразием жадные не ценят ежеминутной радости, и так редко среди нас

счастливики, его владеющие. Сколько человеку земли надо — весь мир или кусок для могилы? А сколько любви? Самых прекрасных женщин мира или одной возлюбленной, имя которой хочется оставить только в своем сердце, утаив от всех, как это сделал Бетховен. Имя его бессмертной возлюбленной до сих пор не раскрыто пытливыми знатоками. Возможно ли любить многих, как Дон Жуан, или любить одну и умереть, лишившись ее, как было с Перголезе? И мы до сих пор оплакиваем его погибшую любовь, умершую любимую, слушая рыдания в *Stabat Mater*.

Все это вопросы, которые никогда не будут решены, ибо им нет решения. Решить можно только задачи, настоящие же загадки отгадать невозможно. Простите мне латынь: *non possumus* — не можем.

ИМЯ. Сначала она была возлюбленной и во время ласк носила особое имя, которое выскочило в обычную жизнь. Потом появилось ее имя — как знак обыденности. Наконец, и оно пропало.

После рождения дочери она потеряла все свои имена — муж стал звать ее «мама». Так она — возлюбленная, потом любимая жена — превратилась в «семью». «Я ведь вас обеспечиваю хорошо, — говорил муж жене и дочери. — Вы славные».

Если к старости вы не сохранили своего имени, то значит, не за горами время, когда вы станете просто бабушкой.

Женщины, постарайтесь не превратиться в СЕМЬЮ. Хотя и семья — это прекрасно.

СЧАСТЬЕ. Жена, захлебываясь, говорит мужу, как ее подруга не считается с желаниями своего мужа. «Не то что я! Правда, милый?» — «Зато мы и находимся в рабстве друг у друга», — отвечает ей муж.

Она потрясена его ответом: хрустальный бокал, наполненный до краев радостями жизни, шлепнулся об пол и разбился вдребезги. И так, рабство или счастье? О, если исполнение желаний не счастье, то что тогда счастье? Ведь и Адам с Евой не имели в раю свободы и вынуждены были подчиняться запретам.

НИТЬ АРИАДНЫ. Благодарность мужчин всегда невозможна.

Существует много историй, как женщины вывели в люди своих возлюбленных, мужей и любовников. Уделом их было всегда одиночество. Неблагодарность — одно из самых органических свойств человека и мужчины в особенности.

Все мы знаем о нити Ариадны, спасшей Тезея. Ариадна вручила ему, обреченному на съедение Минотавром, клубок ниток, с помощью которого Тезей выбрался из лабиринта.

Тезей увез Ариадну с собой, но на острове Наксос покинул ее спящей. Впоследствии Дионис взял ее себе в супруги, а боги ее свадебную корону поместили среди созвездий: мерцающие звезды Северной Короны жемчужно светят в августовские ночи. Но что пережила несчастная Ариадна, столь вероломно покинутая спасенным ею от смерти возлюбленным? Это — тема погибшего прошлого.

Обманутая любовь не оставляет прошлого. Если бы Тезей умер, Ариадна бы не раз вспоминала об их любви, о своем женском хитроумии, сохранившем ее возлюбленному жизнь. Даже спасение от смерти не сохранило Ариадне Тезея.

Прошлое не остается нам, если его связь с настоящим нарушена грубостью или коварством. Молоденькая женщина, оставленная мужем после семи лет жизни, в отчаянии: «Подумать только, значит, все эти годы я выбросила, они прошли впустую».

Можно жить прошлым, если оно остается с нами, можно надеяться на будущее, кому можно надеяться. Но какая пустота лежит в глубине сердца, преданного любви и преданного возлюбленным... О, как страшно пробуждение спящей Ариадны!

ИДЕЯ ВЛАДЫЧЕСТВА возникает от признания одиночества каждого: мы не можем открыться друг другу, но я постараюсь управлять тобою, покорить тебя и властвовать над тобою, чтобы я был(а) твоим господином (госпожой). Иное дело — возможность полного круга открытости, любви, доверия. Рай или рабство? Рай — это жизнь вдвоем, любовью, проникающей друг в друга.

Чтобы править, властвовать, господствовать, нужно уметь отчуждаться и от самого себя, зачастую пренебрегая пониманием, кто же ты есть. Ведь наше «Я» многолико, иначе невозможна власть: тут нужны резкие разрозненные линии, углы, обрывы. В круге же не за что ухватиться — его нельзя ВЗЯТЬ. Итак, круг или углы?

Иногда кажется, что счастье не может быть в ровном и спокойном течении, движении сплошной линии, но лишь в бесконечном разнообразии и переменах. На вершинах этих пик иногда и расположено счастье.

Жизнь так разнообразна и пестра, что человек никогда не знает заранее, где поджидает его счастье, и умом не может предсказать, в чем оно будет состоять: в вечной изменчивости и бесконечных переменах или в чувстве полноты, которая, как кажется, может длиться вечность. Жажда бесконечного и вечного — вот непрестанное стремление наше, и там, где она насыщается надеждой до яви, — там и счастье. Счастье — это вечная любовь.

ЕДИНОМЫСЛИЕ С МУЖЕМ. Она верила мужу, что нужно рожать детей, и в этом будет состоять счастье. Когда родила восьмого, то взяла всех детей и уехала в деревню к бабушке, чтобы пить молоко из-под коровы, а детей кормить свежими яичками и зеленым луком с грядок. С мужем была полная безоблачная радость. Тем временем муж, оставшийся в городе один, сошелся с ее семнадцатилетней племянницей, приехавшей сдавать экзамены в институт, и покинул свою безропотную жену, которая так доверчиво разделяла его убеждения. С молодой женой детей он уже не заводил, и она постоянно делала аборт.

КАК УХОДЯТ МУЖЬЯ. Счастливая семья. Оба — кандидаты наук, оба — спортсмены, двое детей. Каждое воскресенье проводят вместе — поездки за город, лыжи, грибы, кино, театр. Им — по 42.

После воскресного цирка, накануне, перед работой, когда все спешно завтракали, муж сказал: «Я ухожу». — «Куда?» — «Я ухожу насовсем». Жена убежала на работу, не спросив главного: к кому? Даже интимная их жизнь не давала признаков чего-то неладного.

— Девочки, вы слышите, я ухожу!

Дочери молчали. Он собрал вещи, снял со стены выращенный собственноручно цветок с длинными стеблями, низко поклонился теще: «Спасибо за все». И навсегда покинул этот дом со всеми его обитателями. Без скандалов, без объяснений. Вечером мать обняла дочерей:

— Будем помнить хорошее.

Эти слова матери — поступок не только доброты, но и мужества. Видимо, она принадлежала к счастливой породе людей, способных начинать все заново. А муж — к тем, кто легко перешагивает через поверженных.

Всякое рождение — это всегда боль:

И пока ты не поймешь: смерть для жизни новой,
Хмурым гостем ты живешь на земле суровой.

Гете. Блаженное томление

Оказалось, что ни вечности, ни счастья не было, а может быть, было, но улетело? Улетевшее счастье...

ЖИЗНЬ И ЦЕЛЬ. И женщины, и мужчины определено делятся на людей цели и людей жизни. Среди женщин редко кто имеет цель. Мужчины, однако, тоже способны отдаваться жизни безотчетно. Когда исполняется пятьдесят лет и кажется, что ты что-то главное упустил, часто начинаются судорожные попытки переменить жизнь. Жены окончательно перестают «понимать» своих мужей, это лучше делают молодые, красивые и длинноногие.

Мужчина в женщине иногда больше всего ценит восторженность, безоговорочное восхищение им, называя это пониманием.

Расставшись со многими надеждами, мужчины в этом возрасте часто хотят иметь маленьких детей, потому что надежда важнее человеку, чем достигнутая цель, которая чаще всего приносит разочарование.

СПОСОБНОСТЬ К РАЗВИТИЮ может быть важнее всего для женщины. Как способность меняться и менять представление о себе, чутко улавливая перемены в своем партнере. Препятствует этому всякая цель, которая успокаивает и сосредотачивает женские силы на одном.

В древней Индии говорят, существовал у людей третий глаз. И на ладонях были глаза, которыми женщины могли увидеть то, что было скрыто от всех остальных. Многооконость непременно должна быть свойственна женщине.

Конечно, каждая женщина должна найти себя, но не конструировать по готовым образцам, руководствуясь женской завистью как двигателем женского совершенства: хочу шляпку, как у Маши; кольцо, как у Юли; костюм, как у Аллы. Эти стандарты — успокоители женских сердец и поглотители женской энергии, а она нужна, чтобы видеть и понимать. И уметь развиваться.

КАК ЖИТЬ ЛУЧШЕ — просто, бездумно, изо дня в день, или надрываясь над сложностью жизни. У Баратынского:

Или надежду и волнение,
Иль безнадежность и покой...

Не совсем так. Покой там, где есть надежда. Безнадежность рождается от волнения. Вы надеетесь, что ваш муж вам верен, что вы еще молоды и красивы и вас не постигнет участь X, Z, Y, — и вы покойны.

Покойны те, кто не умеет переносить на себя несчастья мира, кого заботит только то, в котором часу пришел вчера муж домой. Ничто так не вредно, как впечатлительность. Вы слышите, что кто-то заболел раком, кто-то умер, кто-то оставил свою жену, где-то случилось землетрясение, взрыв, погибли люди, и ваше сердце стесняется тоской: не только сострадаем к тем несчастным, с кем это случилось, но и мгновенным, необратимым перенесением подобной возможности на себя. Это случилось с кем-то, значит, может случиться и со мной. По ком звонит колокол? Он звонит по тебе. Не в том ли состоит здоровый эгоизм женской психики,

чтобы не болеть болью мира, чтобы верить в свою исключительность, чтобы не переносить на себя несчастий вселенной?

Человеку не дано чувствовать себя смертным, о смерти мы знаем только потому, что хороним других. Каждый чувствует жизнь свою бесконечной, вечной, и мгновение прозрения, когда мы вдруг всем своим существом содрогаяемся от открывшегося нам смертewещения — ты умрешь! — пронзает нас ужасом и отчаянием.

ЖЕНСКАЯ ТАЙНА в том, что женщина не способна чувствовать счастье без обладания будущим. Женщина не способна наслаждаться настоящей минутой — ей нужна уверенность, что это будет у нее всегда. ВСЕГДА, ВЕЧНО, НА ВСЮ ЖИЗНЬ. Это не просто выдумки примитивных женских особ — это сама суть женского естества. Поэтому мы часто терпим то, что и терпеть нельзя, но это терпимость не есть слабодушие, это надежда на перемену, на приближение другого будущего — желанного, мечтаемого.

Самое страшное для женщины — потеря прошлого. Оставленная мужем пишет вдове: «Вы счастливее меня, у вас есть прошлое, а мне и вспомнить нечего». Двадцать пять лет прожили, разошлись, все выкинуто, растоптано, и нет радуги, по которой можно перейти в будущее.

ЖЕНСКИЕ ТИПЫ. Нас развивают желания и их удовлетворение. Всякая же цель глушит желания, не дает им подняться. Итак, имейте много желаний, удовлетворяйте их, и это приведет вас к разочарованиям и новым желаниям — до бесконечности.

Нужно ли быть уверенной в себе или скромной? Уверенность в себе — это линза, в которой собраны пучком все наши силы и способности. Неуверенность же — это фотография, даже прекрасных лиц, с размытыми чертами, раздвоенными носами и шестью глазами. Бойтесь своего шестиглазия!

Все мы делимся на укротительниц с кнутом и сахаром в руке, на воспитательниц, тщательно скрывающих правду окружающего мира от мужа или возлюбленного, наконец, верящие в любовь простодушные. Ибо только простодушные могут верить в силу любви без обмана и без кнута. И, наконец, курицы, считающие только до трех, или покорные овцы, разрешающие каждому стричь себя бессчетное число раз.

Что лучше — баловать самой или устроить все так, чтобы баловали тебя, приносили тебе в постель кофе, какао или шоколад? В наших ли это руках? А если удастся, то какую цену придется потом за это заплатить? Но ведь мужчина должен чувство-

вать себя сильным! Балую, не лишаем ли мы его способности чувствовать себя сильным и храбрым? Но что делать, если любишь и хочешь побаловать? Особенность женщин гармоничных — это способность довольствоваться малым, ощущать довольство жизни, их не разбирает зависть, ревность к чужому богатству, успехам чужих мужей и жен. Это не зависит от реальности, это внутреннее свойство, неведомое укротительницам, воспитательницам и часто даже простодушным.

АНЕКДОТ О ЖЕНЩИНАХ — НАУЧНЫХ РАБОТНИКАХ. Женщины — научные работники похожи на морскую свинку. Почему? Потому что морская свинка — не морская и не свинка. Так и они — не женщины и не научные работники.

АМЕРИКАНСКАЯ СТАТИСТИКА выявила закономерность браков в наше время: первый брак — очень молодых людей, он непрочен, незрел и быстро разрушается. Второй брак крепче, более осознан, рождаются дети, он длится 15–20 лет, дети вырастают, и тогда для мужчины наступает третий брак, он заводит себе новую семью, женится на молодой. Женщина же часто остается одинокой.

РАЗГОВОР В АПТЕКЕ

— Выпила она укусную эссенцию в четверг, а в пятницу умерла. Страшную смерть приняла, а зачем? Осталась дочка пяти лет. Кому она теперь нужна?

Аптекарь со вздохом:

— И кому она что доказала? Ни ему, ни ей.

БОРИС СЛУЦКИЙ. ОДИССЕЙ

Хитрый лис был Улисс.

Одиссей был мудрей одессита.

Плавал, черт подери его,

весело, пьяно и сыто.

А его Пенелопа,

его огорчать не желая,

все ждала и ждала его,

жалкая и пожилая.

А когда устарел

и физически он, и морально

и весь мир осмотрел,

вдруг заныли, как старая рана,

то ли чувство семьи,

то ли чувство норы,

то ли злая мысль,

что ждет Пенелопа —

и жалкая и пожилая.

Вдруг заныла зануда,
в душе защемила заноза.

На мораль потянуло
с морального, что ли, износа!

Я видал этот остров,
настолько облезлый от солнца,
что не выдержит отрок.

Но старец, пожалуй, вернется.

Он вернулся туда,
где родился и где воспитался.

Только память — беда!

И не вспомнил он, как ни пытался,
той, что так зажила,

безответной любовью пылая,

и его дождалась, только жалкая и пожилая.

ЛЮБОВНИК говорит: «Моя жена знает о тебе, у нас с ней духовная близость, и поэтому я все рассказываю о тебе. Моя жена хорошая, не баба...» И еще: «Я хочу с тобой поехать отдохнуть, жена у меня хорошая, она возражать не будет».

И вот эта «хорошая, не баба», хорошая жена, всю жизнь терпела увлечения и любовниц своего мужа. Он гулял. Пока не догулялся до крепкой бабы, прибравшей его к рукам, в которых уже — не погуляешь. И теперь — развод, разбитая жизнь, одиночество, уничтоженное прошлое. Так надо ли быть «хорошей» женой?

А ВОТ ДРУГАЯ ИСТОРИЯ. Исцеление от неудачного замужества.

— Я сделаю тебя сильной и знающей себе цену!

— Ты уже сделал.

— Ты же помнишь, что моя жена старше меня на пять лет. Когда она выходила за меня замуж, то сказала: «Хоть пять лет, да мои». И в этом году истекают эти пять лет.

— Теперь началось мое время, — уверенно говорит она. — Я познала с тобой счастье — самое высшее, как с моим бывшим мужем, только после самых страстных ласк. Счастье — твои душевные слова, стихи и разговоры. После твоих слов я испытываю такое же наслаждение, как после ласк. Когда я пыталась разговаривать с мужем, он всегда сердился и отвечал: «Ну что еще тебе надо от меня — я не знаю».

Он внимательно слушает ее, но его не покидают мысли о жене: «Я настолько милосерден, что не рассказываю ей о своих увлечениях, но и достаточно горд, чтобы не врать». О, мужская слабость!

Галина ТАЛАНОВА

Галина Таланова родилась г. Горьком. Окончила с отличием биологический факультет Горьковского госуниверситета по специальности «биофизика», кандидат технических наук. Живет в Нижнем Новгороде. Работает в ООО «НПО “Диагностические системы”» начальником подразделения, занимается разработкой и производством иммуноферментных тест-систем.

Поэт, прозаик. Автор пяти книг стихов — «Годовые кольца» (1996), «Ожидание чуда» (2001), «Подобие дома» (2006), «Жизнь щедра» (2007), «Душа любви открыта» (2009) и прозы «Голубой океан» (2010). Стихи публиковались в газете «Литературная Россия», журнале «Роман-журнал XXI век», альманахах «Истоки», «Земляки» и др.

Член Союза писателей России.

Что такое для меня поэзия? А разве это можно определить точно? Может быть, воскрешение действительности, которой не было, галлюцинации воспоминаний, когда и сам не знаешь, какой причудливый образ сложится из их разноцветных осколков, как в калейдоскопе? Погружение в глубину, будто в батискафе, когда в иллюминаторе колыхнутся смутные водоросли строчек, родившихся из минутной эмоции, да проплывают где-то почти на дне причудливые рыбы предчувствий, и не знаешь, когда вынырнешь на поверхность... А свет — он где-то там, наверху... А иногда — это след от реактив-

ного самолета, тающий в синеве, когда сам лайнер, истончившись в серебристую точку, давно улетел... След становится все шире и шире, и все прозрачней, заставляя сердце замирать от возможности головокружительной высоты полета, с которой рано или поздно падать на грешную землю, и неслучайной догадки о том, что боль неизбежна. И это точно то, что помогает выживать и сохранить себя. А может, это то, что нам дано судьбой в руки, и мы не вправе это ни выронить, ни переложить в другие, если кого-то твои стихи заставляют поглядеть по сторонам и вслушаться в себя?

Галина Таланова

Перед грозой

Всё было так похоже на игру,
А лучше бы её не начинали.
...Ветрище заметался по двору.
Осокори стволами скрежетали.
И все предметы потеряли тень.
Мир обесцветился.
Не шло на ум ни мысли...
И душно пахла спелая сирень,
Чьи ветви запылённые обвисли.

Но голос что-то сладко выводил,
Начав случайно с поднебесной ноты.
И, выпевая,
Из последних сил
Твердил про лето краткое — раз в сотый.
Сердец каприз...

Зачем же? Ну зачем
Скользят улыбки по следам намёков?
Желанье жизни взмыло надо всем,
Что правилом казалось из уроков:
Как ласточка беспечная,
Крылом
Зачиркала по потемневшей туче.

...Когда услышишь слишком близкий гром,
Не говори, что всё решает случай.

Прощальный вальс

Снег вальсирует робко.
Всё стало спокойно.
Улеглась в сердце смута, как вьюжная пыль.
...Оказалось: душевная тонкость достойна
Не сгибаться под ветром любви, как ковыль...
Розовеет окошко ладонью прозрачной,
Что просвечена лампой так щедро, насквозь!
Как вписалось окошко
В домишко невзрачный!
...И нацеленней жизнь на разумное: «врозь»...
Та не греет ладонь,
Говорю о которой...
Стёртым знаком вопроса в окне силуэт.
Ну не смог
Для вьюнка ты стать прочной опорой —
Стоит ль застить вьюнку удивительный свет?

...С наслаждением вдохнёшь
Воздух колкий, студёный.
Словно писем клочки, снег лениво парит.
Закоулок души, словно двор затемнённый...
И не сердце, а так... под лопаткой болит.
Веришь в чудо прогноза:
Зима будет мягкой.
И прикинется жизнь обещающим сном...
Ты один.
Не от этого чуточку зябко:
Словно в сказке, живут за горящим окном...
Заскрипят все суставы осин поседевших.
Голова, словно шарик воздушный, светла.
И уходишь ты в ночь...
След ложится прилежно,
А заплатка окошка сгорела дотла.

* * *

Равнодушная катит река —
Год за годом
Плывут пароходы.
Устаёт, затекает рука,
Силясь ветки пригнуть с небосвода,
Их ломает от сочных плодов,
Что увидело цепкое око.
Где те ветки, что ниже голов,
Где июль, где не столь одиноко?
Я всё та же:
Ещё молода.
Я не верю, что солнце — к закату...
Каждый год — возвращаюсь сюда,
Только годы идут без возврата.
Смело яблони в небо растут,
Оплетая веранду ветвями.
Облаков оживает лоскут,
Словно парус, надутый ветрами.
Лишь за кромку озёр унесло
Столько близких, стоявших стеною.
Под верандою сгнило весло
От воды, подкатившей весной...

* * *

Как нелепы были позы!
Как наивно и смешно
Нежить старую занозу:
Боли нет, а сплошь черно.

Дожимают берег сходни.
Под водой в ракушках дно
Показалось мне сегодня,
Словно старое кино.

Только пристань незнакома...
И скрипит, как дверь, настил.
Как в предчувствии погрома
Жизнь жила, не в меру сил...

...Лижет солнце лоб и щёки.
Бабье лето. Пар из уст.
Ржавы лезвия осоки.
Гол нахохлившийся куст.

* * *

Хохочет осень за окном.
 Швыряет листья,
 Рвёт рекламу.
 И от неё разит вином
 Из яблок,
 Брошенных средь гама
 Грачей,
 Что двинулись на юг:
 Грачам не жить с холодным ветром.
 А жизнь — диковинный паук —
 Сплетает сети
 Метр за метром.
 Как мухи сонные,
 Порой
 И я, и ты жужжим беззлобно.
 На холод наших душ настрой:
 Возможно, Богу так угодно.

* * *

За то прости, что поманила в рай,
 Где свет сквозь зелень льётся золотистый,
 Где виден неба,
 Но не жизни край,
 Где ловишь взгляд, от нежности лучистый.
 Прости за то, что будешь видеть сон —
 Один и тот же. Долго. Долго. Долго.
 В нём — семечки пускает старый клён
 По паутинке, что воздушней шёлка.
 В нём — залитое золотом крыльцо,
 И золото волос течёт на плечи,
 Веснушчатое светится лицо,
 И голос легкомысленный щебечет,
 И лунки розоватых ноготков
 Ты пальцами очерчиваешь нежно...
 В нём — твой полёт средь белых облаков,
 Но приземленье, веришь, неизбежно.

* * *

Строим замок опять на песке,
 Словно дети,
 Играя на плёсе.
 Горсть песка у тебя в кулаке.
 Жаль, что сердце уже на износе.

Не закрыли мы глаз на недуг.
И не верим мы в долгое счастье.
Но в глазах затаился испуг,
Что окончится всё в одночасье.
Знаем всё про дожди и ветра,
Что разрушат песочные замки,
Что, шутя, проберут до нутра,
Но оставят несносные ляжки,
Чтоб постылое бремя тянуть,
Вместе — к солнцу, чьё время — на завязь.
...И волна плёсу только по грудь,
И смеёмся, песочком бросаясь.

* * *

А теперь надо жить —
Безмятежно, как лютик.
Всё закручено было на годы вперёд.
...Воздух режет со свистом —
«В-жить! Жить!» —
Тонкий прутик.
Обрушается паводком голоса лёд.
...Не хочу в унисон!
Пусть весна, а не осень!
Не хочу запах листьев подмёрзших вдыхать.
Пусть иголки ресниц,
Словно хвоя у сосен,
Будут взгляды косые на время бросать.
От него ускользну.
Иль совсем не замечу.
«Как с цепи сорвалась!» —
Мне помчится вдогон,
Чтоб вонзиться в затылок
Не выкриком речи —
Остриём топора
Или всем топором.
Ну и пусть!
Увернусь!
Только звон и услышу.
Не пойму даже, в ухе раздастся каком...
До того, как опомнюсь,
Прочь возглас: «Потише!»
Прокачусь —
Хоть разок,
Только раз! — с ветерком.

Окончание. Начало в № 9, 10, 11 за 2010 г.

Публикуется в авторской редакции.

СПЕРМАТОЗОИДЫ

РОМАН[С]

[турник]

Мы как Евклид и Лобачевский, пытается иронизировать П. и отводит глаза: собственная шутка кажется ему более чем плоской, и все же он продолжает нести чушь: исходные точки их положений отличаются лишь в одном, но очень важном, пункте — вот тебе и тьма-тьмушая *существенных особенностей...* в точности как у нас — все вроде похоже, но в главном... в главном — расходимся. Ну да, ну да, усмехается Сана, осталось выяснить только, что для каждого из мудрецов *главное*. У Евклида, скажем... ок, ок, хочешь, я буду Евклидом? И так, через мою точку А — или все-таки G? тебе больше нравится А или G?.. — проходит только одна прямая: лежит, не бежит... в одной плоскости с прямой лежит, между прочим. Мало того, она эту прямую чертову не пересекает даже. А у тебя, Лобачевский, таких прямых множество бесчисленное... Как скучно, господи, как скучно знать толк в линиях смерти — все просчитано, просчитано до нашего рождения, усмехается Сана и отворачивается: чтобы быть с тобой, нужно обладать повышенной степенью вандалоустойчивости, иметь при себе пылебрызгозащищенный комплекс и носить — мало ли, загорись? — в рюкзаке кошму: мало ли, загорюсь?.. Чтобы тебе угодить, надо вывернуться наизнанку и пройти на руках, потрясывая кишками — пройти на руках, *весело* потрясывая кишками: еще один повешенный день, гора смердящих трупов, «Ворона на виселице»¹ за кадром — стандартная механическая асфиксия со всеми вытекающими, как учили... А вот и странгу-

ляционная бороздка...² Узел веревки, Плохиш, располагается аккуратно за левым ухом, иначе толчок при падении будет слабым и шансы свернуть шею понизятся... Знакомы ли тебе ощущения, возникающие, скажем, при сдавливании яремных вен? А сонных или позвоночных артерий? Многооборотные петли — удобная штука: я знаю, знаю, о чем говорю... Hanging, drawing and quartering³: каждый день, каждый день, каждый божий (?) день!

Сначала Сатурн, затем Солнце и Луна, слитые с той Землей воедино⁴, и только потом — Земля нынешняя. И так, Сатурн, Солнце, Луна. Три древних земных воплощения, три звучащих кита («Песня-танец-марш? А хорошо в тебя системку Кабалевского-то вдолбили!»), на которых держится шарик... Ты сновидишь из матки, улыбается Полина уголками губ, однако если б она попросила Сану описать три слова, Сана едва ли нашла бы их — впрочем, к чему слова, когда знаешь, что когда-то ты жил и на других планетах?.. Сана чувствует, как мощнейший поток закручивает ее в спираль, как размывает серебристо-сиреневая энергия пространство, как пожирает темно-фиолетовый луч лишь на первый взгляд кажущиеся твердыми — на самом же деле, совершенные в своей текучести — предметы... Мир совсем не такой, каким ты его себе представляешь: то, что ты якобы видишь, чеканит Полина, — результат соглашения, договоренность

² Отпечаток петли на шее.

³ Повешение, потрошение и четвертование (англ.).

⁴ Речь идет от трех планетарных типах развития Земли (по «Хроникам Акаши»).

¹ Картина Питера Брейгеля Старшего.

воспринимать объекты определенным образом: тут и сказке конец... Но когда-нибудь ты разглядишь и кленового эльфа, и «несуществующий» пруд в Измайловском... Никакого пруда в парке, с одной стороны, нет, а с другой... с другой — он-то один и есть: и это тоже, тоже соглашение... С о г л а ш е н и е, отзывается эхо Саны: голос проникает в каждую ее клетку, голос заставляет ее пульс убыстряться, — а может, она сама давно стала светящимся звуком, может, тела не существует?..

Когда она впервые увидела свои чакры, ее поразила сам факт отзеркаливания радужного небесного мостика¹ — и тут Каждый Охотник... что наверху, то и внизу: *не обманули, забавно*. Вот четырехлепестковая (Сана педантично пересчитала) нижняя — агрессивно-красная, с темно-коричневыми и бордовыми, почти черными, вкраплениями; повыше — ярко-оранжевая, нагло-апельсиновая, взрывная — с шестью (аккурат по Ледбитеру²); вот золотисто-желтая «десятка» солнечного сплетения, двенадцать нежно-зеленых, с тончайшими прожилками розового, «сердечных» лепестков; еще выше, на горле, — шестнадцать голубых; вот два, разделяющихся на много-много частей, ослепительных межбровных индиго-лепестка — а сколько их там, на фиолетовой макушке, и не счесть... *Ванг, шанг, кшанг, санг³*, повторяет монотонно Полина, *ванг, шанг, кшанг, санг*, и Сана чувствует, как ее тело захлестывают, одна за другой, горячие волны. *Банг, бханг, манг, янг, ранг, ланг...⁴* И з г н а н и е, уже само слово выключает тебя, отправляя в чудовищный *trip* по морщинисто-сетчатым родовым путям — не там ли живут фантомы древних рептилий? Мерзкая, вся в пупырышках, кожа: *мне страшно*, кричит Сана, *страшно*, не понимая сначала, что за Хичкока ей показывают. *Тужься!* — безостановочно, непрерывно, плодитесь и размножайтесь, бессмысленно, бесперебойно, плодитесь и размножайтесь, всю жизнь и еще пять минут, плодитесь и размножайтесь, плодитесь и размножайтесь, — *да тужься ты, мать твою!*.. Цикл, просто цикл, кто успел — тот и съел: червячка — птичка, птичку — лисичка, лисичку — волчок, волчка — человекóк, человекá — божчóк... Но я не хочу, кричит Сана, чтобы самке, в брюхе которой я окажусь лишь потому, что сорок недель назад у нее произошло спаривание, ставили клизму и брили лобок перед тем, как она выпихнет меня — *тужься!*

¹ Красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий и фиолетовый цвета радуги: в таком же цветовом порядке расположены и чакры, начиная с нижней.

² Ледбитер, «Чакры».

³ Санскритские звуки, отвечающие лепесткам корневой чакры. Звук создает лепестки определенной чакры.

⁴ Звуки, соответствующие лепесткам крестцовой чакры.

тужься! — н а р у ж у! Ну-ну, перестань... Гляди-ка лучше: сначала темя, потом лоб... щеки... нос... подбородок... переднее плечико над лоном (о-о, *над лон*: месиво, месиво же!)... Заднее, заднее плечико пошло: смотри, как раскорячилась-то — а ты: черные дыры, черные дыры... Та-ак, затылочная ямка... *Тужься!* Сана видит, как промежность мамыши соскальзывает с лица плода, и на свет серый выходит сначала ее, Санина, головка, а потом плечики и туловище. *Не тужься! Не тужься, всё-ё!*.. Сана кричит, чихает и начинает быстро розоветь; ей отсасывают слизь из носа резиновой грушей. Акушерка потрошит плаценту. Мамаше спускают мочу катетером. Скучная история!

Есть и другая.

Само семя Земли было тогда пластичным — из него-то они с П. и вышли, там и образовались зачатки их, одной на двоих, — души, дергающей за невидимые лески эфирных отображений, спущенных вниз из астральной оболочки. «Чудо, счастье: нет ни интеллекта, ни рассудка — и ты, то есть эфирная твоя форма, напоминающая эллипс, передвигаешься — нет, паришь — при помощи диковинных членообразных крыльев... Вода и воздух, вода и воздух — вот и все тело, Плохиш, вот и все т е л о, не чувствующее еще ни тепла, ни холода: их попросту нет... *А что есть*, ты спрашиваешь, *что есть?* Шепоты камней и деревьев есть, разговоры животных и птиц: мы понимали их до тех пор, пока телесные наши соки не стали кровью, слышали их, пока прозрачное не отделилось от непрозрачного, — вибрировали с ними, пока не стали видеть иначе...» Сана помнит: когда воздух был плотнее, а вода — легче, когда камни были жидкими, когда тело могло лепить, будто из глины, самое себя, когда одному существу не требовалось для воспроизведения другое, они были неделимы — помнит и то, как отвердевшая, переставшая подчиняться законам души плоть расслоилась, и спянные оболочки разъединились. Хватаясь за солнечное сплетение, Сана вдруг понимает, что задыхается вовсе не от ужаса, вызванного внезапным осознанием обреченности поисков сиамского своего близнеца: нет-нет, убивает именно *программка Allegro barbaro⁵* — пора выходить из сценария.

«Пусть не в этом футляре, не здесь и сейчас, не на этой планетке — пусть на седьмом кругообороте Вулкана⁶ достигнем мы цели развития и обретем пресловутое “блаженство в Боге”: переполюсовка, квантовый переход, что там еще, Плохиш?.. Сколько рас, сколько эпох нас растопчет, покуда не пере-

⁵ Варварское аллегро.

⁶ «Тайная» планета, на которой, согласно древним пророчествам, завершится эволюция человеческого вида.

родится во что-то иное наш шарик?¹ Сколько воды сгорит, огня утечет — сколько?.. Страшно представить, ну а пока — прощай, добежавший сперматозоид: такой же, в сущности, как и я... Живи “насыщенной полноценной жизнью”, люби, если сможешь, не только себя... О, я знаю, знаю: ни на Юпитере, ни на Венере ты не будешь еще осознан, и потому начнешь мстить, мстить мне, отвергая душу мою до тех самых пор, пока я не отброшу твою. Но! Познав иллюзорность битв с отражениями, смирившись с отчаянием, обессиленный от боли и страха, ты уловишь звук, заставлявший когда-то вибрировать мою, так и не познанную тобой до конца, плоть: тысяча лет или один день — да есть ли разница? Потому и опускаю жалюзи, потому и отгораживаюсь от мира — и тут же, с легкостью отпустив тебя, срываю с окон шторы из деревянных пластин...»

«Ты в порядке?» — спросит Полина, не сразу заметив, что плечи Саны трясутся.

Лишь после п у т е ш е с т в и я впитала Сана всю полноту его, Плохиша, присутствия. Если раньше она болела, томилась своим чувством, то теперь в нее влилось нечто иное — огромное, совершенное. Сана верила — скоро начнут происходить чудеса, надо лишь немного, совсем немного еще потерпеть. Она знала, что нужна — нужна ему, быть может, как никогда: сказать *как никто* Сана пока не смела. Словно яхта со стапелей, сошла она в воду, не подозревая, что это тот самый «волшебный» пруд, и, сломав, наконец, уродливую восьмерку сансаркиного круга — вот, собственно, и весь знак дурной бесконечности, — еле заметно, одними уголками губ, улыбнулась: «Прощай, Плохиш... Привет, Плохиш!», что, в сущности, одно и то же и уже не имеет никакого значения.

П — б у к в а, просто буква, встречаю я; нет, **П** — т у р н и к, смеется Сана и легко делает на нем «солнышко».

[иллюзион]

Они идут от проспекта Мира в направлении Сухаревки — а там уж недалеко до Китая, в котором — надоба. Одна из них, та, что постарше, в черном длинном пальто и пахнет духами. Другая — та, что помоложе, в короткой кожаной куртке и духами не пахнет. Обе оживленно жестикулируют, то и дело случайно касаясь друг друга. Иногда им удается наступить на

какого-нибудь прохожего, и тогда та, что постарше, начинает извиняться:

— О, простите бога ради!

— Чего это ты такая вежливая? — вскидывает бровь та, что помоложе.

— Вежливая? А что, раньше такой не была?

— Как сказать... — Маленькая поднимает голову к небу. — Но вот этого вот «простите бога ради» я от тебя не слышала. Оно и звучит как-то фальшиво.

— Фальшиво? — смущается та, что постарше. — Но чем же?

— Не знаю, я часто не могу объяснить того, что чувствую. — Та, что помоложе, легко перепрыгивает лужицу. — А ты?

— А мне кажется, будто я теперь все-все могу объяснить, — отводит грустный взгляд большая.

— Все-все? Но это же так скучно! Как же ты живешь? — удивляется попрыгунья.

— По-разному, — увиливает та, что пахнет духами.

— Расскажи, надо же мне иметь хоть какое-то представление о... — Та, что не пахнет духами, останавливается на полуслове и пристально смотрит в глаза другой.

— Рассказать? А ты не испугаешься? Тебе-то самой не станет скучно? — Полы ее длинного пальто подхватывает ветер, обнажая стройные ноги.

— А чего бояться? — смеется девчонка и, вставая на самокат, едет до перекрестка.

— Откуда у тебя самокат? — спрашивает Сана.

— А откуда у тебя такая сумка? — спрашивает Саночка и тянет ее на себя.

— Из бутика. — Сану начинает раздражать девчонка, цепляющаяся за ее сумку. — Кончай!

— Кончать в столь людном месте, доводя до сумасшествия несчастных зомби, вышагивающих по улицам, телесными судорогами? А как же пристойность? — хохочет Саночка.

— Что ты о себе такое думаешь? Типа, «без комплексов»? — Сана хмурит лоб и кажется старше лет на семь.

— Не морщи лоб, а то тебе все сорок дать можно! — Саночка перестает смеяться и шепчет: — Прости.

— За что, чудовище? — улыбается, как ни в чем не бывало, Сана.

— За оргазм, за что же! Ты-то его давно не испытывала! — Саночка чуть подталкивает ее.

— Откуда такая осведомленность? — приостанавливается Сана.

— По тебе видно, — ковыряет в носу Саночка. — Замороченная ты.

— Дурында. — Сана убыстряет шаг, но девчонка бежит за ней, поскуливая: — Ну ладно те, не буду так

¹ Согласно «Хроникам Акаши» Земля «перевоплотится» в далеком будущем в Юпитер, Венеру и Вулкан.

больше, давай сначала? — А в глазах — зайцы солнечные с ума сходят.

— Давай, — соглашается Сана: так они снова переносятся к художественному салону на проспект Мира.

— О, простите бога ради! — наступают Сана ей на ногу.

— Чего это ты такая вежливая? — вскидывает бровь Саночка.

— Вежливая? А что, раньше такой не была?

— Как сказать... — Саночка поднимает голову к небу. — Но вот этого вот «простите бога ради» я от тебя не слышала. Оно и звучит как-то фальшиво.

— Фальшиво? — смущается Сана. — Но чем же?

— Не знаю, я часто не могу объяснить того, что чувствую. — Саночка легко прыгает через лужу. — А ты?

— Я? Я, наверное, тоже. — Сана лужу обходит. — Знаешь, я, наверное, лет тысячу мечтаю выспаться.

— Тысячу? Но тебе же тридцать семь! — наклоняет голову Саночка.

— Это только кажется! На самом деле мне тысяча...

— Надо же, я и не подозревала, что в таком возрасте можно так здорово сохраниться! А может, ты просто мумия?

— Как ты догадалась? Конечно, ну конечно же, я — мумия, — будто найдя ответ на давно мучавший вопрос, Сана широко распахивает глаза. — Мумия! У меня же нет ни мозгов, ни внутренностей, одна оболочка!

— Везет тебе, — с завистью смотрит на нее Саночка. — А как делают мумии?

— О, это целое искусство! Сначала у меня вынули железным крючком мозг через ноздри и влили туда специальную жидкость.

— Зачем?

— Как зачем? Для размягчения остатков. Потом вынули внутренности, а полости тела вымочили в пальмовом вине.

— Везет! Пальмовое вино!

— Потом меня набили тканями, пропитанными канифолью, — при охлаждении те, если ты помнишь, твердеют.

— Не помню...

— А после этого меня на два с лишним месяца засунули в раствор натуральной соды и только через семьдесят дней вымыли и завернули в хлопковые бинты: все они были в клейкой густой канифоли, я помню...

— И?..

— Что — «и»?.. В саван завернули, вот что «и».

— М-да... кажется, ты неплохо изучила историю Древнего Египта, подруга.

— Да, было интересно, — улыбается Сана. — Я раньше любила читать.

— А сейчас?

— Сейчас только в метро. Или на ночь. Если ничего не происходит. Но постоянно что-то происходит, поэтому иногда даже в метро невозможно: голова пухнет от собственных мыслей, а если еще и чужие...

— Что-то ты мне не нравишься.

— Да я сама себе не нравлюсь.

— Давай ты мне все расскажешь? Но для этого нужно вернуться назад.

— Ок! — Они возвращаются на проспект Мира.

— О, простите бога ради!

— Чего это ты такая вежливая? — вскидывает бровь та, что помоложе.

— Вежливая? А что, раньше такой не была?

— Как сказать... — Маленькая поднимает голову к небу. — Но вот этого вот «простите бога ради» я от тебя не слышала. Оно и звучит как-то фальшиво.

— Фальшиво? — смущается та, что постарше. — Но чем же?

— Не знаю, я часто не могу объяснить того, что чувствую. — Та, что помоложе, легко прыгает через лужицу. — А ты?

— Знаешь, я тоже, тоже не могу... Особенно же невыносима невозможность объяснить *самое главное* тому, кого любишь. — Та, что постарше, с трудом сдерживает слезы.

— А ты еще любишь? — Та, что помладше, смотрит на нее с восхищением.

— И любима, — кивает Сана: ветер в который уж раз поднимает полы ее длинного пальто, обнажая стройные ноги. — Но самое страшное в том, что именно любовь, даже взаимная, причиняет наибольшую боль. Иногда кажется, что вот-вот тебя разнесет, разорвет в клочья! Что ты лопнешь, задохнешься тут же! Но нет, это было бы слишком легко, и все повторяется — вот оно, фирменное кандалное рондо...

— Почему? Ведь если любят двое... — маленькая, перебивая, тщетно силится подобрать нужные слова.

— Потому что если другой отдается тебе полностью, эту его ношу очень трудно вынести. Многие ломаются.

— А ты?

— А что — я? По мне лучше сломаться насмерть, чем прогнуться. — Сана закуривает.

— Тебя измучили любовью, я догадалась? — догадалась Саночка.

— Не совсем. — Сана стыдится своих истинных чувств. — Я ведь, в принципе, ни в чем не знаю отказа.

— Не ври! — Саночку не проведешь. — Давай-ка, скажи как есть!

— Давай есть, — говорит Сана и достает из сумки булочку с корицей.

— Давай, — соглашается Саночка. — Почти пришли: уже Китай, до «Иллюзиона» два шага: ты ведь после ремонта вроде и не была там...

— Боялась.

— Чего?

— Человека этого.

— А человек... человек-то этот... он что сделал?

— Хотел, чтоб я дышала р о в н о, и точка.

— Ты же сама поставила точку!

— Да, именно поэтому мы и оказались в «здесь и сейчас».

— Но ведь ты хотела *пространства*?

— Хотела... не знала только, что т а к а я пустота обступит может. Что т а к а я чернота — в день, в миг...

— Но ведь у тебя есть я!

— Да, у меня есть ты...

Показывали «Ночного портъе»¹, но на экран Сана не смотрела: ужас от осознания того, что у нее украли прошлое, пропитал, казалось, каждую клетку. О, как мечтала она вернуться т у д а, назад, в свою киношку! В тот самый «Иллюзион», где они с N — понедельник, дневной сеанс — курили на последнем ряду по-цыгански! В то самое время, когда никто не думал о том, *на сколько* их еще хватит.

[lectori benevolo salutem]

Lectori benevolo salutem!² Да запомнится, @.ru, ник твой, да не накроется во веки веков комп твой, да не погубится тонкость дермы твоей — загадочность анимы на материнской плате и вне ее, ибо грамм³ и посейчас, и попотом и по et cetera! И стал Текст, где слово спаривается одно с другим легко и охотно (*учился он легко и охотно*, виленин) — не парится-жарится, не жалеет/зовет/плачет, и еще шесть «не»: прогибается, канючит, юлит, жалеет, хамит, жульничает, потому как, раз всех и впрямь тошнит, то спектакля, конечно, не будет — да и как ему быть?.. Даниил Иваныч Ювачев обувается и, прихватив трость, выходит из квартиры. (О, как он — статный, ладный — съезжает с перил!..) «Что в имени тебе моем?» — постмодернистничает Даниил Иваныч, грустно улыбаясь, а я пожимаю плечами и шепчу растерянно: «Как хорошо... как хорошо, что

вы *все это* написали... милый, драгоценный, ни на кого не похожий! Да если б не ваши С л у ч а и, пожалуй, сойти с ума было бы куда легче: первый раз я открыла их в шестнадцать, а потом всякий раз, когда становилось лихо, перечитывала... Они смешили, баюкали; они говорили *живи, дура, живи* — и я слушалась, всегда слушалась... да только их-то и слушалась...» — Даниил Иваныч гладит меня по голове и предлагает пройтись: я соглашаюсь и пытаюсь вспомнить, сколько зим не бывала на Невском. Впрочем, сегодня проспект, пожалуй, несколько странен: плотная, не такая, как всегда, серо-сизая дымка, голубоватые геометрические фигуры, танцующие на крышах домов, густая синяя вуаль, покрывающая светящуюся мостовую... Становится не по себе — к тому же идущие навстречу персонажи заставляют меня усомниться если уж не в реальности происходящего, то в собственной вменяемости: одного Даниила Иваныча я еще могу вынести, но вереницу мертвых литераторов... «Страшно? — усмехается Даниил Иваныч, видя, как пугает меня горбоносый профиль А., и тут же, отворачиваясь от графа Т., скисает: — Если б вы знали, как *мне*, как *мне* страшно, вы посчитали бы собственные скелеты в шкафу вздором!» — «Почем вам знать о моих скелетах?» — «По текстам, голубушка, по текстам... Вы, как и я, не совсем, так скажем, здоровы...» — «Бросьте: я, в отличие от вас, никогда не писала о себе. Если же и использовала некоторые детали, то изменяла до неузнаваемости. Что же касается произведения искусства как невроза, то Юнг давно...» — «Нет, это вы, вы б р о с ь т е! — Он кипит и тут же извиняется: — Простите великодушно. Но, смею заметить, каждый художник рисует прежде всего себя, не отпирайтесь...» — «Я лишь переплавляю некий опыт... синтезирую, крою... меняю траекторию движения персонажа...» — «Вы не столь простодушны, сколь милы... Хотите выпить?» — «Я хочу в Аргентину...» — «В Аргентину? Куда именно?..» — «В Буэнос-Айрес. Там есть кафе “Руби”: а знаете, тот рассказ Кортасара — ну, “Местечко, которое называется Киндберг”, — в свое время здорово меня зацепил...» — «А что вы, голубушка, знаете о времени?» — останавливается вдруг Даниил Иваныч и, тяжело дыша, кладет руку мне на плечо. «То же, что и вы: времени не существует. — Я не пытаюсь хоть сколько-нибудь отстраниться: он не неприятен. — Быть может, именно поэтому у меня его никогда и нет?..» — «Как жаль, что мы не встретились раньше! Или наоборот — позже... *В ваши дни*... Мы могли бы стать идеальной парой... — он целует мне руку и с сожалением смотрит на часы: — Такое возможно?.. Ответьте, скоро я должен буду покинуть вас...» Я пожимаю плечами, не обольщаясь насчет идеальных

¹ Фильм Лилианы Кавани.

² Привет благословенному читателю! (лат.).

³ Буква (греч.).

пар, и отвечаю честно: «Не уверена. Может, кофе на посошок?» Он понимающе кивает; мы заходим в маленький ресторанчик и заказываем латте, глянсе, эспрессо, мокко, капучино, американо... мы упиваемся вусмерть, *o-la-la!* Но перед этим Даниил Иванович успевает прочесть мне три последних «Случая», не вошедших ни в одно из изданий, — Даниил Иванович называет их «Идиотскими сказками»: о, они чудо как хороши после каннабиса и маковой соломки!

Идиотская сказка номер раз

«По сучьему веленью, по оному хотенью, жили-были на свете колорном Нос, Шея и Крыся Бардачелла.

Нос был длинный, тонкий и во все влезал без спроса.

Шея была вертлява и вечно важничала.

Крыся Бардачелла была родом из Польши; она вышла замуж за итальянца и сменила фамилию, но легче ей от этого не стало.

— Как странно все это, как странно! — вздыхала она долгими зимними вечерами, пока Нос и Шея промеж себя спорили.

— Что странно? — спрашивал итальянец Крысю, но она, поглаживая украшение из эмали от Frey Wille, только улыбалась и ничего не говорила.

— Сдается мне, что если в текстенке появляется выражение типа «галстук от Hermes» или «запонки от Saagea у Saagea», текстенок явно второй свежести и написан дамкой! — умничала Шея.

— Сдается мне, драгоценная Шея, будто до всего вам есть дело! И самое удивительное, что дело есть вам и до хьюмидора на пятьдесят семь сигар из платанового дерева! — фыркал Нос и чихал на нее, однако Шея не унималась.

Так продолжалось до тех пор, пока Крыся не устала от Носа и Шеи — больно часто те спорили! Вильнула Бардачелла хвостиком, мордочку вытянула — цап! — да прокусила Шею. И истекла Шея кровью, а кровь Нос залила — так тот в ней и захлебнулся. А Крыся сидит на солнышке, лапочки свои потирает, довольная: любимую статью Конституции перечитывает: *Цензура запрещена*. “Fuck you!” — “Говорит по-английски”».

Идиотская сказка номер два

«Жили-были Нос, Зуб, Шея и Крыся Бардачелла. Нос ушел в запой, Крыся на остров Буян полетела, чтоб между делом в Duty Free вискарем недорогоим отовариться. Так остались Зуб и Шея вдвоем.

Точит Зуб Шею, точит... Впивается в нее, грызет, колет — чуть не режет. Плачет Шея, ничего понять не может, за что ей наказанье такое, а Зуб посмеивается: “Ха-ха! — а дальше так: — Хо-хо!”

Совсем тонкая стала Шея, тронь — того и гляди, сломается! Стала она тогда на помощь звать: “Э-гей! — а потом: — О-гой!”

И прилетела тогда с острова Буяна Крыся Бардачелла под вискарем, и вырвала Зуб, но без наркоза: так умерла Шея от болевого шока, а перед смертью услышала, как ей Зиновьева-Аннибал шепнула: “У меня в сердце зуб болит! О, люди без зуба в душе!” — с тем и почил».

Идиотская сказка номер три

«Решила как-то Шея о душе подумать, а Крысе это не понравилось: “Будут еще всякие шеи думать!” — и прокусила ей тонкое горлышко, и потекла оттуда водичка сладкая, и облизнулась Крыся Бардачелла, и больше Шею не мучила, и никто не мучил».

[весна на улице]

Вздор. Все это, в общем, вздор — сюжет неудобно запрятан в карман брюк, не достать никак: я устала, да, устала от этого роман[с]а, пора бы и честь знать — tableta¹ проглочена, бриллианты и экскременты смешаны в равных пропорциях, постранично. Мне, увы, так и не удалось сравнить «чувство, которое движет миром», ни с кессонной болезнью, ни с фракталами, ни со шкалой Мооса², однако я все еще уверена — маньячество? — что именно оно является эталоном душевной стойкости. Сначала ведь так: тальк, гипс... потом — кальцит, флюорит... пото-ом! — апатит, ортоклаз... ну а дальше кварцы с топазами, корунды с алмазами: но в Начале-то тальк был... Тальк — не топор — старинная русская головоломка.

Эй... — она выключает компьютер и дотрагивается до моего плеча: я вздрагиваю от неожиданности — лицо кажется знакомым. Янтарь — окаменевшая смола мелэоценового периода, говорю, просто чтобы что-то сказать. Она смеется — одними зрачками: совсем как я, губы плотно сжаты. Но разве персонажи материализуются? — не произношу. А кто тебе сказал, будто я — персонаж? — не произносит Сана. И тогда я шепчу быстро-быстро: там, в вагоне, — женщина была с лицом девочки; она в ней будто высветилась, девочка-то, как только старшая забрала у младшей шарик и прижала к щеке — так и стала копией детской своей фотографии... Здесь и сейчас, здесь и сейчас: из куколки — в бабочку, следующая станция «Горизонт» — вот и все, вот и все, Сана: никаких негативов, никаких слайдов — бабоч-

¹ Здесь: заметки, записки (румынск.).

² Десятибалльная шкала относительной твердости минералов (от талька до алмаза).

ка, так и не научившаяся летать, забирает у гусеницы шарик с украденным у меня воздухом...

Она понимающе кивает. Я больно щиплю себя за руку: нет, не сон... Да ты нервничаешь, качает головой Сана, будто боишься чего-то... а я ведь просто поговорить хочу... Скажи, зачем этот текст? Не думала, что должна разжевывать тебе подобные вещи, отмахиваюсь я, но Сана не отстает: нет, я имею право знать — я не уйду, пока... Etc., etc. Я закуриваю: подобные вопросы не прибавляют сил, и все же я рада, рада, чего уж там, ее появлению — в конце концов, я *тоже*, тоже человек, и мне иногда *тоже*, пусть и редко, но требуются уши. Что *еще* ты хочешь услышать, развожу я руками, ты ведь знаешь обо мне все, абсолютно все... к тому же если я начну договаривать, ничего хорошего все равно не выйдет: я и так еле живая после всех этих роман[с]ов, которые крутила сама знаешь где и за счет чего. РА — не только не бог Солнца, Сана: РА — это идеальные условия для того, чтобы не вывести в люди ни буквы, а мне нужно, нужно было поднять «тяжелый вес» — и не надорваться... Подняла? Усмехнулась Сана, а я неожиданно запричитала: девочка, дурочка, неужто не понимаешь, что ни тебя, ни меня не существует? Неужто не видишь, что *все эти декорации* не настоящие?.. (Итэдэйтэпэ, четыре минуты ровно.) Ну что ты, что ты, Сана обнимает меня, я не хотела. Жвачные оборачиваются. Не обращай внимания, шепчет она, ты их больше не увидишь, и я не обращаю — мне нет до жвачных никакого дела: нет до тех самых пор, пока к нашему столику не подходит некий тип. Положив визитку на стол, он уточняет: вы — Александра Шеломова? Если позволите, я задам вам несколько вопросов. Понимаю, вы со спутницей (тип криво ухмыляется), и все же лишний пиар не повредит автору, широко известному пока лишь в узких кругах... Не дождавшись ответа, он включает диктофон, и:

— Ваш новый роман[с] с вызывающим названием несет в себе антигуманный посыл. Вы действительно считаете, будто все мы — просто *добежавшие сперматозоиды*? — Да, считаю. — Почему вы не любите людей? — Вопрос из серии «Перестала ли ты пить коньяк по утрам, да или нет?» — Но ваш роман[с] автобиографичен: вы и Сана — один человек?.. — Я никогда не списывала героинь «с натуры», это собирательный образ. — Но вы же не будете отрицать, что все эти опыты, которые ставила на себе Сана, — прежде всего ваши? — Буду. — Вы немногословны. Что ж! Остается лишь произвести лингвистическую экспертизу текста на предмет новизны и творческой оригинальности вашего, с позволения сказать, произведения: шутка-шутка. Расскажите

лучше о своей семье: ваш новый муж — действительно транссексуал?.. — А ваш? — Не понял... — Ваш новый муж — кто?.. — Когда вы оставите, наконец, словесные па? Поймите: мы должны сделать яркий материал! — Кому должны?.. — Не цепляйтесь! Вот вы сидите тут, с девушкой обнимаетесь — может, вы *и с ней тоже* живете... Почему не хотите поделиться с читателями? — Делюсь. Иду сегодня по Малой Ордынке, поскальзываюсь: «Ё... твою мать!» — кричу, фраза дня. Лаконичная. Емкая. «Ё... твою мать!» — как сочно, красиво, звучно, гордо, непосредственно, элегантно! Яркое как! Тактно! Смело! Уверенно! «Ё... твою мать!» — как ласково, как пьяняще... и даже чуточку томно... — Не трогайте диктофон, меня уволят, не трогайте диктофон, кому говорю, мне нужно скандальное интервью с молодым автором средних лет! Вы как раз подходите! *Пока еще* подходите! Имейте в виду, годы идут! Что вы делаете? Отдайте диктофон, отдайте сейчас же диктофон, кому говорю! В стране кризис, отдайте диктофон, где я найду работу?.. Ну где я теперь найду работу, я вас спрашиваю, а?.. Что вы сделали? Что скажет главред?.. Су-у-у-у-уки!..

Интернет-интервьюер интервента интервьюировал, интервьюировал, да так и не проинтервьюировал — Сана смеется, а я хватаюсь за голову: мне, поверишь ли, говорю, пока писала «Сперматозоиды», страшно хотелось поговорить с тобой, влезть в твои мозги... знаю, ты скоро исчезнешь, а я, как всегда, буду вколачивать в экранчик буквы, словно гвозди в крышку гроба, и... Тсс, дурацкая метафора! Сана прижимает указательный палец к губам и поднимает меня в воздух. Не бойся! «На свете есть только две вещи, ради которых стоит жить: любовь к красивым девушкам, какова бы она ни была, да новоорлеанский джаз или Дюк Эллингтон. Всему остальному, — к нам присоединяется Виан¹, — лучше было бы просто исчезнуть с лица земли, потому что все остальное — одно уродство».

Как это странно, думаю я, не иметь тела, как странно!

«Буратино» в бумажном стаканчике. Пу-зы-рики. Запах цирка: дурацкий, ни с чем не сравнимый. Под куполом — гимнасты: я смотрю на них, затаив дыхание, и Сана тоже... тоже смотрит: нас разделяет лишь арена. Мы похожи, правда? Она кивает и берет мои руки в свои: наконец-то ты оторвалась от компьютера, наконец-то можешь говорить. Говорить? Я повторяюсь: РА, Сана, — это не только бог Солнца. Не понимаю, она пожимает плечами, что

¹ Б. Виан.

значит *не только*... Я выдыхаю дым и, достав из сумки сложенный вчетверо лист, зачитываю: «Коллеги, благодарю вас за оперативную и высокопрофессиональную работу над Проектом, который является для Клиента приоритетным — теперь, получив Заказ, он просто счастлив... а значит, счастливы и мы. Головной офис тоже тащится. Со своей стороны прошу вас — это особенно актуально во времена кризиса — относиться к любому Проекту также слаженно, потому что процесс реанимации Клиента в настоящее время практически невыполним...» Что это, что за бред, удивляется Сана, а я замечаю, что у нее нет вопросительных интонаций, совсем нет: ну, я же говорила, РА¹ — это не только бог Солнца, и, вспоминая о работке, отворачиваюсь. Не молчи (Сана звенит моими браслетами), это невыносимо — и я не молчу, не молчу больше: помнишь песочное пирожное? ну, то самое, с тонкой прослойкой из повидла? с розовыми и салатовыми *розочками* сверху?.. помнишь, нет?..

На плотной серой бумаге остаются жирные пятна и крошки; бумага остается на столике кафетерия, которого давным-давно нет, как нет давным-давно и крашеной деревянной будки с толстухой-мороженщицей, кутающейся в пуховый платок: пальто туго натянуто на барабан ее живота; белый халат, накинутый сверху, подпоясан длинным шарфом. Что мне мороженое! Книжный-то яд *там*, через дорогу — и зачем от кафетерия сворачивали? «Купи книжку! Купи-и-и!» — «Это для больших, тебе такую не надо!» — «Я большая, большая, мне надо, надо! Купи-и-и!» — «А куклу? Ты же куклу хотела...» — «Книжку хочу! Кни-и-ижку! Ы-ы-ы-ы!»

Мне покупают *книжку*. Я, четырехлетняя, втягиваю вкуснейший в мире запах — запах свежайшей типографской краски. Я. Совершенно. Абсолютно. Счастлива.

Я помню, Сана: зеленые Чехов, Тургенев, Куприн, Гюго. Голубоватый Толстой. Грязно-бордовый Ромен Роллан. Коричневые Бальзак и Пушкин. Шоколадный Драйзер. Серо-синий Жюль Верн. Радужная «Библиотека приключений». Пестрая «Тысяча и одна ночь». Оранжевый Майн Рид. Черный Достоевский. Красноватые, вечно пыльные Ленин и Сталин на верхотуре. Я пробираюсь в темную комнату и листаю Мопассана. Мне шесть лет. Мне нравится имя Клотильда... А еще — еще четырехтомник «Удивительная Африка»: чтобы достать его, я должна встать на скамейку и дотянуться до самой последней, упирающейся в потолок, полки. Видишь? Встаю. Дотягиваюсь. Видишь, нет?.. Первый намек

на эротику: черные тетки с раскрашенными грудями и проколотыми носами — любопытно. А внизу — тоска: *Лермонтов — великий русский поэт*... Захлопнув учебник, я натываюсь на «Мои университеты»: первый намек на порнографию — студенческие «забавы», скользящая по мыльному полу проститутка и пр. и пр. Скучная история, поэтому сначала так — все спят, а ты, повесив шкурку на спинку стула, слоняешься из угла в угол, или: долго вертишь в руках карандаш, не зная, что делать с ним, а потом, словно опомнившись...

Бумага в клетку, бумага-тюрьмага: главное — не думать, *зачем*, не то не выйдет. Мне купили, Сана, здоровенную тетрадь — сначала коричневую, потом черную, — куда я, вместо того чтобы бегать во дворе «как все нормальные дети», записывала крупным «взрослым» почерком «шедевры» собственного изготовления да переписывала стихи и афоризмы из настенного отрывного календаря... Когда же я пыталась поймать несуществующим сачком в т о р о й в о з д у х, меня *накрывало*, и я засыпала, не понимая еще, что с этой-то самой тетрадью и увязнет мой к о г о т о к в том, чему нет названия. Что именно благодаря ей, тетради, я *на самом деле* попаду в место, которого нет ни на одной карте. Что буквы, не имеющие ни цвета, ни пола, никогда не будут бесцветными или бесполовыми: да вот же они, вот, видишь? Из них слеплены и гимнаст, и мороженщица... да ты как будто онемела!

...тем временем на Никольской улице бродячие обезьяны отобрали у семилетнего мальчика бутылку воды, экс-президент потребовал сажать в тюрьмы за контрабанду, General Motors официально объявила о банкротстве, Ким Чен Ир назначил преемником третьего сына — Ким Чен Уна, на станции столичного метро «Полянка» упал на рельсы человек, ТОФ начал готовить новый отряд кораблей для борьбы с пиратами, самолет, не подав ни одного тревожного сигнала, растворился в воздухе, пропав над Атлантикой, пьяный машинист погиб, выпав из кабины на ходу, последняя пассажирка «Титаника» Милвина Дин скончалась, английские дети называли Stinking Bishop самым вонючим сыром Великобритании, в Витебске по причине «потери интереса к жизни» с девятого этажа выбросились две девушки, пьяный в дым слесарь разбил тачку известного шансонье, пассажиры подожгли станцию из-за нового расписания, боевики-талибы захватили в заложники четырехста человек на территории Пакистана, пенсионеры-космоэнергеты вышли с духовным маршем протеста, а археологи-любители нашли в Ла-Манше лох-несское чудовище по кличке Плезиозавр —

¹ Рекламное агентство.

что ж! Самое время поинтересоваться, как там Плохиш, думаю я, забыв, что озвучивать мысли вовсе не обязательно: Сана знает обо мне все, абсолютно все... ну или почти. Она поднимает брови: почему ты спрашиваешь? Я пожимаю плечами: вроде бы этот постаревший ребенок — герой твоего роман[с]а... Какая пошлость, кричит Сана, ты заварила эту кашу, а теперь мечтаешь свалить все *на персонажа!* А ведь это я, я писала тобой... я заставляла твои пальчики бегать по клавиатуре, приказывала с и д е т ь — и ты покорялась, всегда покорялась, как последняя шлюха!.. Неужто ты и впрямь думала, будто я — одна из твоих heroИнек? Девочка становится интересной, если ее как следует завести, думаю я, и неуверенно касаюсь руки Саны (жвачные находят наши жесты фривольными: жвачные никак не могут понять, «откуда близняшки»), и вот тут-то меня по-настоящему бьет током — Сана живая. Может, моя рука и бумажная, но ее-то уж точно из плоти и крови! Это я, я писала тобой, талдычит она, я провоцировала тебя, заставляла усомниться в собственной силе!

Радикальная инъекция, качаю головой я, рассматривая ее четкие, будто из камня высеченные, формы: на Сане совсем нет одежды.

Не холодно?..

Насытиться флиртом до тошноты — вот целое искусство, смеется она и, видя, что меня тошнит, довольно правдоподобно имитирует сочувствие: скажи, а ведь у тебя тоже, *тоже* был свой Плохиш? У к а ж д о г о был с о й, дура! — Я бегу к раковине, меня выворачивает: о н и в таких случаях советуют представлять комнату...

Знаю: за щеколдой ничего не значащих слов, в трупохранилищах мыслей, прячутся струпья чудес — там, где сухой остаток льда сердечного превращается в жар Знания, там, где нет страха перед высоковольтными чувствами, где лучевая «болезнь» любви излечивает Осмелившегося, мне лжет один лишь элегантный диктатор: *для той, чье выжжено тавро железом в глубине души...*¹ Убей Плохиша, говорит вдруг Сана, протягивая мне букварь, к чему эта псевдоромантика? Я устала, я не могу больше его ждать... Бензин, мазут, битум, керосин, газойль — на каком топливе работает сердечная мышца? Откуда берется Сила?.. Думаешь, ее из Brent'a с Urals'ом выкачать можно? 97 и 95 баксов за баррель, если не в курсе... «Наша миссия — сделать процесс изготовления самогона на даче и дома максимально удобным для конечного благополучателя», — уверяет меня реклама, заглушая голос Саны, а я смотрю, как змеятся азбуки в длинных ее пальцах: мне кажет-

ся, сами ее пальцы превращаются в змей... Я мотаю головой и отхожу в сторону: ты с ума сошла. Да и как? Я не могу, он ни в чем, в сущности, не виноват... Плохиш — это просто явление, явление природы: как дождь косой — ну или там как снег, как град: идет себе... мимо проходит... Сначала намочит, потом застудит, а то и жаром обдаст... за жар этот все на свете прощаешь... Да можно ли до смерти-то обижаться?.. Не п...и, *bud' tak lubezna*, насвистывает Сана транслитом. Все просто: Аз, Буки, Веди... выжги его Глаголом! Глаголом можно только сердцá, а у него и сердца-то нет, отказываюсь я и, не подозревая, что уже слишком поздно, зажимаю нос: окутавший Софийскую набережную дым довольно едкий.

Кукол жгут, говорит бесстрастно Сана и закрывает глаза фантому Плохиша (пожалуй, ему даже к лицу этот резиновый макинтош) муаровым своим платьем². Кукол?.. Внутри что-то обрывается: *боммм, боммм*, не чуя под собой ног, я бегу на крик, плохо заглушаемый колокольным звоном: *боммм, боммм...* Голубоглазая марионетка в черном парике делает прощальный книксен и садится в ландолет: о, как изысканно ее платье, как лазорева тальма! Вы такая эстетная, говорю я ей, вы такая изящная, и замираю — да это же мумия Хатшепсут, черт бы ее подрал: о, сколько у нее масок, что делать с ними?.. Вот и горит, горит ш к у р к а — о, теперь я догоняю, что значит *без кожи!* Да ты спой, спой, машет рукой Сана, перед тем как исчезнуть в языках пламени, легче будет: любое переживание, в сущности, бессмысленно... Что — спой?.. — я хватаюсь за сердце. Что-что, роман[с], дурында! Рома-ан[с]!.. «Но кого же в любовники? И найдется ли пара Вам?» — слабó?.. Или пунктуального соблюдения дедлайнов желаешь? Обеспокоенные покупатели часто обращаются в компанию «Х...i» с вопросом, не снизится ли производительность стирки из-за того, что отверстия в барабане уменьшены на сорок три процента: проведя тщательные испытания, сотрудники компании «Х...i» с гордостью сообщают, что барабан стиральной машины «Zvezdets» не только отлично очищает ткань, не повреждая ее, но и сохраняет высокую производительность стирки...

Тут-то я и запела:

весна, весна на улице,
бомжи в метро целуются,
бомжи в метро целуются,
а мы с тобой молчим.
весна, весна беснуется,
бомжи — и те целуются,

¹ Томас Уайетт.

² Здесь и далее — см. «Кэнзели» Северянина.

целуются-милуются
без всяких без причин!..

а мы немного н е р в н ы е...
наверное, наверное, растаем: уличим,
как снег кислотный мартовский
совсем уже поп-артовский
прошепчет вдруг: «Чилим!»

весна, весна на улице:
бомжи весь день целуются —
вот средство от морщин...

а мы такие с' н е ж н ы е,
смущенные, безбрежные —
на крыльях их летим...

[слоган царя Соломона]

Не всякая книга долетит до середины Днепра — не всякая баба дойдет до Белой реки: до Белой и дальше, говорит мне Сана и, поправляя рюкзак, смахивает со лба пот, а заодно и сентиментальный сюжетец: никакого сценария нет и в помине. Не представляю, что будет с моими персонажами дальше — да это теперь и не важно. «Мне все равно, а тебе?» — «Человек состоит из жидкостей разной плотности¹: лишь в горах понимаешь, сколько в тебе, на самом-то деле, наносного, чужеродного... Однако на свете существует лишь одно *но* — одно-единственное условие: знать, для чего и кого, почему и зачем. Вот и все», — разводит загорелые руки Сана, а я снова удивляюсь, откуда в ней столько силы: она на самом деле безупречна, она кажется мне совершенством, самым обыкновенным совершенством — вот, собственно, из-за всего этого-то, *леди Мэри...*

Набрать переводов, думала Сана, просидеть до песка в глазах за лэптопом², — а потому не помнит, как решила: П., звонивший из Болгарии (съемки Витоши, навязчивая оксид-азотная³ идеяка запечатлеть Черни-Врых «так, как никто еще этого не смог», etc.), кричал в трубку: ты сумасшедшая, как можно идти с незнакомыми мужиками, адреналина мало?.. Сана хрипло посмеивалась — она почти потеряла голос перед поездкой: *что хочу, то и ворочу* — почему тебя это волнует? П. распался: что значит *почему*, что ты напридумывала, какого дьявола?.. Сана не знала, что отвечать (ведь *ты* не идешь со мной — не

выстрелить, нет-нет: губы разорвет), вот и сказала как есть — П. не перезвонил, а она снова открыла шаманский сайт. Беззвучным вальсом закружила ее магия путешествия, странным беззвучным вальсом — Сана не видела смысла сопротивляться этому движению: да и просто не видела смысла.

Поднимая рюкзак, она присвистнула, представив, сколь весело будет скакать с ним по всем этим горбатым горам. Впрочем, вздох породило, скорее, некое воспоминание, от которого Сана все никак не могла отделаться: губы подрагивали, в низу живота екало (стандартный набор — после встреч с П. — ощущений) — отпустило лишь в тот момент, когда указатель *М о с к в а* оказался перечеркнут; ну а потом — Тульская область (*К о н ч и н к а*, синим по белому), Воронежская, ну а потом — придорожные кафе, вино из пластмассового стаканчика, логорейная попутчица («...ты сколько салатов на зиму крутишь?.. у меня вот и перчик, и помидорки всегда с чесночком мореным...») — половины слов Сана не понимает или не разбирает: главное не вслушиваться. Главное — не вчитываться: *обтекатели, тара, ящик* — там, за окном; а не сыграть ли?.. *Ч е р н я к и н о*, *К р у г л и к и* — белым по синему, белым по синему... Сана отворачивается от попутчицы, поправляет беруши и надевает наушники: все это, впрочем, не спасает от «важнейшего из всех искусств» — кино-о!-о, час за часом, один фильм сменяет другой, динамики любовно расставлены по всему автобусу: главное — не чувствовать, приказывает себе Сана, ничего не чувствовать, и каким-то чудом засыпает.

Все чаще является к ней Хатшепсут в образе рыси (3D Max⁴: нет ничего проще), все чаще касается острой груди мохнатой своей лапой, разрывая ее — нежную, гордую — на части: кровь Саны, заливающая пластиковый макет Джесер джесеру⁵, кажется голубой. Губы фараонши, слизывающие ее — *универсальный, между прочим, культуроформирующий символ*, встречаю я, — застывают в идеальной фотошоповской полуулыбке. Сана преклоняет колени и, размазывая по блюду трепещущую свою плоть, спрашивает: «Знаешь, почему я иду туда?» — «Пойдешь из-за него, вернешься из-за себя», — отвечает Хатшепсут, щелкая пультом: она находит, что нет ничего забавней новостей Первого канала. «Нет-нет, не только...» — пытается покачать головой Сана, но все попытки тщетны: головы нет, как нет и

¹ Е. Дорогавцева.

² Ноутбук.

³ N₂O — «веселящий газ».

⁴ Программа 3D Studio Max, использующаяся при создании рекламных роликов, мультфильмов и пр.

⁵ «Священнейший из священных»: храм Хатшепсут.

самого тела. «В Царстве Мертвых хочешь остаться? Сейчас акция пирамидальная». — «Mersi-те, — отзывается Сана. — Теорема еще не доказана, я не разбилась и не воскресла, а значит...» — «Т-п-р-р-р!» — Хатшепсут прижимает к воображаемым губам Саны указательный палец с перстнем в форме черепа: голос у фараонши низкий, мягкий — голос сытой рыси, не обрушивающейся на свою жертву лишь потому, что не голодна. «Я дам тебе силу, — обращаясь в мумию, она кладет Сану на лопатки и произносит голосом П.: — Любофь — ваалшебная страна, ja-ja! Выйдешь за меня?» — «Сначала я выйду на край света...» — дергается Сана и просыпается от кряхтения водителя: «...да эп-перный же театр-р-р, застряли, нах!» — «А ты лучше скажи “р-р-рядеет облаков летучая гр-р-р-ряда”: слабó?» — неприятный такой тенорок пьяненький.

Сзади.

Пло-хиш, выстукивают «дворники», *Пло-хиш* — стор-машина: от городка N до бывшей казачьей станции, где ждет Сану шаман, не более получаса, *обрыв* — материи, конечно, не существует, лучше гор, разумеется, только горы, п р и е х а л и.

Позже, в палатке, когда она лениво стяхнет с себя чьи-то руки, перед глазами замелькают лица: от них-то и нужно избавиться, вымести из памяти каждого, каждую — и снова: каждого... Нет-нет, нелепо в ее положении тратить на перепросмотр¹ годы: может быть, когда-нибудь... пока же на все про все только ночь.

О, как их много — имен, звуков, потайных запахов... М и Ж, любимые ею и влюбленные в нее, нужные и ненужные, красивые и не, талантливые и заурядные, эгоистичные и ранимые... М и Ж, склоняющиеся над ней, рвущие ее на части, приклеивающие к себе и от себя же отталкивающие: WC отношений, колумбарий чувств, паноптикум — нет, собственно, ничего банальней.

Рассвет застает врасплох — что она делает здесь, что ей нужно? Как занесло ее к чужим этим людям?.. Неужто перспективка провести отпуск в душевной Москве оказалась настолько пугающей?.. Провести отпуск в душевной Москве, одной, без П. — всегда одной, всегда без П.: невозможно, невыносимо, немислимо... Зачем их вообще столкнули, почему они не могут расстаться?.. Почему репетиция казни — о, как сверкает, как манит к себе гильотина, как ослепительна она в лучах солнца... — никогда не завершается казнью реальной?.. Пугает ли Сану, впрочем,

что-либо *на самом деле*?.. Возьмет ли она из рук П. еще одну контрамарку, примет ли приглашение?.. Какой вид экзекуции выберет? Неужто опять, в который раз, с о г л а с и т с я?.. Что ей милей — повешение, расстрел, отравление, четвертование?..

Забей, Сана, забей: после съемок П. собирается провести какое-то время с family (с *наседкой и выводком*, уточняю я) — о, сколь неряшливы его фразы, сколь часто произносит он то, о чем следовало б молчать уже потому, что от тебя (*что, кстати, в тебе т а к о г о?* — говорю я Плохишу, *ты предскажешь*, но Сана не верит) бегут в горы!

Остаться в живых — или разбиться, шепчет, как в бреду, она, срastить — или вытравить... *А может, П. — никакое не «солнышко», а банальный триппер?*.. Сана не слышит.

Она выбирается из палатки и осматривается — голова слегка кружится, — делает шаг, оступается и, еле слышно ойкнув, садится на землю, а потом, обхватив колени руками, начинает раскачиваться. Неужто все эти облака и горы — не заставка компьютерной игры, не фоновый рисунок «рабочего стола»? Гуляя по окрестностям, Сана понимает, что давным-давно, быть может, с юности, не была так счастлива, НО: чем быстрее отделяется она от прежнего своего «я», тем стремительней приближается к «я» П. Каменное море золотого сечения, шепчет Сана и, усмехаясь, опускает глаза: *море у 618-го кмэ* — не на земной карте, так на небесной: one way ticket, жизнь как чудо, И ЭТО ПРОЙДЕТ; *как чудо постмодернизма*, встречаю я, но Сана снова не слышит, к тому же, в отличие от меня, никуда не торопится. Растечься, раствориться, мечтает она, стать глиной, камнем, да чем угодно, лишь бы онемечить внутренний голос, лишь бы перестать бояться и жалеть себя (а ведь *все* — тоска какая! — только и делают, что боятся да жалеют себя!): *лишь бы не думать о том, кого искала душа твоя и не нашла*, плоско стебусь я, но, понимая, что, возможно, перегнула палку, стираю свою тень Delet'ом и отпускаю Сану — черт с ней — на все четыре: *а не пошли бы вы со своей «безусловной»...*

В тумане, обнимающем волшебный лес, сбиться с пути легко — бояться, впрочем, бессмысленно: шаман тропы знает. Идут долго: рюкзак оттягивает плечи, но Сане все равно — ей нужно всего лишь (лишь?) освободиться, только (только?) принять себя.

Чернота ночи наслаивается на молочную дымку тумана: лес дышит, лес звенит, лес будто бы спрашивает о чем-то — ото всего этого хочется кричать, плакать и смеяться одновременно, но больше всего почему-то хочется, чтобы ночь превратилась в знак

¹ Практика работы с энергией (древняя толтекская техника), которую человек расseyал в прошлом.

бесконечности. Зачем? Кто бы знал! «Ты должна понять, почему здесь оказалась», — говорит вдруг шаман, и Сана, теряющаяся поначалу от его взгляда, находит силы не отвернуться. «Пей», — подавая вино, он обнимает ее за плечи — маг? колдун? волшебник? — а вот уже меняет цвет костра: из синекрасных языки пламени превращаются сначала в голубые, а потом в зеленые. «Шаман-шаман, неужто ты на самом деле позвал меня, неужто поверил, что и впрямь смогу?..» — едва забравшись в палатку, Сана засыпает. Мумия Хатшепсут — саспенс покруче хичкоковского, потому-то и бежит Сана туда, где скалы кажутся имитацией того самого материала, из которого высек нерадивый мастер сердце Плохиша.

А ног-то будто и нет вовсе, да и что такое ноги? Так, выдумка... Вот пот — пот не выдумка, пот льет градом; куртка покрывается темными пятнами, дареный браслет из скрученных нитей с тремя камешками — что было, что есть, что будет, ха, — становится мокрым: переведешь ли через перевал, обманешь ли?..

Иногда Сана застывает не столько от бессилия, сколько от парализующего волю «клипа»: снежные вершины, скалы, ручьи, рододендроны и невероятно душистая — внизу такой нет и быть не может — сирень... Открывая ставенки заколоченной некогда Анахаты (как же болезненно они, израненные, скрипят!), Сана видит, как белый световой поток заполняет ауру, как смешивается ее энергия с энергией Места Силы и как образуют они странные игольчатые узоры, похожие чем-то на стебли розмарина.

Сана хватается за сердце — да не справа ли оно у нее, в самом деле, а если да, то что с этим делать?.. «Э-эй!» — кричит она, теряя людей из виду. Белая пустыня пугает, мозг тут же монтирует чудовищный синопсис: страшилка-мозаика, кури — не кури, *что ты будешь делать одна, detka...* Сана не помнит, сколько продолжается паника: ей кажется, будто рядом, справа, стоит лошадь — однако *на самом деле* никакой лошади нет, а значит, и никакого человека — там, слева — нет тоже... «Э-эй!» — а вот и не эхо: ей давно уже машут, но Сана не видит, не видит ничего, кроме прячущегося в белых цветах фантома; да она, похоже, и впрямь *ослепленна...* От высоты закладывает уши; в какой-то момент Сана понимает, что не может сделать ни шагу: что ж, лечь в снег — тоже вариант!

Сплевывая кровь, она морщится от взгляда шамана: каждое его слово срезает с души некую родинку — одну да одной, быстро-быстро. И вдруг он начинает говорить о Солнце и вселенской любви, о силе, которая вливается в нее с каждым новым шагом, о том, как проходит сила эта — через макуш-

ку — прямо в сердце, как несется в первую чакру, как заливает ступни — и ступни, о чудо, оживают. *Интермеццо*, впрочем, коротко: «Можешь говорить — значит можешь идти, а умирать будешь — молчи». Сане не по себе от смеющихся зрачков шамана, не по себе от его коронного (всегда, как кажется ей, не в кассу) «Да тут бабушка пройдет!» — в чем в чем, а уж в этом-то она сильно сомневается. И тут же: а ведь этот э к з е м п л я р едва ли не великолепен — да, пожалуй: *едва ли не...* — хотя и не безупречен. И все же она смотрит на шамана скорей как на картину: штучное исполнение, бесценный экспонат, отгороженный от любопытствующих разделительной полосой унылой музейной веревки.

А потом еще один волшебный лес — только иной: кофейно-шоколадный, буро-коричневый, медно-охряный. Она видела такой лишь во сне или представляла — в детстве, в детстве, — читая волшебные сказки: *три орешка для Саночки*¹, то ли еще будет! Впрочем, если бы не ребята, едва ли она осилила бы все эти подъемы и спуски, не перешла всех этих рек с их скользкими, до блеска отполированными камнями: оступишься — тут же сломаешься. От усталости Сана не чувствует, совсем не чувствует себя, и это, вероятно, самое лучшее: можно снять с сердца шкурку да и бросить в костер, превратиться в спящую княжну и, растянувшись в хрустальном гробу, дожидаться сказочного П... Сана осекается. *Да пошел он, кричу я с другой стороны монитора, пусть катится!* «*Поймешь редкую кистеперую рыбку (а ты же кистеперая рыбка а? Latimeria chalumnae — так, кажется?) и не подавиться — черта с два!*

Нет-нет, увиливает Сана, поймать тишину, не захлебнуться в бессловесном ее нейтрале, — а больше ничего и не надо: кажется, она даже пропускает мимо ушей мое «дура» — да кажется, она и впрямь чокнулась!

Сана раздевается и заходит в воду: ноги тут же сводит. «Что есть холод мой в сравнении с холодом того, кого ищет душа твоя?» — слышит она голос реки и, поскальзываясь, отзывается: «Ничто...» — «Что есть цепи мои в сравнении с цепями того, кого жаждет тело твое?» — «Ничто...» — «Что есть нежность моя в сравнении с нежностью того, кого любит сердце твое?» — «Ничто! Ничто, блин, под Луной этой не вечно! Да только чувство мое гор — выше, шамана — сильней, тебя, Шьыхьгуаше², — красивей!»

Сана смотрит в небо и не сразу замечает подплывшего шамана: он кладет руку сначала на пер-

¹ «Три орешка для Золушки».

² Адыгейское название Белой реки: Шьыхьгуаше — «покровитель оленей».

вую ее чакру, затем на вторую и говорит: «Оставь раны в прошлом, люби себя», — а потом гладит ее спину: тихо, неспешно, абсолютно неэротично.

За всю бы жизнь вырветься, ан нет: терпи, detka, до стольной — там-то уж вволю наплачешься, кули сумеешь, ну а пока... Сидя с шаманом у костра, ты, как и он, тянешь монотонно «А-у-ум!» да буравишь глазами гору: внезапно она оголяется — светящаяся полоска, точная копия вершины, становится отчетливо видимой. И если шаман различает сиренево-оранжевое свечение, то ты в состоянии уловить пока лишь несколько оттенков белого. «А-у-ум!» — каменная голова (волхв? индеец?) по центру, слева — грузинка, правее — г-н Маркс, он же — череп, он же — шут (если забрать еще правее)... «А-у-ум!» — шепчет Сана, а потом вот только это — вот только это, и ничего больше, потому как ничего больше и нет: — Иногда я слышу, как ты говоришь со мной на праязыке: порой кажется, будто я понимаю отдельные фразы, превращенные тобой в линии, в толчки, ранящие мою матку, в скольжения по ничто без малейшей точки опоры. Иногда я думаю: почему бы не вырвать из души твоей гланды — у нее ведь от них ангина! На залитой солнцем поляне раскрошу твою горечь, войду в океан твоей радости, переведу с русского на русский все да/нет/позже, выпью до дна безмолвное знание чувств безусловных. Когда же сойду с гор, не узнаю отражения своего в зеркале: тут-то и забьем на бинарную эту логику, а когда пуля височная сердце прожжет, взлетим: тихо, невинно...»

Ночью, выбравшись из палатки покурить, Сана увидела всамделишную, без всяких 3D-шных штучек, падающую — *la-la* — звезду и загадала то самое, что загадала бы на ее месте каждая немертвая баба, дошедшая до Белой реки.

А утром пронзает: намерение¹.

Намерение, высказанное на Месте Силы.

Ее намерение, ее потом и ее кровью очищенное от всего наносного: дело лишь в чистоте стиля и точности формулировки... Как могла забыть?..

Увидев выходящего из воды шамана, Сана отворачивается, смутившись вовсе не от дразнящей его наготы, а от осознания того, что именно сейчас читает он ее мысли. «Страх и слабость внутри тебя», — вспоминает она и морщится: странно, не замечает разве он ее цельности, не видит разве, что она давно не боится! «Что ты хочешь получить от поездки?» — от застающего врасплох вопроса Сана вздрагивает, все попытки объяснить что-либо тщетны: «Ты не готова: очень много слов». Сана качает головой —

как *не готова?* Что в его понимании быть *готовой?*.. Да разве не она рискнула? Да разве...

Она долго сидит у водопада и, тихонько чертыхаясь, пытается прийти к лаконичной формулировке того, что привело ее сюда, а когда час спустя озвучивает намерение, шаман кивает и оставляет ее одну.

Никогда, возможно, не было ей так легко, как в недолгие часы привалов — и пусть, пусть они говорят и думают что хотят, эти «продвинутые», пусть считают ее сумасшедшей (впрочем, кто НЕ? *Условно адекватный* — вот и весь диагноз) — ей все равно, совершенно, абсолютно: в выдвижных ящичках памяти останется лишь нужное ей, все остальное забудется.

Пока же один из посвященных — халдей, экс-учителишка — скорее забавляет, нежели раздражает неуклюжей конструкцией фраз и неправильностью ударений. Сана знает все, что скажет через минуту новоявленный гуру. Дважды два, detka, дважды два: и снова — что ты делаешь здесь?.. Привыкший к лексике старшекласниц, он пытается подложить обкатанный стилек и под Сану, однако в ответ на солдафонские комплименты («А у нее — в третьем, разумеется, лице, — красивые мышцы спины») она лишь усмехается: «Добежавший сперматозоид» считает баб существами второго сорта: какая, однако, скука...» — «Респект за эти слова!» — произносит неожиданно повеселевший шаман, но вскоре заводится, кивая на котелок: «Ну и варев!» — «Не хочешь — не ешь», — пожимает плечами Сана, а потом, после коронной фразы «Мужика тебе хорошего надо!» и похлопывания по плечу («Да я, если б мы вместе жили, или бил бы тебя, или убил...» — насвистывает халдей), начинает хохотать. Ну что, в самом деле, хотела она от играющих «в настоящих мужчин» *энергетических мальчиков*, получивших посвящение!² «Говори, что знаешь, делай, что должен, — будь, чему быть»³, так ведь?

Третий перевал дается несколько легче предыдущих, зато четвертый не калечит лишь чудом — о страховке, конечно, нет речи: «Да тут бабушка пройдет!» — любимая присказка шамана давно не кажется хоть сколько-нибудь убедительной; элементы альпинизма, впрочем, уже знакомы. «За камень крепко держись, ясно? — говорят ей. — Вот так, ухватилась — и все: да не езд *по нем*, как по п...е ладошкой!» Сану корежит: впрочем, именно грубость, возможно, и не дает в тот момент сорваться — сорвется она чуть позже.

² Здесь: энергоинформационные каналы, с помощью которых человек подключается к определенному космическому потоку.

³ С. Ковалевская.

¹ Так называемая активная сторона бесконечности (Кастанеда).

Для того чтобы сделать шаг по снежно-ледяной простыни, нужно пробить маленькую дорожку — след — ребром ботинка: метр за метром, метр за метром — да сколько их еще будет, снежников этих?.. Сана останавливается на середине: ребят не видно — снова не дождалась... как шевельнуться? По обледеневшему склону, когда страх до кишок пронизывает, — как пройти? Назад пути нет — вопрос лишь в том, есть ли смысл двигаться дальше. Кусая губы, Сана делает шаг, потом еще один... Ничего, в сущности, страшного, а она-то боялась: голову надо выключать, го-ло-ву — тогда легко будет, тогда... В этот самый момент рюкзак и перевесит: о нет, перед глазами не замелькают картинки из экзистенции, а негромкий стон, вырвавшийся из груди, раздастся, скорей, от удивления, нежели страха. Слетев с обледенелого снежника, будет скользить она на животе — вниз, вниз, беззвучно, безупречно, бессмысленно, — думая лишь о том, что станет с Мартой, е с л и; будет лететь, мечтая разбиться легко, без боли — пусть лучше так, да, пусть так, хоть и глупо расстаться с телом, таким родным и таким, в сущности, непознанным, здесь и сейчас, когда, как кажется, все лучшее уже намекает на свое присутствие в ее, а не чьей-то еще, жизни... Глупо, Плохиш, тысячу раз глупо — вот так, среди камня и снега — не облегчив душу твою, — из-за нее и исчезнуть...

Все это напоминает компьютерную игру — лети, Сана, лети! Аховый твой полет, пожалуй, и уместится на прокрустовом ложе, предназначенном для того самого словечка, которое тщетно пытался сложить Кай в замке Снежной королевы — впрочем, мумия Хатшепсут упрекнет тебя в самоповторах: она же помнит все твои трещинки¹, она же считает, будто ты *подсажена на Андерсена*... Лети, Сана, лети-и! — обернись-ка налево, обернись-ка направо — хороша ли э к с к у р с и я, *тепло ли тебе, девица?*.. Все, что нужно сейчас, — зацепиться: ветку-то видишь? *Отче наш*... — закрывает глаза Сана и вдруг замечает, что уже не скользит: молись, *detka*, молись, а главное — не думай о хромой обезьяне.

«Жива?» — с плохо скрываемой тревогой спрашивает ее, висящую над обрывом, подбежавший шаман. «Цела, не сломана». — «Это страхи твои ушли — нет их теперь больше... С крещением!» — он прищуривается, а Сана, которую, на самом-то деле, распирает от странной, неведомой доселе гордости — *цела! не сломана!* — вымученно улыбается и, опираясь на шамана, находит силы усмехнуться: «Спасибо».

Она не чувствует рук, не чувствует онемевших, красных от холода, пальцев — не замечает, как ка-

пает на лед кровь из нежной ладони, распоротой острым камнем — она ест снег, горсть за горстью: здравствуй, Плохиш, ну, здравствуй — онемел, разве?.. Да кто, черт возьми, обманул тебя, сказав, будто люди не летают?.. Не набить ли ему морду?..

.....
Адам, улыбалась Сана, разглядывая купающегося под высоченным водопадом шамана, и представляла его почему-то в костюме «In credibles»²: длиннополый жакет, сутажные брюки, серый цилиндр... Недолго думая, она скинула с себя одежду и побежала к другому водопаду: поток оглушил, обрушившись на грудь тяжелой лавиной; прозрачная, хрустально чистая, переливающаяся под солнечными лучами вода смывала не только кровь, давно струящуюся по ногам, но и, казалось, топила в камнях уродливые ступки фантомных болей. Сана знала: если перейдет все перевалы, если спустится живой к морю и ощутит неизменность чувства, значит, безусловная любовь, не имеющая к привязке³ никакого отношения, существует. *На кой черт тебе это, вклиниваюсь я, неужто не надоело?*.. Осталось немного: дойти живой, отмахивается Сана, вот и идет — идет, чтобы найти камень в форме сердца, а потом, на высоте две тысячи метров, сорвать у горного озера семь шаманских цветков. Как странно, вздыхает Сана, глядя на воду, зеленая трава и белый снег — не пародия ли это на их с П. отношения?.. Она поднимается на холм и, оперевшись о камень, смотрит на скалы. Тишина стреляет сначала в голову, а потом целится в сердце. Найдя пятилепестковую сирень, Сана кладет ее на кончик языка; на спуске она уже не пытается никого догнать — скоро з е м л я, тропа обязательно выведет, упс, приплыли: аул, еще аул, *да вот же оно, море, скотина*⁴.

...

Эвтаназия: счастье навсегда

Свобода воли и свобода выбора: не об этом ли мечтают люди всю жизнь?

Старость и недуг помогут Вам насладиться этой поистине королевской роскошью, а высококлассные специалисты, работающие в нашем Эвтоцентре, с радостью обслужат Вас по первой Вашей просьбе.

С нами Вы поверите в то, что такие «три кита», как УСПЕХ, НАДЕЖНОСТЬ, и УВЕРЕННОСТЬ, лежат в основе нашей эксклюзивной концепции, позволяющей в кратчайший срок добиться полного

² Французский костюм 18-го века.

³ Так называемая энергетическая привязка к другому человеку, возникающая обычно в результате пересечения людей в прошлых воплощениях.

⁴ Фраза из неизвестно анекдота о слепом мальчике, просившем отца показать ему море.

¹ Земфира: «Я помню все твои трещинки».

удовлетворения даже самого взыскательного клиента.

Ноу-хау заключается в безболезненности осознанного перехода — каждый обратившийся к нам получает уникальный шанс ощутить их на собственном теле. Пусть вас не беспокоит то, что оно потеряло форму, — высочайшего качества свежие гробы из душистого кедра, изготовленные тут же, в нашей маленькой и уютной мастерской, навсегда скроют его от посторонних глаз.

Мы работаем по предоплате со 100%-ной гарантией и с гордостью называем нашу услугу уникальной.

Одиноким предоставляются скидки.

Пожизненный результат в день обращения.

Мы работаем, чтобы подарить Вам билет в бесконечность!

Сана открывает глаза: да, ее сны — или, что любопытней, тексты снов — вдохновят, возможно, не одного психиатра — или, на худой конец, копирайтера. Впрочем, к черту тексты: она закуривает и вспоминает шамана да брошенное им вскользь *молодец*. А ведь — надо же! — ни одного человека, пожалуй, не приходилось прижимать ей к себе с такой силой, прощаясь: и П. — П. тоже — при всех — не приходилось...

Странно: впервые в жизни Сана кажется, что мозг ее наконец-то умолкает — и происходит это не в горах, как прописано «в сценарии», а здесь, на банальном курорте. Впервые в жизни не раздражают празднично шатающийся народец, шансон, запахи шашлыков... Она почти летает по узким улочкам, любит пальмами да сидит на берегу моря — сидит до тех самых пор, пока красная полоска солнца не скроется за горами — в голове нет ни одной мысли, и даже о П. как-то не думается.

«Заходы, кырасавыца, я тьибэ сьчас пакажу таакой сорт — закачаэшьса! Какая ты кырасавыца! Муш эсть? Дэти эсть? Как эта адна? Нэ веэрю, абманываишь!» Перелив часть жидкости счастья во фляжку — табличка на заборе **ВИНО ДОМАШНИЙ** таки примагнитила, — Сана отправляется на прогулку и, отмахиваясь от впаянных в мозг цитаток типа «Любовь — это когда вас рвет в один унитаз»¹, делает большой глоток вина: как хорошо ей сейчас, как спокойно... Если на свете и есть райский уголок, то он, возможно, здесь, вполне искренне думает она в ту минуту и, забредая в лавчонку, покупает сувениры, один нелепей другого.

Когда же поезд тронется, Сана совершенно отчетливо увидит, что они с Плохишом — **ОПЯТЬ С ПЛО-**

ХИШОМ, ВСТРЕВАЮ Я — сидят на ее кухне — **НО ТАК НЕ БЫВАЕТ, Я ЗНАЮ, О ЧЕМ ГОВОРЮ,** — пьют южное вино, — **ЭТО ПРОСТО МЫЛЬНАЯ ОПЕРА, Я НИКОГДА НЕ ПОСТАВЛЮ ПОД ТАКИМ, М-М-М, РОМАН[С]ОМ, СВОЕГО ИМЕНИ!..** — да, пьют южное вино, — **ДОПИСЫВАЕТ САНА, НЕ ОБРАЩАЯ НА МЕНЯ НИКАКОГО ВНИМАНИЯ,** — чтобы никогда больше не расставаться, — **У МЕНЯ ОПУСКАЮТСЯ РУКИ: СДАЮСЬ, ДА И ЧТО ПРИКАЖЕТЕ ДЕЛАТЬ?..** — «Я развожусь», глуповато улыбается Плохиш и, заглядывая Сана в зрачки, застывает, что на него не похоже. — **А КАК ЖЕ ТВОЯ Ж.? ДОБЕЖАВШИЕ СПЕРМАТОЗОИДЫ? КРЕДИТ?..** — «Я люблю тебя...» — **ЧТО? ОНИ СОВЕРШЕННО НЕУПРАВЛЯЕМЫ, ЭТИ ПЕРСОНАЖИ!** — «Что? Повтори», просит Сана, и Плохиш повторяет: «Я люблю тебя...» — **НО ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ! ЭТО НЕВОЗМОЖНО, НЕВЕРОЯТНО! ОН НЕ УМЕЕТ, ЕМУ НЕ ДАНО! КЛАССИЧЕСКИЙ «СТРАДАЮЩИЙ ЭГОИСТ» — ИЗБАЛОВАННЫЙ И, АХ-С, НЕСЧАСТНЫЙ ПАПИК СЕМЕЙСТВА! ЕГО УМ ИЗВРАЩЕН, К ТОМУ ЖЕ... — «Я люблю тебя...»,** повторяет Плохиш как замороженный. — **ЧТО? ТЫ? КАКИМ, ИНТЕРЕСНО, МЕСТОМ? СКОЛЬКО ЕЩЕ ЛЕТ ТЫ БУДЕШЬ МОРОЧИТЬ ЕЙ ГОЛОВУ?..** — «Что? Громче!», требует Сана. — «Я люблю тебя!», кричит Плохиш и, опускаясь на колени, целует ей руки: бразильский сериал, да и только. — **ДА КАК ВЫ СМЕЕТЕ... — «Еще! Еще громче!»,** приказывает Сана, полностью дискредитируя методу новейшего реализма² со всеми ее трактовочками птахи-жысти и ливером оной. — «Я люблю тебя!», разрывается Плохиш. — **Я НЕРВНО ШЕЛКАЮ «МЫШКОЙ» (ВОТ ТАК ИСТОРИЯ!) И, МЫСЛЕННО ОБРАЩАЯСЬ К НЕРО-ЛЮБОВНИКУ, ЛЮБОПЫТСТВУЮ, В СОСТОЯНИИ ЛИ ОН СДЕЛАТЬ САНУ ХОТЯ БЫ ЧУТЬ-ЧУТЬ СЧАСТЛИВОЙ, А ПОТОМ... — «Никого нельзя сделать счастливым, —** встречается моя неопитка: извергаемые ею банальности убивают всякое желание общаться дальше. — К тому же не ты ли сама твердила, будто искать счастье извне глупо?» — **НО ВЕДЬ ТЫ... ВОТ ИМЕННО ТЫ — ИСКАЛА?** (Я старательно сдерживаюсь: не хватало еще нахамить под конец главной героиньке.) **ВЕДЬ ИМЕННО ТЫ ПОШЛА В ЧЕРТОВЫ ЭТИ ГОРЫ, ЧТОБЫ СПУСТИТЬСЯ ЖИВОЙ К МОРЮ? СНЯЛА КОЖУ... ВЗЯЛА ПЯЛЬЦЫ... НАТЯНУЛА... КРЕСТИКОМ-КОЗЛИКОМ — ЖИВОЙ ЖИЛОЙ — ВЫШИЛА... СКАЖИ, ЭТО ВЕДЬ**

² Новейший реализм — то же, что и соцреализм; Большая советская энциклопедия называет его «глубоко жизненным, научным и самым передовым художественным методом, принципы которого определил И. В. Сталин» (последнее прим. Саны).

¹ Нэнси Спанджен.

ТЫ – ТЫ – БЫЛА ТАМ, ПОКА Я ПИСАЛА «СПЕРМАТОЗОИДЫ»? – «Да она сумасшедшая, просто сумасшедшая...», переглядываются Сана и Плохиш, а заметив, что я устало снимаю с лица покраснев-

шие глаза и механически прячу их – расс, двасс – в карман, дипломатично смущаются: «Ну что ты, что ты...»

2009 г.

Иллюстрация Антонины Решетниковой

Светлана ГОЛОВЦОВА

С 12 лет занималась в литературной мастерской «Кипарисовый ларец» под руководством О. И. Татариновой. В 2003 году окончила Литературный институт им. Горького (семинар В. И. Фирсова). В 1997 году принята в Союз писателей России. Публиковалась в журнале «Российский колокол», газете «Слово». Окончила Московскую государственную юридическую академию, работаю юристом.

* * *

Сегодня первый день,
Я завела дневник.
На лист бумаги тень
Легла, как мой двойник.

Широк рабочий стол,
А мысль узка и скользка.
Вот первый снег пошёл,
И город встал, как войско.

Я села у окна,
Скрестила пальцы рук.
Но не взошла луна.
И не раздался стук.

Ночь

Над Крымом ночь. Чуть плещется волна,
В горах шумят сосновые леса.
Душа парит, свободой полна,
Легко-легко, подобно детским снам.

Вот дождь прошёл, и воздух свеж прохладой,
И над долиной тянется туман,
И облаков воздушный караван
Плывёт над возвращающимся стадом.

И море спит — живое существо,
И бодр шаг над усыпленным миром,
На берегу горит ночной костёр,
А над землёю — звёздная порфира.

И ты один стоишь на горном склоне,
И море катит с силой валуны,
И отраженье полное луны
Дрожит в его огромном чёрном лоне.

* * *

Я мыслью уношусь за горизонт,
Туда, где небо обнимает море,
За той чертой я оставляю горе,
Когда шумит о чём-то древний Понт.

За той чертой конца и края нет,
Там дух свободен, как солёный ветер,
Там слёзы растворяются, как в Лете,
Но нет теней — повсюду белый свет.

Как удержать безумную мечту?
Сей дальний путь под силу лишь дельфину
Иль по морю идущему Христу,
А мне не одолеть и половину.

* * *

Я когда-нибудь вырвусь из круга порочных желаний
И на площади людной я буду отдельно стоять,
И из слов о прощенье родятся слова о прощанье,
Когда август со мною пойдёт за Неву умирать.

Петербургские сны, голубее московского снега,
Раз молчат и расскажут о том, почему мы ушли.
И на севере неба взойдёт светлоокая Вега,
И сентябрьские ночи раскроют созвездий клешни.

С наступленьем зимы заметёт белым ветром страницы,
И никто не узнает, над кем завывает метель,
Только память из прошлого вычертит строгие лица,
Только ветер споёт о случившемся, как менестрель.

Петербургские ночи, светлее московских рассветов,
Над уснувшей рекою в молчанье мосты разведут,
В город вьюг и поэтов войдёт обновлённое лето
И расскажет о том, как в нём тени ушедших живут.

* * *

Люблю тебя, июньский тихий вечер,
Когда садится солнце не спеша,
И кажется, что мир наш безупречен,
И принимает этот мир душа.

Нежна полураскрывшаяся зелень,
В аллеях шёпот, поцелуи, смех,
Крепки объятия и тревожны тени,
Земная радость охватила всех.

Тепло, не спится, сладким ароматом
Цветущих яблонь воздух напоён,
И ночь звучит, как лунная соната,
Ступая по кайме сосновых крон.

* * *

Он хотел уйти туда, откуда пришёл,
Но не знал дороги.
Он её искал и почти нашёл,
Но махнул рукой, стал одним из многих.

Перестал верить в чудо, стоптав башмаки,
Руки стерев в мозоли.
Своим считали его старики,
А ему было тридцать, не боле.

Он любил на месяц смотреть в холода
И шевелить губами.
Никто не догадывался тогда,
Какой на душе его камень.

И как хотелось ему от тоски
В снегу холодить сердце.
Вода и хлеб его были горьки,
А взгляд выдавал иноверца.

Однажды в ночь он ушёл зимой
И за деревней скрылся,
След сквозь метель светился —
Он возвратился домой.

* * *

Вот опять ввечеру переполнилась чаша,
Встали сумерки, как голубые стога,
За соседской калиткою бабушка Саша
Непутёвого Борьку-быка тащит в хлев за рога.

Накопилось молчанье, и в комнате душно, как в бочке,
Тихо бабка хлопчет у пышущей жаром печи,
За окном на верёвке белеют ночные сорочки,
И петух не по графику где-то истошно кричит.

По размытым дорогам дворовые бродят собаки,
По глубоким канавам лягушками шлёпает дождь,
За рекою огни зажигают в холодном бараке,
В это время всегда ты чего-то чудесного ждёшь.

Косо падает дождь, в старом доме тёмно и уныло,
На столе по стаканам разлитый стоит самогон.
Переполнилась чаша, и дождь через окна нахлынул —
Это грусть возвратилась под вечер, как стадо в загон.

* * *

В один весенний день родиться снова,
Открыть окно и встретить солнца луч,
И потерять от двери старый ключ,
Чтобы впустить в свой светлый мир любого.

И все дела по-новому начать,
Найти в себе неведомые силы,
И ничего не помнить и не знать,
Забыв о том, что в прежней жизни было.

А ночью все стихи переписать
И сжечь дневник, чтоб не уйти обратно
В страну, где звёзды могут лишь рыдать
И чёрные видны на небе пятна.

И выходя из темноты на свет,
Стать голубою музыкой апреля.
Родиться вновь через десятки лет
И в мир ступить, как будто из купели.

Дмитрий БОБЫШЕВ

*Продолжение.
Начало в № 7–12 за 2009 г., № 1–11 за 2010 г.*

УВИЖУ САМ

ЧЕЛОВЕКОТЕКСТ, КНИГА 3

В Неаполе без Везувия

Кажется, вся поездка состояла из разного рода подъемов и восхождений, и папское благословение было самым впечатляющим из них, но не последним. По узкому ходу под шкурой купола поднялся я на смотровую площадку собора св. Петра и оглядел «Город и Мир», вбирая в себя как можно больше открывшегося пространства и времени, а также подробностей или даже мелочей всего увиденного и переживаемого. Каких? А вот, например: лиловые петунии, вьющиеся по стенам посольских особняков, и желто-лиловые разрезные буфы на плечах и бедрах папских гвардейцев запомнились на всю жизнь. И — чувство воздушного парения...

Славинский, хоть и не ходил туда со мной (а пошла его Анна), придумал поездку в Тиволи на виллу императора Адриана. В ловком немецком автомобильчике с двумя итальянками мы прокатились к элегическим руинам и колоннадам, к пиниям и лаврам на охристой земле, и тут, следуя общему нашему подъему, Славинский (довольно-таки варварски) выдрал из куста две ветки и, смастерив с помощью находчивых римлянок лавровый веночек, водрузил его мне на голову.

Надо знать именно этого человека, точнее сказать — чувака, ментора ленинградского поколения битников и последующих хиппи, чтобы оценить такую, казалось бы, игровую церемонию... От веселья и от граппы я тогда закуролесил, пожелал сесть за руль, а получив отказ, рвал на себе в смиренном протесте рубашку, превращая ее в карнавальные

лохмотья, но веночек все-таки привез в Милые Оки и сдал его Ольге на кухню.

Оставалось увезти в памяти еще одну открытку — с неаполитанским видом. С погодой нам все время везло: в Милане было прохладно, в Венеции сыро, в Риме тепло, но Неаполь встретил влажной жарой. Выйдя из вокзала и оглядевшись, мы не обнаружили ни Везувия, ни даже знаменитого залива. Туман. Чтобы приподняться над неподвижной влажной дымкой, надо было выйти в город вверх по Гарибальди и затем влево по Витторио-Эммануэлю — с этих улиц в Италии не собьешься. Впрочем, я не уверен, что именно таков был наш маршрут. Из-за жары мы поминутно останавливались, чашечка эспрессо поднимала тонус, и мы шли дальше и выше.

Надолго приняла нас в себя прохлада Археологического музея. Помпейские фрески и мозаики, представленные там в изобилии, плюс Карл Брюллов «в башке», памятный с детства, заменили нам поездку на знаменитые раскопки.

Жара усилилась, а мы поставили себе целью добраться до замка св. Эльма, который стал уже виднеться над городом. Залив внизу по-прежнему завешивала дымка, а здесь голову нечем было прикрыть от солнца. Архитектурные завитушки сменялись фасадами попроще с балконами и гирляндами развешанного белья, из которого сам собою выкраивался флаг Кампаньи — джинсы с футболкой.

На последнем этапе восхождения помог «подправленный» кофе, и ноги сами вознесли нас на

Везувий в тумане

верх, к стенам замка и монастыря. Здесь во времена оны свершилось немало трагедий и предательств, но за фактами и событиями не хотелось лазать в Историю, даже отечественную, связанную с этим местом. Нет, грубые камни, разогретые ароматы кипарисов и туй внушали сильнее: мы живы, мы здесь и сейчас!

В пустующей и недорогой гостинице нам был предоставлен просторный номер с душем. Откупорив бутылку палермского, мы вышли на обзорный балкон и ахнули: весь город и половина залива разворачивались перед глазами и были видны роскошно, лакомо, как подарочный набор к празднику. Но дымка еще не полностью рассеялась, скрывая горный и морской горизонт.

Мы не торопились, зная теперь, что находимся в правильном месте. И вот что-то изменилось в вечерющем воздухе. Нежно наметились очертания дальних скал. И неожиданно высоко и огромно явился в небе двугорбый профиль массивной конической горы. Открыточная сладость пейзажа вытеснилась грозным намеком...

Это был Везувий!

Издатели

Когда я уезжал из тогдашнего Советского Союза, я покидал прошлое, и не только свое, но и, как позднее оказалось, — общественное, историческое... Вот и с бумагами, накопившимися в моем архиве, поступил соответственно: то, что относилось к прошлому, — дневниковые заметки, записные книжки, письма, — оставил доверенному лицу (о чем впоследствии пожалел), а то, что должно было пригодиться в будущем, переправил в Нью-Йорк по адресу, где вскоре мне предстояло жить.

К этому разряду относились прежде всего мои собственные рукописи, не вошедшие в книгу или

написанные после нее, но было много и самиздата, переданного мне авторами, желавшими напечататься за границей. В этом мне даже хотелось видеть литературную миссию, как я ее понимал.

Появиться в тамиздате было по-прежнему рискованным делом, хотя к концу 70-х у горемык-неофициалов сформировалась надежда — скорей всего, ложная — на послабления по этой части. В самом деле, если вспомнить двадцатилетней давности громыхания над головой Пастернака («и его чаровницей из Чарской» — по подлому выражению сидящего в безопасности Набокова), то нашу ситуацию с этим было не сравнить. Или — с еще худшей свистопляской по поводу «двурушников» Абрама Терца и Николая Аржака в середине 60-х, окончившейся мордовскими лагерями. Еще один случай тех же времен — выхваченный из советского небытия Валерий Тарсис, автор «Сказания о синей мухе», залеченный в психбольнице и затем выброшенный в небытие заграничное...

А ведь свежа была (и все продолжалась!) героическая эпопея Солженицына-драконоборца, эпопея со многими сюжетными кульминациями в его жизни — тогда это были арест и выдворение из страны.

Но нам, мелкой литературной сошке на таком крупном фоне, стали удаваться и безнаказанные дерзости. В 76-м году я имел случай полюбоваться книжкой стихов Елены Игнатовой: издательство «Рифма», Париж, глянцева обложка с симпатичным фотопортретом... И — насколько я помню — никаких серьезных неприятностей для поэтессы не последовало. Да я и сам примерно тогда же увидел свое имя в «имковском» сборнике «Памяти Ахматовой», где оказались напечатаны «Траурные октавы» вместе с «Прекрасной дамой» Наймана и «Сретеньем» Бродского, — за такую элегантную публикацию я не прочь был и пострадать.

Между тем, до появления «Зияний» (а они вышли в январе 79-го) Наталья Горбаневская поместила в «Континенте» большую подборку из будущей книги и разослала стихи по другим зарубежным журналам. А ведь страна, где я жил, еще называлась «Советский Союз»! Можно было лишь гадать о том, что власти порастрадили гнев на наших предшественников, взявших «огонь на себя»... При первом же случае (на конференции в Лос-Анджелесе, описанной ранее) я публично поблагодарил Андрея Синявского, отсидевшего не только за свои, но, выходит, и за последующие вольные публикации иных авторов, в том числе мои, а мне «ничего не было».

Первым побуждением по приезде (и самым незрелым) было самому стать издателем. Идеализм новичка выразился даже в последовательности действий: вначале возникло название для «русско-

Двор Иллинойского университета

английского литературного магазина» — лучшее, что я придумал в этом направлении. Мне казалось, что от такого словесного самородка дело сразу заботается. Но — не заработало! Пусть хоть сама находка не пропадет, дарю подсказку — заинтересованные читатели найдут ее через пару страниц.

А вторым было редакторское вступление. Вот оно в кратком изложении:

Русско-английский литературный магазин

Когда выходит новое периодическое издание, естественно возникает вопрос: не достаточно ли уже существующих? Действительно, на Западе издаются десятки русскоязычных журналов, альманахов, газет и обзоров. И все-таки значительные литературные силы остаются не у дел.

Это происходит потому, что многих издателей интересуют не столько произведения, сколько имена авторов. И — не столько их художественность, сколько злободневность, которая подчас становится «главным редактором». Но ведь литература, по нашему глубокому убеждению, — это не выражение злободневности, а ее преодоление.

Есть еще одна сторона у всех русскоязычных изданий за границей — это их «эмигрантскость». Очевидно, необходим выход к западному читателю, и он лежит через переводы. Такой путь может оказаться и более прямым контактом с отечественным читателем: ведь «там» очень прислушиваются к тому, что «здесь», и наоборот.

Русским писателям (а через них и читателям) есть что сказать англоязычному миру, но есть и чему поучиться у него... Равно и американским писателям будет небезразличен выход к русскому читательскому кругу. Ведь человеческие ценности у тех и других одинаковы, а способы овладения ими — разные.

Литературный магазин РУСЛА открывает свои страницы для такого культурно-ценностного обмена.

Издатели (продолжение)

Затейливый ответ пришел от некоего Романа Левина:

Дима, не «сватаюсь» я: по издательским диким законам всем предлагаю услуги навынос, и если круг замыкают, тем более видится странной участь певца-лотофага в среде листригонов... Помысли, мирмидоняне Нью-Йорка к поэзии глухи... С Парнаса, может, узрел, как я деньги просил у Шемякина Миши,

но горько,

что ни копейки на книгу твою не отмерил Шемякин...

Иосиф,

твой антипод и политик высокого класса, на Пятой авеню ручки лобзает влиятельным бабам, за это пущен к кормушке и, как Автолик, не слезает с Олимпа... Если желаешь, на скромной бумаге издам твою книгу, только я беден, поскольку весьма независим, я запросил у тебя символически мало (за сервис я добираю с клиентов еще половину...) Подумай, ибо не деньги, а время уходит вприпрыжку...

Не прост оказался Роман, а разыгрывал прощачку, когда я познакомился с ним еще в Ленинграде у Севостьяновых, о которых уже упоминал в связи с Довлатовым: Саша-казак был прозаик (причем станичный, донской, хоть бы и на невольских берегах, а Мила — журналистка и немного поэта). Даже в их непритязательном, но все-таки богемном быту лысоватый и широкогубый Рома смущенно улыбался и показывал своим поведением, что он польщен близостью с самиздатскими «знаменитостями». Те же Севостьяновы уговорили зайти меня к нему в дворницкую («Будет Чирсков, будет Довлатов»), расположенную в местах самых что ни на есть достоевских — за Сенной площадью у канавы. Вот из такого подвала вымышленный Родион Романыч взял на время тоже воображаемый, но очень даже роковой топорик. И честно его вернул.

У Левина уже сидела вышеназванная небольшая компания (плюс Игорь Долиняк), и наши принесенные присоединились к уже откупоренным бутылкам на столе. Жена Люба в переднике, рыжеватых кудельках и кухонных испарениях внесла дымящееся блюдо. Горячее вареное мясо с хрящами, жилами и костями оказалось великолепной закуской к «зелену вину», и бродячие литераторы счастливо размлели.

Рома задал всем вполне викторинный вопрос:

— Назовите одно самое большое желание.

— Хочу написать поэму, где ангелы разговаривали бы по-русски, — вырвалось у меня.

— Я всего лишь хотел бы стать писателем-профессионалом, — скромно объявил Довлатов.

Не помню, какие серьезные или шуточные хотения заказали остальные, но хозяин дворницкой удивил меня своим незаурядным высказыванием, перешедшим в восторг:

— А я бы хотел стать издателем, чтобы напечатать все ваши замечательные, блестящие, талантливые книжки. Так выпьем за это!

И вот — свершилось! — я получаю от него из Массачусетса бумагу с шапкой *New England Publishing Co.* Название, пожалуй, посolidнее, чем мои «Русла». Я со своего Парнаса ничего такого не видел, но предполагаю, что Шемякин отказал в деньгах не мне, а просто-напросто ненадежному Левину, потому что позднее мы издали-создали с мастером и кудесником великолепный «Бестиарий» — за его счет. Денежки же вылезли у Левина сами собой, после того как я отказался писать вступительное слово к первому печатному изданию Романа — стишкам его подростковой дочери Ники. Не желаешь отделаться комплиментом дочурке — гони монету!

Далее Роман с величественного гексаметра перешел на прозу:

«Дорогой Дима!

Все это пока шуточки. Ты с некоторым упреком напомнил мне, что в свое время, когда-то, в самом начале моих восторженных занятий издательским ремеслом, я предложил тебе делать книгу... А ты тогда смолчал. Неопределенничал. Увы! Я выпустил тогда Довлатова и тут же чуть не погорел, и даже очень огорчился, пока добрейшая Алла Кторовна, пораженная моей неосведомленностью и наивностью, не пояснила, что все писатели на Западе (то ли она имела в виду только русских авторов?) издают книги за свой счет. Есть, конечно, крупные фирмы: “Руссика”, “Посев”, “Ардис”, “ИМКА” и т. д., которым под силу “поднимать” писателей, но, во-первых, они получают всякие отчисления от фондов, а во-вторых, издают только себя и своих каких-то родичей.

Мне никакие фонды не грозят, никто не даст ни копейки, но я (по легкомыслию и веселости нрава, скорее) существую и сосуществую и даже позволяю себе иногда отказываться (редко, очень редко) от иных заказов...

Дима, если ты отважишься издавать у меня книгу стихов — отзовись: вот тогда обсудим все нехитрые детали. Еще хочу тебя предупредить, что издание стихов не всегда является выгодным предприятием, хотя хорошая поэзия — бессмертна.

Поэтому — не расстраивайся...»

Нет, с Левиным я так и не сговорился, и правильно сделал. Но он уговорил Юрия Павловича Иваску, живущего в Массачусетсе, неподалеку, издать у него

две книги стихов: «Завоевание Мексики», написанную раешником, и замечательную итоговую книгу стихов, по существу — литературное завещание Иваски, «Я — мещанин», которое, к сожалению, под контроль автора не попало и, скорее всего, рассеялось в Мире своими плохо склеенными листочками — между прочим, ярко-зелеными, так как Рома сшибил где-то рулон цветной бумаги по большой дешевке...

Обычно сухой до скрипучести Игорь Ефимов прислал теплое письмо, напечатанное на фирменном бланке «Ардиса» с его лого — дилижансом:

«2/27/80

Здравствуй, Дима!

Поздравляю со всеми крупными событиями твоей жизни — с переездом, с выходом большой книжки, с женитьбой — это все или есть другие? Конечно, ты большой молодец, что вывез рукописи друзей. Отвечаю про каждую в отдельности.

КУБЛАНОВСКИЙ. Присылай немедленно вместе с биографией и фото... Он стоит в плане, и сейчас как раз есть окно, чтобы за него взяться. Единственное сомнение: из-за финансовых трудностей вряд ли удастся издать сборник размером больше ста страниц. Думаю, что все же лучше составить “Избранное” из всего, что у нас есть, чем ждать, может быть, много лет, чтобы выпустить полный и большой сборник...

Лена ШВАРЦ. Тоже присылай — приложу все силы, чтобы издать не позже 1981-го. В “Глаголе” № 3 идет у нее очень хорошая подборка — стилизация под древнеримские темы, и ее репутация в издательстве утвердилась прочно.

НАЙМАН. С ним труднее всего. Когда уезжал я, он дал мне такие сложные инструкции по поводу своих публикаций, обставленные такими противоречивыми и невыполнимыми условиями, что я еще в Москве сказал ему: “Толяй, думаю, это невозможно”. Каковы настроения теперь?.. “Статую командира” я читал, напечатать ее будет непросто.

КАТЕРЛИ. “Треугольник Барсукова” набран в “Глаголе” и вместе с прочими произведениями ждет только свободных денег, чтобы отправиться в типографию. Я знаю, что его переводят (или уже перевели), но о двуязычном издании не слыхал, а Профферы сейчас в отъезде, и спросить не у кого.

Всего тебе доброго, Марина (жена Ефимова Марина Рачко. — Д. Б.) кланяется, твой Игорь Ефимов».

Молодец-то я молодец, но никаких предложений по поводу меня самого он не сделал. О безобразно составленной книжке Юрия Кублановского я уже здесь упоминал. Уехав на Запад, Кублановский сам

встал на ноги и утвердился своими последующими сборниками.

Блестящая книга «Танцующий Давид» вышла без какого-либо моего участия, но на нее я написал рецензию «Жареные розы Елены Шварц» и напечатал ее в «Континенте».

С Найманом, действительно, оказалось трудней всего. Он на неопределенное время полностью запретил печатать его за границей (и это было разумно — в Союзе наступила андроповщина). А с перестройкой, вместо того чтобы начать издаваться в России, стал выпускать книги стихов у Ефимова, а рассказы — в Англии, в русскоязычном *Overseas Publications*.

Нина Катерли. С ней уже и так было все в порядке, она использовала меня лишь как запасной вариант. Интересный ход конем сделал сам Игорь Ефимов. Поработав у Профферов и набравшись опыта и умений, он отпочковался, выделившись в конкурирующее издательство с неотразимым названием «Эрмитаж», хотя фирменный знак — кораблик — заимствовал у соседнего, не менее знаменитого строения Адмиралтейства. Карл Проффер вскользь пожаловался (в Милане), что список адресов постоянных покупателей «Ардиса», и немалый, Ефимов прихватил тоже.

Большое письмо, товарищески делясь деловой информацией, прислал из Парижа Владимир Марамзин, редактор литературного журнала «Эхо». Я ему за это благодарен и даже восхищен им: в Америке уже не раз приходилось убеждаться, что знание — это товар, имеющий ценность, им не любят делиться, как и давать займы, а он поделился. Зря я его прежде ругал, беру недоброжелательные слова назад. Вот отрывки из его щедрого и содержательного письма:

«6.02.80

Дорогой Дима!

...Ты спрашиваешь совета. Раз спрашиваешь, с удовольствием поделюсь моим опытом, который может оказаться совсем непригодным ни для тебя, ни для Америки. Прежде всего, за журнал я плачу из своего кармана. Я не нашел никого, кто бы его финансировал — ни человека, ни организации... Вообще это получилось довольно случайно, из-за наплыва рукописей, которые негде было пристроить. То есть часть, разумеется, я пристраивал всегда, но всегда выпадал некоторый осадок, и, на мой взгляд, не худших вещей, которые некуда было дать. Итак, я плачу за журнал сам. Что это значит? Первый год я сам печатал, то есть набирал его, следовательно, платил лишь за типографию, найдя наиболее дешевый офсет за 300 км от Парижа. Набирал я на пишущей машинке ИБМ,

которую должен был приобрести (за 8 тысяч франков), так она нужна мне для переводов...

Типография стоит примерно 1300 франков за печатный лист (32 страницы), то есть при 160 страницах и 8 листах — 10 тысяч франков, при тираже 1000 экз.

...Следующий этап — постараться найти подписчиков и продать как можно больше — оправдать целиком все равно не удастся, а уж заработать не удастся ни одному русскому изданию. Надо связаться со всеми русскими магазинами, послать рекламу и, лучше, один номер при ней во все университеты мира, имеющие русские факультеты. Во все библиотеки. Всем славистам, имена которых узнать (я еще не все из этого сделал). Послать рекламки во все русские газеты и журналы. Наверное, ты знаешь, что есть контора, покупающая некоторое количество книг для отсылки их в Россию. Это тоже имеет значение, пренебрегать этим нельзя. И наконец, надо написать всем друзьям и обязать их найти 3–4 подписчика. В конце концов каждый уже работающий русский обязан тем, кто еще живет в России, — он должен поддерживать разные русские культурные начинания, даже если они не вполне ему и нравятся. Иначе русской культуры тут не будет вообще.

Важно правильно установить цену, подписную плату и т. п.

И еще не забывай, что всю рассылку тоже придется делать самому... Слава богу, что мы вдвоем с Хвостом (Алексей Хвостенко, соредaktor Марамзина. — Д. Б.) — он, если он в Париже, что не всегда, садится вместе со мной, и мы делаем пакеты, возим тяжесть на почту и т. п. Кроме того, я совсем забыл — Хвост делает все оформление и всю техредскую работу, что тоже немало...

Но все это возможно у меня, пока есть переводческая работа. Иначе я бы тут же заглох. Я зарабатываю на жизнь только этим (ну, я дважды получил за книги, то есть за переводы <моих книг>, даже и неплохие суммы, но их мне хватило лишь на год жизни вкупе)».

Далее Марамзин приписал от руки:

«Напиши, каковы твои планы. Чем могу — помогу. Кое-какие связи есть. “Эхо” ты будешь получать, если захочешь. Если не захочешь, напиши, пока я тебе его буду всегда присылать. Если нужны еще экз<емпляры> с твоей публикацией — напиши, я пришлю (я понимаю, что это не столь уж важно для тебя, но если нужно, пиши).

Повесть Губина я не получил, а жаль. Где же она? Всего доброго. Твой Володя».

Это почти инструктивное письмо можно было бы озаглавить: «Как издавать русский журнал за

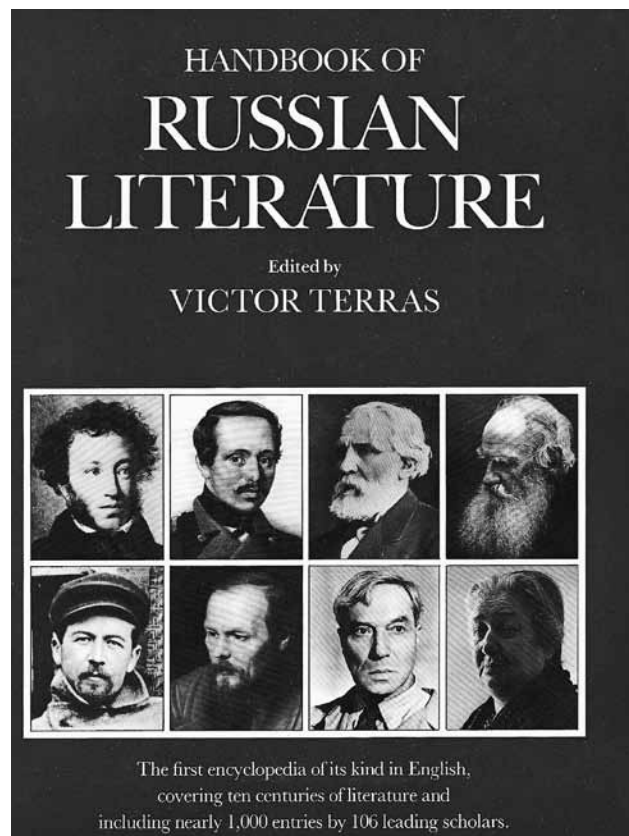
границей». Оно имело одно очень важное последствие для моей жизни: я окончательно уяснил, что на такие затеи не способен.

Финансовые вопросы повисли в небе в виде лопающихся воздушных шаров, а тем временем авторы, взбудораженные моим призывом, начали присылать мне рукописи. Чиннов — подборку стихов, Иваск — целую поэму «Римские строфы». Сын Льва Наврозова Андрей прислал переводы из Эмили Дикинсон и заодно экземпляр своего глянцевого литературного журнала *The Yale Literary Magazine*, который он, если верить легенде, выкупил из банкротства за 1 (один) доллар и тут же набрал подписку на много лет вперед среди выпускников Йеля. Этот доллар своей единицей насмерть пригвоздил к земле мой проект. Прощайте, «Русла»!

Остается объяснить по поводу повести (а верней — абсурдистской сказки) Владимира Губина «Илларион и карлик». Я был уверен, что выслал этот шедевр Марамзину вместе с ворохом других рукописей. Возможно, он где-то задержался на почте, потому что эта вещь была напечатана в 13-м номере «Эха», — на мой взгляд, одно из лучших произведений 60–70-х годов по свежести языка и дерзости сюжета, к тому же и названное так ритмически ладно и так интригующе.

Но, кажется, талант Губина почил на этом достижении. Пути необъяснимыми оказался я в Петрограде (как раз в промежутке между Ленинградом и Санкт-Петербургом) в литературном клубе у Биржи на выступлении Губина. Небольшая толпа гужевалась перед зданием на набережной Невки, где когда-то раньше была мастерская Куинджи. Несмотря на тектонические сдвиги истории, время здесь остановилось. Вот Сережа Вольф, угощающий чем-то крепким из фляги (а сам не пьет — бросил), вот Галя Нечаева (Елисеева) с телевидения, вот сам Володя Губин, с которым мы сдержанно общаемся. Стратановский передает мне несколько новых и мрачных стихов.

Наконец, начинается чтение. И что же? Все тот же «Илларион и карлик»! Вольф задает каверзно-дотошные вопросы, слегка трясая головой и потряхивая браслеткой часов, молодежь пупеет и молчит. Я недоумеваю: да я же этого «Карлика» вывез

Настольная книга профессора Виктора Терраса

на Запад и уже давным-давно напечатал в «Эхе» у Марамзина! Губин недоволен:

— Нет, нет, это совсем другой «Карлик», заново переработанный, а тот и не был совсем напечатан.

— Да как же так? Был!

— Не был!

Я вспоминаю роман Альбера Камю «Чума». Там один персонаж, некий писатель Гран, шлифует первую фразу еще не написанного шедевра: «Прекрасным утром мая элегантная амазонка на великолепном гнедом коне скакала по цветущим аллеям Булонского леса». Прошла эпидемия чумы (или в нашем случае — советской власти), город наполовину вымер (или — разъехался), а он по-прежнему перебирает слова этой фразы, так и не начав следующей... Это и есть Губин со своим «Карликом»!

Продолжение следует.

НОСТАЛЬГИЯ ПО ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЮ

О ТВОРЧЕСТВЕ АНДРЕЯ ТАРКОВСКОГО

5. Кино как потерянный и обретенный рай

*Пусть исполнится то, что задумано.
Пусть они поверят. И пусть посмеются
над своими страстями. Ведь то, что они
называют страстью, на самом деле не
душевная энергия, а лишь трение между
душой и внешним миром. А главное:
пусть поверят в себя и станут бес-
помощными, как дети. Потому что
слабость велика, а сила ничтожна.
Когда человек рождается, он слаб и гибок.
Когда умирает, он крепок и черств. Ког-
да дерево растет, оно нежное и гибкое,
а когда оно сухо и жестко, оно умирает.
Черствость и сила — спутники смерти.
Гибкость и слабость выражают све-
жесть бытия. Поэтому что отвердело,
то не победит.*

Сталкер читает отрывки из Лао-цзы

Если океан Солярис — это космическая метафора совести, омывающей человеческие души, планету Земля да и всю Вселенную, то Зона в картине «Сталкер», или, точнее, комната исполнения желаний в этой самой Зоне, — воплощенная мечта человека о счастье. В комнате исполнения желаний, кажется, всякая мечта, как в любимых русских волшебных сказках, превращается в действительность «по щучьему велению, по моему хотению», возрождается и осуществляется наяву — в новых условиях развитой технократической цивилизации.

Тарковский и его соавторы, сценаристы братья Стругацкие¹, рассказывают притчу об обретенном и вновь потерянном рае. Сталкер — проводник душ в Зону, которая символизирует иной, в некотором роде потусторонний мир. Зону оцепили военные как объект, опасный для жизни и здоровья граждан: чтобы попасть туда, нужно рисковать жизнью и свободой. Сталкер ведет в Зону Писателя и Ученого. И еще две обобщенные аллегорические фигуры остаются за пределами Зоны: Жена Сталкера и Мартышка, их дочь. Сталкер, получивший в Зоне изрядную долю радиации, передал дочери по наследству вредоносные гены — вот почему она серьезно больна и не может ходить, зато она обладает способностью силою взгляда двигать предметы (телекинез). Насколько в земной жизни нужен этот дар, остается загадкой.

Писатель отправляется в комнату желаний за утраченным вдохновением. Ученый — дабы избавить людей от соблазна обратиться во зло могущественную энергию Зоны. Другими словами, он собирается попросту взорвать Зону вместе с комнатой исполнения желаний, для чего берет с собой сборно-разборную бомбу. Сталкер, как проводник, вообще не имеет права входить в комнату желаний.

По существу, в фильме ничего не происходит: есть Зона и люди, которые двигаются по ней к одной цели — комнате исполнения желаний. Между тем Зона каким-то образом реагирует на путников:

¹ Братья Аркадий и Борис Стругацкие сделали 18 вариантов сценария, и только последний полностью удовлетворил художественную взыскательность Тарковского.

они внезапно слышат странные окрики или шепот, пространство вокруг них как будто вибрирует, искривляется, или, быть может, у страха глаза велики, и эти таинственные возмущения Зоны — одни только ошибки их воспаленного воображения, либо Сталкер вообще просто-напросто нахально морочит им голову, как полагает Писатель, а на самом деле Зона несколько не опасна, она не что иное, как великая пустота, равнодушная к человеку. На периферии главной темы фильма, таким образом, возникает дополнительная — Зона как Природа, бездумно и бессмысленно уничтожаемая человечеством и затаившаяся до времени, чтобы потом отомстить людям неминуемыми природными катаклизмами, разбуженными самими людьми.

Так вот, путешественники отправились в рай за счастьем, достигли его границы, но не обнаружили или не захотели обнаружить ни рая, ни Бога; потоптавшись около рая, они развернулись и отправились вспять — к самим себе, к привычной, безрайской и бестолковой жизни. Финал их путешествия предсказуем, но для Тарковского важнее сам путь, ведь путь к раю — это ведь тоже путь к себе. Другое дело, хотим ли мы сами достичь этого рая или нам приятней вариться в адском котле наших страданий?

Три путешественника в рай — три аллегорические фигуры — три изолированные жизненные ценности, между которыми нет никаких связующих нитей.

Ученый — холодный, рационалистичный, амбициозный и эгоистичный человек. Находясь рядом с дверью комнаты исполнения желаний, он звонит по беспроводному телефону, который волшебным образом связывает Зону с человеческим миром, оставшимся за границами Зоны, — Ученый звонит своему коллеге, чтобы не без злорадства уведомить его о том, что через несколько мгновений Зона будет им взорвана. Зритель понимает: в основе поступка Ученого лежит какой-то давний научный спор с оппонентом, который ученый намерен разрешить радикально — уничтожив Зону, а значит, и мечту человека о счастье. Иначе говоря, им движет самолюбие и зависть, своеобразный комплекс пушкинского Сальери, убившего Моцарта «из любви к искусству».

Писатель, как многие так называемые творцы, не любит искусства, но зато любит себя в искусстве. Надо полагать, когда-то он сделал себе имя каким-то произведением или произведениями, и сейчас это имя работает на него, давая ему деньги, популярность, успех у женщин (они, по его словам, «кипятком пысают»). Он пресыщен наслаждениями, живет в комфорте, устал от алчного внимания публики, которая требует от него новых произведений искусства, но их нет, потому что нет ни желания, ни

потребности творить. Желая воспользоваться волшебством комнаты исполнения желаний, Писатель вдруг понимает следующее: нет никакой гарантии, что комната вернет ему талант «по щучьему велению», напротив, она способна дать ему именно то, чего он в действительности хочет: много денег, продажную любовь или славу-однодневку, которая умрет сразу же, как только он испустит дух. Уж коли всеми этими вещами Писатель и так обладает, зачем ему входить в эту опасную комнату?! Чтобы лишний раз убедиться, что ты полное ничтожество?!

Сталкер — Харон, перевозящий через подземную реку Стикс еще живые, но уже духовно умершие души. Не зря в Зоне его сопровождает неведомо откуда взявшийся странный пес, похожий на египетского бога Анубиса, проводника умерших душ древних египтян на Запад — в царство Мертвых.

Зачем Сталкер ведет этих людей в Зону? Ясно, что деньги, заплаченные ими, несколько не оправдывают риск, которому он подвергает собственную жизнь, к тому же ставя под удар Жену и дочь Мартышку, каждый раз вынужденных с замиранием сердца ждать возвращения Сталкера из Зоны и бояться его гибели.

Зачем Сталкер ведет этих людей в Зону? Ведь он отчетливо осознает их ничтожность, бездушность и бездуховность. Он читает на их лицах следы порочности и сотворенного ими зла. Зачем таким людям комната исполнения желаний?

Зритель с неудовольствием наблюдает, как Сталкер пытается задобрить этих малоприятных людей, как он старается достучаться до их заскорузлых и иссохших душ. Для этого он в педагогических целях читает им стихи Арсения Тарковского, Евангелие от Луки, цитирует Лао-цзы, давая понять Ученому и Писателю, насколько они нежизнеспособны, обладая могучей, но косной силой, которую без труда победит слабый и хрупкий росток: он гнется под ветром, но не ломается. Все это для того, чтобы сделаться «ловцом человеческих душ». В этом смысле Сталкер, конечно, пророк, и он подражает Христу, отдавшему себя в жертву ради спасения людей. Но в большей степени Сталкер — художник, цель которого — преобразить человека. Художник знает, как почти бесплоден его труд по улучшению человеческой нравственности, но он, повторяем, заложник своего дара, и этот дар дан ему Богом, чтобы он им пожертвовал для спасения человечества. Отчаяние Сталкера после возвращения из Зоны велико, точно отчаяние художника, не услышанного теми, к кому он обращался в своих произведениях. Как ни плохи Ученый и Писатель, Сталкер так же несовершенен, как и они: черты юродивости, беспомощности, колебаний — черты художника, которые свидетель-

ствуют как о его достоинствах, так и о его недостатках. В земном мире художник не находит себя, он обречен на гибель самими жестокими законами человеческого существования.

И все же заключительный аккорд фильма светлый, почти радостный. В этом грязном, неудобном жилище Сталкера, в этом захламленном отходами и мусором городке торжествует любовь. Монолог Жены Сталкера (актриса А. Фрейндлих) — гимн любви и самоотвержения во имя любимого человека. Сталкер идет вместе с Женой и несет на плечах дочь Мартышку, так что фон — унылый индустриальный пейзаж и помойка — отступает под напором любви. И последняя сцена — Мартышка по слогам читает стихи Тютчева «Люблю глаза твои, мой друг...», взглядом передвигает по столу кружку с чаем, пустой бокал, сбрасывая их со стола. Мартышка, рожденная в любви, пускай она неполноценна с обыкновенной, земной точки зрения, способна изменять и преобразовать этот мир: хрупкое побеждает сильное.

6. Жертвоприношение художника

Все единодушно замечали, что главной фигурой фильмов Тарковского является художник, но мало кто обращал внимание, что художник в его картинах пребывает в состоянии кризиса, а нередко и творческого бесплодия. Андрей Рублев в какой-то момент вообще отказывается писать иконы, давая обет молчания и уединения. Александр в «Жертвоприношении», с успехом игравший в театре князя Мышкина и шекспировского короля Ричарда, уходит со сцены и от занятий художественной критикой, удаляясь от людей на пустынный шведский остров. Писатель Андрей, главный герой «Ностальгии», приехал в Италию, чтобы собрать материал о крепостном композиторе Сосновском, но ничего не делает и не пишет. Он вместе с переводчицей специально едет в итальянское местечко, чтобы увидеть фреску Мадонны, но, лишь только они добираются до места, Андрей даже не заходит в церковь, чтобы увидеть этот шедевр эпохи Возрождения.

Как Крис Кельвин в «Солярисе», Андрей только бесцельно слоняется и лежит на кровати в номере гостиницы. По существу, его интересует лишь местный сумасшедший Доменико, о котором рассказывают, что он семь лет держал взаперти жену и детей в ожидании конца света. Когда же полиция силой распахнула двери этого «убежища», маленький сын Доменико бежал от отца по ступенькам храма с криком-вопросом: «Папа, это и есть конец света?» Андрей приходит к Доменико, чтобы понять, зачем тот лишился близких света солнца на долгие семь лет. Андрей стремится поставить себя на место Доменико и

буквально отождествляется с ним: в своем сновидении Андрей идет по пустой улице странного города, открывает зеркальную дверь платяного шкафа и в зеркале видит не себя, а Доменико¹, точно с помощью этой жутковатой метафоры Тарковский дает почувствовать зрителю, что каждый из нас есть другой и что в другом мы видим себя. Следовательно, все мы в каком-то смысле зеркала для друг друга, и, творя зло другому, мы творим его против себя, потому что связь людей друг с другом сильнее, чем можно предположить, и, стало быть, каждый человек будто осколок цельного зеркала — человечества. А оно состоит из таких вот нерасколотых мельчайших осколков, причем каждый занимает свое неповторимое место. Зеркало не может быть целым без любого из своих микрочастей — из составляющих его личностей.

Доменико прямо не отвечает на вопрос Андрея, он говорит, что сперва был эгоистом, потому что хотел спасти только собственную семью, а спасать надо весь мир. Доменико предлагает Андрею войти с горящей свечой в горячую воду лечебного термально-серного бассейна и пронести свечу через весь бассейн. Самому Доменико не удастся осуществить задуманное, так как люди отталкивают его от бассейна и называют сумасшедшим. Доменико передает из рук в руки свечу Андрею. Этот символический жест — переданная другому свеча как символ жизни — древний карнавално-мистический и мистериальный символ: на карнавале задували свечу² соседа с криком «Умри!»; во время Пасхального крестного хода, наоборот, принято затушенную ветром свечу зажигать от ближайшей к тебе свечи сестры или брата во Христе, тем самым

¹ Вспомним, как в фильме «Зеркало», в сновидении главного героя, жена Наталья, глядя на себя в зеркало, видит в нем лицо престарелой матери героя.

² Ср. анализ М. М. Бахтина римского карнавала в «Путешествии в Италию» И. Гете: «В заключение карнавала происходит *праздник огня* (курсивы везде М. М. Бахтина. — А. Г.) Москоли (т. е. огарки). Это — грандиозная циркуляция огня по Корсо и по прилегающим улицам. Каждый обязан нести зажженную свечу: «*Sia ammazzato chi non porte moscolo!*», то есть «Смерть тому, кто не несет огарка». С этим кровавым криком каждый старается погасить огонь у другого. *Огонь сочетается с угрозой смерти*. Но эта угроза смерти, этот крик «*Sia ammazzato!*», чем громче он становится, тем более утрачивает свое прямое и одностороннее значение убийства: раскрывается *глубоко амбивалентный смысл пожелания смерти*. <...> В Москоли оживает древняя амбивалентность пожеланий смерти, звучавших так же, и как пожелания обновления и нового рождения: умри — родись сызнова. И эта древняя амбивалентность здесь не мертвый пережиток; она жива и находит субъективный отклик у всех участников карнавала именно потому, что она вполне объективна, пусть это объективное значение ее и не осознается со всею отчетливостью» (Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. — С. 273–274).

как бы воскрешая свою жизнь; свеча как символ молитвенного жертвоприношения от человека к Богу в храме — общеизвестный символ, так же как и поминальная свеча — знак помощи умершему в ином мире и неперенная память о нем здесь, на Земле. Обыденное сознание не может вместить смысла этого странного предложения Доменико, не вникнув во все эти сакральные символы.

Кстати, имя героя тоже глубоко символично: по-итальянски оно означает Господень и, кроме того, связывается с выражением «день Господний» (Domenica от латинского — dies Dominicus), то есть воскресеньем, а значит, и с самим христианским явлением — Воскресением Христа.

Из тех же древних символов — духовная связь отца и сына, опять-таки в христианской традиции ассоциирующаяся с Богом-Отцом и Богом-Сыном, Христом. Доменико, вознамерившийся спасти сына от Конца Света, этот Конец Света обретает именно тогда, когда от него убегает сын-малыш, вдруг увидевший прекрасный мир взамен стен и запертых дверей, куда был заключен по воле отца. Не ясно, что за живая картина предстает в фильме: сон ли это самого Доменико, или греза Андрея, вообразившего себя на месте Доменико, или, наконец, реальные события прошлого, когда власти вмешались в судьбу семьи Доменико и освободили заложников сумасшедшего.

Не менее эксцентричен, чем Доменико, и Андрей в сцене его беседы с маленькой итальянской девочкой (детская тема — лейтмотив всех фильмов Тарковского). Андрей залезает в одежду в воду в каменных развалинах брошенного дома, оставляя на сухом месте, на холмике, бутылку русской водки и книгу стихов Арсения Тарковского, страницу которой начинает лизать огонь костра и которая сгорает на глазах у зрителя. Судьба человека как страница Книги Жизни, которую пишет Бог, — еще одна известнейшая в искусстве метафора. К тому же Тарковский, несомненный знаток Шекспира, создавая эту кинематографическую метафору, не мог не помнить крылатые слова из «Макбета»: «... жизнь <...> это повесть, / Которую пересказал дурак: / В ней много слов и страсти, нет лишь смысла» (пер. Ю. Корнеева).

Тарковский усиливает зрительную метафору словом — стихами Арсения Тарковского, которые в «Ностальгии» на этот раз читает сам актер Олег Янковский: «Я свеча, я сгорел на пиру...» Опаленная огнем и сгоревшая страница книги; свеча, сгоревшая на жизненном пиру, — вот зримые символы человеческой жизни. В финале главный герой «Ностальгии» Андрей реализует метафору сгоревшей свечи: она, его жизнь, сгорает, как свеча, пока он идет от края до края бассейна, загораживая от ветра огонь свечи. Пока же в сцене разговора с итальянской девочкой Андрей под

хмельком рассказывает ей (в сущности, он беседует сам с собой, не зря он говорит с итальянкой на родном, русском языке) притчу о человеке, который из большой грязной лужи с риском для жизни вытаскивает на берег другого, полагая, что спас от лютой смерти несчастного утопленника. Отдышавшись, спасенный говорит спасителю: «Дурак! Я там живу!»

В чем смысл этой притчи в общем идейном замысле фильма и — шире — в свете того послания человечеству, которое намерен был высказать Тарковский своим искусством? Мы возвращаемся к исходной точке наших рассуждений — о главной теме искусства Тарковского: художник преображает мир и человека. В этом, бесспорно, назначение художника. Но в этой художественной посылке есть негативная оборотная сторона: желает ли человек быть преображенным? Нужен ли человеку подвиг художника и его искусство в целом? Если художник мыслит себя в роли спасителя и с усилием пытается вытащить человека из грязной лужи, отнюдь не факт, что человек хочет оттуда вылезать: он там живет и ему там уютно. Иметь дело с искусством — значит выворачивать наизнанку свое нутро, вытаскивать наружу свой грех, созерцать его с неудовольствием и стараться избежать его пагубной власти, высветляя свою душу и души окружающих и тем самым возвышаясь над пороком. Всякий ли способен на такую напряженную внутреннюю работу, чреватую полной переменой сознания, а значит, и жизни?!

Здесь возникает и второй сущностный вопрос, поставленный Тарковским, художником и философом: позволено ли вообще художнику вторгаться в святая святых человека — в его бессмертную душу, тем более менять ее по своему почину? Ведь именно это насильственным путем хотел сделать со своими близкими Доменико — вот почему он заключил их под замок, пугая концом света. Конец света — это не что иное, как художественная фантазия, навязанная художником людям. Подобная фантазия может быть в равной степени как истинной, так и ложной. Дело не в ней, а в насилии, которое неприемлемо для Тарковского-художника. Нельзя пинками загнать человека в рай, заставить его быть счастливым — без свободы не может существовать ни личность, ни искусство, ни то самое преображение человека и мира, которому призваны служить искусство и сам художник.

Одним словом, от фильма к фильму Тарковский все более отчетливо повторяет для зрителя одну и ту же мысль: единственное спасение — в последовательных и неукоснительных действиях, мыслях и поступках каждого отдельного человека. В «Жертвоприношении» эту мысль парадоксально формулирует почтальон: «Если каждый день по утрам выливать стакан воды из умывальника в унитаз, мир изменится».

Тарковский не повторяет, а развивает мысль Гоголя и Достоевского. Они считали, что построить царствие Божие путем революции, социальных потрясений, массовых движений невозможно. Должен измениться сам человек, изнутри. Достоевский не раз повторял мысль, что если человек поймет, что он хорош, все сразу станут хорошими и мир тоже сделается хорошим. Именно такова последовательность победы добра над злом: сначала преобразается индивидуальный человек вследствие личного добровольного нравственного выбора, а потом уже преобразается мир вокруг человека. Гоголь еще до Достоевского призывал отдельную личность искать рай внутри себя. Рай и царствие Божие недостижимы, пока в душе каждого из нас бушует ад.

Тарковский, имея горький опыт человека XX века, лишь отчасти соглашается с Гоголем и Достоевским. Вряд ли он питает иллюзии по поводу того, что люди поголовно захотят меняться. Впрочем, для него достаточно и редких, отдельных личностей, которые твердо решат, что они живут и действуют в мире согласно собственным убеждениям, что выбранный ими путь непоколебим, не зависим ни от суда людей, ни от внешних обстоятельств.

Только в свете этой идеи Тарковского становятся понятными финалы фильмов «Ностальгия» и «Жертвоприношение». То, что равнодушному стороннему наблюдателю кажется безумием, изнутри отдельной личности необыкновенно значимо и осмысленно, больше того, составляет суть ее жизненных ценностей. Если Доменико был осужден людьми и осудил себя сам за насилие над близкими, которых он заключил на семь лет под замок в ожидании конца света, то, когда он на площади Рима поджигает себя, как факел, чтобы привлечь внимание римских прохожих и обратить их к собственным душам, он по-своему прав, и его нельзя судить со стороны, но лишь изнутри его личного идеала. Когда Андрей одновременно с Доменико проносит горящую свечу от края до края бассейна, он меняет мир, потому что совершает этот с виду бессмысленный, сумасшедший поступок тоже в силу глубочайшего убеждения и веры в мистическую значимость ритуального действия: он свеча, он «сгорел на пиру» ради человечества. Александр в «Жертвоприношении», с точки зрения обыденного сознания, также совершает акт безумия, сжигая свой дом и лишая крова своих близких. Но ведь Александр поклялся Богу, что, если атомной катастрофы не произойдет, он уничтожит свой дом, откажется от сына (это своего рода жертвоприношение Авраама XX века) и замолчит навеки. Бесплезно осуждать Александра вне его религиозного опыта, его личного, интимного контакта с Богом. Безумцы, юродивые и поэты не спасают ли мир одним только фактом своего существования? По Тарковско-

му, мир иррационален, так же как вдохновение художника. Это субстанции, сделанные из одного материала и имеющие внутренне сродство.

Опять мы возвращаемся к миссии художника в понимании Тарковского: художник берет на себя ответственность действовать последовательно и с полной уверенностью в том, что произведенный им творческий акт меняет мир к лучшему. Следовательно, совсем не важно, понимают ли люди творения художника, нравятся они им или нет. Гораздо важнее огонь вдохновения, сжигающий изнутри художника: он призван Богом высказаться в этом мире и найти Слово, Логос, чтобы помочь другим, мучающимся от беззвучия в поисках своего Слова. Художник формулирует рвущийся наружу плод Смысла, дающий человеку энергию жизни. Художник — своего рода повитуха, помогающая ребенку появиться на свет Божий. Это дитя по имени Смысл, отцом которого будет сам Бог, а матерью — каждый из нас, независимо от пола. Родившееся дитя в рубашке, сотканной из искусства художника, необходимо каждому из живущих на Земле. Достоевский считал, что прежде хлеба земного человеку нужно дать Идеал, Смысл жизни, а хлеб насущный приложится. Без Смысла жизни человек существовать не может.

Тарковский идет дальше Достоевского: он убежден, что художник, создавая свое искусство, обречен на жертвоприношение. Себя, свою жизнь он приносит в жертву ради Логоса. Другими словами, художник повторяет путь Христа. Его искусство — его крест, на котором его распинают другие или он добровольно раскидывает руки для распятия, как это происходит в символической сцене в фильме «Андрей Рублев»: русский Христос в мужицком рубище с бородой-лопатой идет на распятие босиком по снегу, а русская Магдалина — простоволосая крестьянка (актриса И. Мирошниченко), рыдая, обнимает его ноги и крест, на который он ложится сам и к которому мастеровитые мужики с молотками деловито прибивают его гвоздями.

7. Русский национальный характер

...Не уверен, что Шукшин постиг смысл русского характера. Он создал одну из сказочек по поводу российского характера.

Андрей Тарковский на встрече в Ярославле со зрителями, членами народной киностудии «Юность» в октябре 1981 года (опубликовано в газете «Советская Россия», № 77, 3 апреля 1988 года, в канун дня рождения А. Тарковского)

Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и

имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится.

1-е Послание апостола Павла к коринфянам, гл. 13; эти стихи читал Андрей Рублев в фильме княжне, дочери Великого князя

Тема ребенка в фильмах Тарковского сопровождается темой дома. В «Ивановом детстве» Иван мстит фашистам за разрушенный и разоренный дом. В «Солярисе» Крис бежит из отчего дома и возвращается в него только мысленно, в воображении, оставаясь на космической станции Солярис. В «Зеркале» дом притягивает героя в сновидении, но в прошлое нет возврата — и от дома детства остается один лишь полусгнивший сруб. В «Ностальгии» вообще нет дома, и герой в чужой стране, в Италии, обретает родной русский деревенский дом, вписанный в пространство мировой культуры — в развалины Колизея, впрочем, это приобретение героя нематериально, трагически призрачно, потому что происходит в момент его клинической смерти.

Особняком стоит фильм «Андрей Рублев». Там дом — храм, дом Божий, вписанный в другой дом — в отечество, в Русь¹. Понятно, что Русь для родившихся в ней русских должна быть домом. Русские эмигранты нередко испытывают острую ностальгию по России, по русскому языку, по русской природе и по особым русским отношениям между людьми, которые удачно сформулировал Достоевский: «Мы два существа и сошлись в беспредельности... в последний раз в мире»² (слова Шатова в романе «Бесы»).

Особенная черта русского национального духа — «мысль разрешить», если опять воспользоваться крылатым выражением Достоевского. Или, иначе сказать, отыскать некий смысл бытия. Именно это свойство присуще русскому человеку в его лучшем проявлении, причем в процессе поисков смысла русский человек, как правило, не извлекает для себя никакой конкретной пользы. Он как будто трудится в этом изнурительном выворачивании собственной души наизнанку для всего человечества.

¹ Мысль о доме как лейтмотиве в фильмах Тарковского подсказал мне поэт и переводчик А. В. Лукьянов.

² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 томах. — Л., 1972–1986. — Т. 10. — С. 195.

Еще одна странная черта русского национального духа, удивляющая иностранцев, — сопереживание, обостренное чувство совестливости, когда твоим личным делом становится все происходящее на Земле и когда ты отвечаешь за то, что сам не совершал, разделяя ответственность за чужие грехи и чувствуя себя виноватым за других. В крайнем выражении эту особенность русского духа поэтически сформулировал А. Т. Твардовский в поэме «За далью — даль»: «Я был, я жил, за все на свете я отвечаю головой».

Одним словом, русский национальный дух сродни художественному творчеству: последнее внешне просто, но при этом оно обращено к общечеловеческому идеалу, то есть стремится в конечном итоге осчастливить великое множество людей, заставив их измениться и «стать хорошими». Подспудно такие представления рождены христианским мироощущением русских: повторить лично подвиги Христа и спасти человечество — вот тот страдальческий идеал, к которому обращается также и Тарковский в картине «Андрей Рублев».

Андрей Рублев, Бориска, даже безымянный Скоморох — все они художники, так или иначе проходящие, подобно Христу, крестный путь, страдающие, искупающие собой, собственной кровью, муками совести грехи русского народа. И даже не грехи, а темноту русского народа. Вспомним спор Андрея Рублева (актер А. Солоницын) и Феофана Грека о народе: «Темен народ или не темен?» — вопрошает Феофан Грек (актер Н. Сергеев). «Темен!» — соглашается Андрей Рублев. Но если Феофан Грек считает, что искусство делается только для Бога, то Андрей Рублев убежден в чистоте душ простых русских людей, и к ним, прежде всего, обращено его иконописное искусство — в надежде на их понимание и отклик.

Две ипостаси русского духа: желание свободно творить на радость людям и, с другой стороны, потребность «запретить и не пуцать», разом выстроить всех по линейке и усреднить, чтобы даже пискнуть не могли без приказа начальства — таков смысл притчи о художнике, рассказанной в фильме «Андрей Рублев» Тарковским. Можно сформулировать эту коллизию еще символичнее — как мистическую мистерию Земли: Христос и Иуда, или Спасение и предательство. И здесь, как всегда у Тарковского, проблема своеобразия русского духа перерастает себя, расширяется до пределов мира и места человека в нем.

Каким же образом соотносить эту глобальную проблематику с самым интимным в душе человека — с родным домом? Все дело в том, что, как справедливо показывает Тарковский в фильме, для русского

человека его отечество никогда не является домом, в котором ему хорошо и где хотелось бы жить. Наоборот, власть на Руси, которая, точно морская пена, всегда оказывается наверху, — власть неустанно заботится о том, чтобы русский человек постоянно находился в напряжении, неизменно чувствовал бы себя чужим, ненужным в родном своем отечестве — не нужным никому: ни обществу, ни власти, ни себе самому. Отсутствие любви, враждебность всех к каждому и каждого ко всем, всеобщая подозрительность и предательство — вот повседневный фон жизни русского человека, причем во все времена, отнюдь не только в жестокую и суровую эпоху Древней Руси, которую рисует нам Тарковский.

Ключевым образом в этом смысле является монах Кирилл (актер И. Лапиков). Это он, пока Андрей Рублев и Даниил Черный (актер Н. Гринько) дремлют под шум дождя, доносит на скомороха, языческое искусство которого вне закона; к тому же скоморох сатирически изображает не только боярина, но и попа. Князева дружина хватает скомороха, разбивает его дому и лоб об столб, связанного забрасывает на коня и везет в Москву, чтобы подвергнуть пытке, а затем публично вздернуть на дыбе. Скоморох, спустя годы, узнает постаревшего Андрея Рублева и бросается на него, думая, что именно тот предал его, в то время как неузнанный Кирилл предотвращает кровопролитие. Андрей Рублев вынужден терпеть упреки и поношения за не совершенное им Иудово предательство.

В другой части фильма — «Праздник» — снова появляется Кирилл. Он опять рука об руку с властью хватается женщину-язычницу, которая вместе с другими участвовала в языческом празднике Ивана Купалы. Она уплывает от преследователей, чудом вырвавшись из их цепких рук. Дружинники будут пытаться захватить ее мужа (или возлюбленного), как некогда пытались скомороха.

Кирилл всегда в нужном месте и всегда со своей боевой, активной жизненной позицией, какая, в сущности, сводится к одному: донести, схватить, услужить власти. Им движет зависть к таланту Андрея Рублева, Феофана Грека, а также ясное осознание собственной бездарности. Зло и насилие, казалось бы, неизменно торжествуют и одерживают победу над добром и свободой. Народ покорно терпит эти бесчинства, не защищая ни скомороха, ни язычников. Крупным планом Тарковский снимает неподвижное морщинистое и изможденное лицо старухи; по ее щеке ползет слеза, не меняя в лице ничего. Это — застывшая маска страдания в самой обыкновенной русской жизни.

Все, что не регламентировано властью, что пахнет малейшей свободой или творчеством, нужно

немедленно уничтожить. Мужик Ефим еще только лезет на колокольню, чтобы взлететь в поднебесье на воздушном шаре, сшитом из коровьей шкуры, а его брата Архипа уже вяжут дружинники князя, распинают на земле и рубят канаты, державшие воздушный шар.

Если два брата-мужика мечтают о воздухоплавании, то два брата близнеца, «сильные мира сего», Великий князь и Малый князь, даром что похожи как две капли (актер Ю. Назаров), думают только о междоусобице и соперничестве. Едва ли Тарковский согласился бы с апостолом Павлом в Послании к римлянам, утверждавшим, что «нет власти не от Бога». Природа власти в «Андрее Рублеве» явно враждебна человеку, сама же власть, особенно в ее русском варианте, безнравственна и вредна. В сцене мнимого примирения князей, когда Малый князь целует митрополичий крест в знак мира и покорности Великому князю, после чего братья лобызаются по-братски и по-христиански, Великий князь наступает на ногу Малому князю, брату-близнецу, — в этой сцене символически выражена сущность власти: они обменялись иудиными поцелуями. А месть за унижение Малого князя Великим князем ляжет на плечи ни в чем не повинного русского народа. Предательский союз Малого князя с татарами в отсутствие во Владимире Великого князя приводит к тому, что красивейший русский город разграблен и сожжен татарами и дружиной Малого князя. Татары и русские на улицах насилуют русских баб и девок, сжигают церкви с иконами Андрея Рублева и Феофана Грека, разъезжают по церкви на конях и пускают в храм собак, убивают мятущихся мужиков, женщин и детей. Красивый и холеный татарский хан скачет по Владимиру, приторочив к седлу своего мускулистого коня митрополичье одеянье.

Монах (актер Ю. Никулин), отказавшийся выдать татарам спрятанные богатства Владимира, узнает в князе брата Великого князя и проклинает его, величая Иудой и татарской рожей, перед тем как ему в глотку заливают кипящий металл и его еще живое тело, привязанное к коню, волокут по церкви и улицам Владимира. Вот цена самолюбия Малого князя! Крупный план: лицо Малого князя, по которому от стыда текут струи пота, на фоне бегущих от смерти людских толп, разноголосых криков ужаса, на фоне копошащихся татар, сдирающих с церковных куполов золотые листы.

Не лучше и Великий князь, повелевший своей дружине ослепить каменотесов и иконописцев, отправившихся на работу к Малому князю, который посулил заплатить им щедрее Великого. Ребенок, спрятавшийся от этого Страшного Суда, стал очевидцем расправы власти над своим же народом.

В оскверненной и подожженной церкви монах-иконописец Андрей Рублев, защищая юродивую от насильника-русского, убивает его топором.

Как в этих условиях художнику писать иконы? Андрей Тарковский, поясняя замысел фильма и отвечая на упреки оппонентов, говорил в одном из парижских интервью: «Мне это говорили в России. Ваш монах — как же он убивает? Как же Рублев — и убивает? Берет и ударяет топором по голове... А я решил просто вывести Рублева из его кельи и окунуть в мир, который противоречит его идеалам, даже не столько его, сколько идеалам Сергия Радонежского, именно для того, чтобы он, не найдя этих идеалов в жизни, снова вернулся к ним, уже имея свой опыт. Тут смысл в том, что опыт ничего не значит, что он не передается по наследству, если он не выстрадан. Вот моя точка зрения»¹.

Отыскать христианский идеал и следовать ему в России, как будто бы лишенной всякого христианского милосердия, — это задача не из легких. И она под силу только художнику, приносящему себя в жертву русскому народу, вместе с тем самому являющемуся этим русским народом. Тарковский с гордостью говорил, что он сам народ и что если ему каяться, то вместе с народом, при этом он подтверждал свои убеждения словами Достоевского о Пушкине: «Пушкин именно так полюбил народ, как народ того требует, и он не угадывал, как надо любить народ, не преклонялся, не учился: он сам вдруг оказался народом»².

Андрей Рублев, колокольный мастер Бориска, Даниил Черный, мужик Ефим, русский Икар, — все они со своим народом и разделяют его судьбу, страдания и муки. А сам русский народ для других народов подобен Христу, потому что он принес себя в жертву и спас их от татарского нашествия, явившись заслоном для Европы, куда татарские орды уже не дошли, растворившись в великих русских пространствах. Об этом писал Пушкин в полемическом письме к Чаадаеву от 19 октября 1836 года, и это письмо в другом фильме Тарковского «Зеркало» читает вслух мальчик Игнат сестре главного героя, на стене комнаты которой висит копия иконописной «Троицы» Андрея Рублева. Так фильмы Тарковского соединяются в одну грандиозную симфонию.

В центре фильма — спор Андрея Рублева с Феофаном Греком о Боге и человеке. Феофан Грек не верит в добро, он уверен, что, приди сейчас Христос, его снова бы распяли. По словам Андрея Рублева, Христос явился на землю примирить Бога с чело-

веком. «Русский мужик работает, работает, работает, несет свой крест смиренно, а молчит и терпит, только Бога молит, чтобы сил хватило. Да разве не простит таким Всевышний темноты?! — вопрошает Андрей Рублев. — Не получается что-нибудь или устал, намучился, и вдруг с чьим-то взглядом в толпе встретишься, с человеческим, и словно причастился, и все легче сразу, разве не так?» И точно в подтверждение его слов на зрителя наплывают замедленные кадры полуяви-полусна: босиком по снегу, в одной рубахе идет мужик на Голгофу, сгибаясь под тяжестью креста. Его провожают мать, русская Богородица, и жена, она точно простоволосая русская Магдалина. Опустившись на колени у распятия, она жует снег, рыдает. И только смеюшемуся вблизи эшафота ребенку пока неведомы добро и зло, он еще не «съел яблока», по выражению Достоевского.

Андрей Рублев вспоминает о русских бабах, которые идут на бесчестье, отдают свои волосы татарам, чтобы только не идти в рабство, остаться свободными. Художник отказывается пугать свой народ, изображая на стенах церкви Страшный Суд, если Страшный Суд — в жизни. Искупление художником страданий его народа есть его жертвоприношение, его иконопись, где перед человеком предстает красота, а не безобразие; гармония, а не кровь и насилие. Красота и искусство просветляют жизнь народа. И в этом божественное назначение художника.

Призрак Феофана Грека приходит к Рублеву в минуту отчаяния, утраты веры в людей: разрушен храм, в нем тлеют полуобгоревшие иконы, снег падает на трупы, устилающие пол церкви, юродивая девушка заплетает косу мертвой, черная кошка пробегает между убитыми. Андрей Рублев, зарубивший русского, который вместе с татарами осквернил храм и пытался надругаться над блаженной, — принимает обет молчания. Он не желает говорить с людьми, более не в силах их любить. Феофан Грек — художник, который при жизни писал Бога карающего, — после смерти призывает Рублева к милосердию и прощению; благословляет его на жертвоприношение: талант, свою любовь к людям художник должен распять на кресте их ненависти и безразличия.

Так и сам Андрей Рублев протягивает руку помощи Бориске, который после сотворенного им чуда искусства — гигантского колокола, отлитого для храма во Владимире, лежит в грязной луже, брошенный всеми, и наградой ему — все заглушающий, торжественный и величественный колокольный звон. Они оба пойдут по земле, чтобы своим искусством давать людям радость и утешение — в колокольном звоне, в молитве перед иконой.

¹ Гордон А. В. Не утоливший жажды: об Андрее Тарковском. — М.: Вагриус, 2007. — С. 254–255.

² Там же. С. 258.

8. Тарковский и смерть

У всякого настоящего художника свои особенные взаимоотношения со смертью. Кажется, смерть метит своей печатью только подлинный талант. Так случилось и с Андреем Тарковским.

В молодости кто-то незримый уберег его от смерти. Он находился в лесу, один в палатке. Вдруг явственно услышал шепот; это был приказ покинуть палатку. Тарковский не повиновался — приказ повторился, и тогда он выскочил из палатки наружу. Тотчас же громадное обломившееся дерево обрушилось на палатку и придавило ее. Если бы Тарковский не послушался внутреннего голоса, он точно был бы мертв.

В другой раз, во время сеанса медиумизма, Тарковский спросил у духа Пастернака, сколько фильмов он снимет. Ответ был: «Семь!» — «Так мало...» — разочарованно протянул Тарковский. «Зато хорошие», — успокоил его дух Пастернака. Действительно, если не считать дипломного фильма во ВГИКе «Каток и скрипка», Тарковский создал семь фильмов: «Иваново детство», «Андрей Рублев», «Солярис», «Зеркало», «Сталкер», «Ностальгия» и «Жертвоприношение». А также поставил два театральные спектакля: «Гамлет» и «Борис Годунов».

Тема смерти зазвучала с первого фильма режиссера: убивают мать Ивана, Иван погибает в фашистском плену, от шального снаряда умирает Катасоныч. Символ смерти — покосившийся кладбищенский крест. Апокалиптическая смерть на бледном коне на гравюре Дюрера венчает тему смерти в фильме.

Правда, «Иваново детство» — картина о войне, а смерть и война — синонимы. Но, раз случившись, тема смерти теперь никогда не оставит Тарковского, даже в самых мирных обстоятельствах.

В «Андрее Рублеве» смерть поистине разгулялась. В прологе фильма погибает мужик Ефим, которого играет поэт Н. Глазков, — взлетевший в небо на воздушном шаре и разбившийся, как Икар. Татары, вступив в союз с русским князем-изменником, берут штурмом Владимир, убивают учеников и подмастерьев Андрея Рублева, заливают расплавленное железо в глотку монаху-кастеляну (актер Ю. Никулин). Сам Андрей Рублев убивает топором русского, который хотел изнасиловать юродивую в разграбленной и оскверненной вместе с татарами церкви. Великий князь приказывает ослепить неудобных ему мастеров-косторезов и иконописцев. Смерть грозит Бориске, литейщику колокола, если тот не отольет гигантский колокол или если колокол не зазвонит.

В «Солярисе» друг главного героя Гибарян кончает самоубийством. К Крису Кельвину из его земных снов приходит жена-самоубийца. Воплотившись в неземную материю, она раз за разом умирает и воскресает на глазах Криса, чтобы, подвергнувшись аннигиляции, добровольно пожертвовать собой ради душевного спокойствия любимого мужа.

В «Сталкере» говорится о Дикобразе, который выпрашивал у волшебной комнаты воскрешение погибшего брата, а вместо того получил кучу денег — вот почему тоже покончил с собой.

От смертельной болезни может умереть главный герой «Зеркала» Алексей Сергеевич.

В «Ностальгии» кончает с собой Доменико и в тот же самый миг от сердечного приступа умирает Андрей, русский писатель и главный герой фильма.

В «Гамлете» и «Борисе Годунове» горы трупов.

И только в последнем фильме Тарковского, «Жертвоприношении», нет смерти. Впрочем, в преддверии ядерной катастрофы смерть угрожает всему человечеству, и ради спасения Земли и своего сына герой Александр сжигает собственный дом, что равносильно самоубийству. Санитары, подобные ангелам смерти, забирающим душу умершего, увозят Александра в сумасшедший дом, отнюдь не в рай. Там Александр будет фактически погребен заживо.

Андрей Тарковский мечтал снять в роли князя Мышкина своего любимого актера Анатолия Солоницына, потом прочил ему главную роль в «Ностальгии». Но Солоницын болел раком легких, его не выпускают за границу, и он вскоре умирает, сыграв последнюю роль у Тарковского в спектакле «Ленкома» «Гамлет». От рака легких умирает мать Андрея Тарковского Мария Ивановна. От той же болезни сразу после съемок «Жертвоприношения» умирает и сам режиссер Андрей Тарковский. Его хоронят на парижском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа и закапывают в покинутой родными могиле безвестного русского есаула Григорьева. Похороны, по отзывам очевидцев, проходят наспех, второпях, так что множество людей, в том числе и ближайшие друзья Тарковского, вроде его переводчицы Лейлы Александер, не могут как следует проститься с умершим. По католическому обряду Тарковский лежит в закрытом гробу. Но лежит он в церкви Александра Невского на рю Дарю у иконы Троицы, как будто Тарковский получает последний привет и благословение от своего героя Андрея Рублева. Тарковского провожают дирижер его спектакля-оперы «Борис Годунов» в лондонском Ковент-Гардене Клаудио Абадо и знаменитый музыкант Мстислав Ростропович. Последний на виолончели играет на ступенях храма «Сарабанду» любимого композитора Тарковского Иоганна Себастьяна Баха.

Кладбищенские рабочие, дюжие алжирцы, хотят отложить погребение на завтра, потому что до пяти вечера осталось четверть часа и рабочий день закончился. Гроб Тарковского закапывают казенными лопатами его друг и однокашник по ВГИКу Александр Гордон и Игорь Бортников. Гораздо позднее мэр Парижа, узнав, где похоронили всемирно известного режиссера, выделяет для Тарковского место на том же кладбище, рядом с любимым писателем режиссера Иваном Буниним.

Сестра Андрея Тарковского Марина добилась того, чтобы ее брату поставили крест рядом с могилой отца поэта Арсения Тарковского в Переделкино. Так в России и Франции теперь стоят два креста Андрею Тарковскому — на двух могилах.

Кажется, смерть зловеще шутит с Тарковским, как будто расплачивается с художником разменной монетой в благодарность за его пристальное внимание к ней. Верно, между прочим, и обратное: сам Тарковский тоже отважно шутит со смертью. Переводчица Тарковского со шведского Лейла Александер-Гаррет в своей книге «Тарковский: создатель снов» рассказывает, как режиссер, работая над фильмом «Жертвоприношение» на острове Готланд, вопреки суеверным протестам съемочной группы, сфотографировался с косой, собственной фигурой иронически олицетворяя эмблему смерти. Александр Гордон заметил, что во время съемок «Сталкера» Тарковский набрасывает в цинковую ванну, выложенную кафелем, «медицинские шприцы, монеты, обода колес, автомат, листок отрывного календаря с датой 28 декабря (день накануне смерти Андрея)»¹. Шведский актер Эрланд Юсефсон, исполнитель главной роли Александра в «Жертвоприношении», вспоминал диалог с режиссером. Тарковский нашел в Стокгольме место для съемки сцены сновидения героя о паническом беге толпы во время атомной катастрофы: тоннель, лестница и небольшая площадь перед ними. На этом месте вскоре был убит премьер-министр Швеции Улоф Пальме. «Андрей, — спросил его Эрланд Юсефсон, — у тебя что, было какое-то предчувствие?» — «Нет, просто я сразу увидел, что это место для катастрофы»².

Тарковского по-настоящему интересовало, как в кино показана смерть. Читая лекцию в итальянской киношколе, он комментировал кадры из фильма Акиры Куросавы «Семь самураев»: убитый в схватке самурай (актер Т. Мифунэ) лежит в грязи на земле, и дождь смывает с тела убитого грязь, так что тело становится совершенно белым. Смерть для Тарков-

ского, по его собственному признанию, сочеталась с белым цветом³.

Тютчев называл сон и смерть близнецами. Лейла Александер вспоминала, что, перед тем как Тарковский узнал от врачей о своем приговоре: рак в последней стадии, — ему снилась серия снов, которая подготавливала его к смерти. В одном из снов он играл в карты с Василием Шукшиным, своим однокашником по курсу Михаила Ромма во ВГИКе. Во сне Тарковский, зная, что Шукшин умер, расспрашивал его, работает ли он там, пишет ли? Шукшин ответил, что пишет, и просил не отвлекать от игры. «Потом игра закончилась, — вспоминает Лейла Александер рассказ Тарковского, — все стали торопливо собираться, но кто-то остановил их и сказал, что наступило время расплачиваться, подвести итог, подсчитать результат. Подсчитывая очки, он все время сбивался... и проснулся в холодном поту... "Видимо, пора мне подводить черту..." — сказал Андрей»⁴. В дневнике перед роковым визитом к врачу Тарковский описывает, как ему привиделось как бы изнутри его окровавленное, в кавернах легкое.

А об одном повторяющемся сне — в духе сна героя «Зеркала» об отчем доме своего детства — Тарковский не раз рассказывал разным людям. В нем смерть наступила сновидца, но, вопреки своим страхам, Тарковский мечтал снять этот сон и даже отчасти это сделал в «Зеркале» и в «Ностальгии»: «Мне снится, что я иду вверх по лестнице в каком-то подъезде, вроде бы — московском, или внутри какой-то шахты, со стенами из красного кирпича. Внутри шахты лестница, примыкающая одной стороной к стенам, а другой — выходящая на перила, которые вьются змеей вверх до бесконечности. Время от времени встречаются площадки с выходами в квартиры. Мне нужно попасть в мою старую квартиру, где мы жили с Ирой (Ирина Рауш, первая жена Тарковского. — А. Г.), я поднимаюсь, стараюсь держаться поближе к стене, потому что лестница все время обламывается, куски ее летят в пропасть шахты. Я жмусь к стенам, но поднимаюсь, от лестницы остаются только маленькие выступы у стены. Я иду по этим выступам...

Сон имеет два варианта: или я попадаю в квартиру, или я — не попадаю в квартиру! Но оба варианта сняты мне многократно.

В варианте, когда я не попадаю, — я просыпаюсь. Я никогда не падаю в пропасть, хотя очень боюсь упасть.

Иногда мне удается добраться до квартиры, но

¹ Гордон А.В. Не утоливший жажды: об Андрее Тарковском. — М.: Вагриус, 2007. — С. 270.

² Там же, С. 346.

³ Там же, С. 324.

⁴ Александер-Гаррет Л. Андрей Тарковский: собиратель снов. — М.: АСТ: Астрель, 2009. — С. 479.

я не могу открыть дверь. Стою на выступающем из стены кирпичике, звоню в звонок в квартиру, дергаю ручку двери, безрезультатно кручу ключом в замочной скважине, ключ мягко прокручивается, но дверь — не открывает. <...>

Но вариант, когда я дверь все-таки открываю, — самый страшный. Он тоже мне снится время от времени. Я попадаю в длинный коридор <...> Ободраные обои, паутина. <...> Я иду по этому коридору, преследуя какую-то цель. А цель эта — зеркало, стоящее в торце коридора. Зеркало — в паутине, с частично вздутой амальгамой. Я смотрюсь в него, вижу свое отражение... Но это — не я! Из зеркала смотрит на меня молоденькое и пошлое лицо провинциального красавца. Я просыпаюсь, но последней мыслью во сне была: зачем я это сделал? Зачем я свое нормальное лицо заменил на такую бездарность?¹

Потеря личности страшнее смерти, или, как писал Пастернак, «ни единой долькой не отступаться от лица» — в этом цель художника. И она сильнее смерти.

Тарковский редко подробно изображает смерть на экране. Только в «Ностальгии» в финале фильма он рисует двойную смерть: смерть-самоубийство Доменико и смерть Андрея от разрыва сердца с горящей свечой в руках в термальном-серном бассейне. Они гибнут как сиамские близнецы или как умирающий человек, наблюдающий свою смерть в зеркале. Оба они сгорают: Доменико буквально, облившись с головой до ног бензином, Андрей символически — как свеча, потухшая у него в руках.

Вместе с тем самоубийство Доменико снято как трагический и вместе с тем нелепый фарс. Доменико ораторствует перед толпой зевак в Риме, забравшись на строительные леса позади римского императора на беломраморном коне. Доменико пророчествует, призывает людей заглянуть в свои души, посмотреть в глаза друг другу и соединиться разумным и сумасшедшим. От имени сумасшедших он и говорит. Закончив речь, Доменико кричит: «А теперь — музыка!» С земли доброжелатели передают ему канистру с бензином, он сверяется с запиской, которую достает из кармана, понимает, что часть речи упу-

стил, обливает себя бензином, но никак не может щелкнуть зажигалкой. Доменико опять обращается за помощью к зевакам, прося помочь «включить музыку». Некий человек, одетый точно так же, как Доменико, в черное пальто и черную спортивную шапку, в пантомиме пустой рукой показывает, как следует щелкать зажигалкой. Доменико подносит пламя зажигалки к своей одежде и вспыхивает, как факел. Звучит величественное хоровое женское пение, только как будто на испорченной, заезженной пластинке, временами резко обрывающей движение музыки. Тем временем тот же самый паяц в одежде как у Доменико разыгрывает у подножия памятника римского императора новую пантомиму смерти Доменико — с падением, судорогами и корчами. Упавший с памятника, горящий заживо и корчащийся в муках Доменико повторяет разыгранную минуту назад пантомиму смерти, только теперь уже взаправду.

Возлюбленная Андрея прибегает к месту гибели Доменико, когда уже почти все кончено. Одновременно умирает Андрей. Это, конечно, смерть-искупление: художник приносит себя в жертву людям, точно Христос на кресте. Мы вспоминаем кадры распятия мужицкого русского Христа в «Андрее Рублеве» с восхождением на Голгофу, с крылатым ангелом, идущим по русскому снегу рядом с матерью, русской Богородицей, и женой, русской Магдалиной.

В этой сцене есть нечто бесстыдное, бесстрашное и пророческое. Как когда-то Тарковский в «Гамлете» поставил пантомиму смерти, так теперь он повторил ее в «Ностальгии». Смерть без воскресения? — Нет, художник не умирает, а воскресает в своих творениях, в своих фильмах. Недаром немецкий врач Ганс Вернер, лечивший Тарковского в раковой клинике в Эшельбронне и подаривший ему икону Богородицы, написал о Тарковском проникновенные слова: «В нем жило трагическое и великое. И то, что отличает русскую сущность, — идея Воскресения»². Тарковский с нами, он не умер, он работает над новыми фильмами там.

¹ Волкова П. Д. Арсений и Андрей Тарковские. — М.: Зебра Е, 2004. — С. 306–308.

² Гордон А. В. Не утоливший жажды: об Андрее Тарковском. — М.: Вагриус, 2007. — С. 331.

НЕЖЕНСКАЯ ЛОГИКА

Я — поэт. Терзаю лиру.
Вопль её не заглушить.
Но о чём поведать миру,
Не могу ещё решить...

Эти строки поэта Ольги Рычковой, вошедшие в ее новую книгу «Логика вещей» (М.: Издательство Независимой газеты, 2010, тираж 1000 экз.), веселой и бесшабашной нотой вырываются из общего лирического потока. А может, вовсе и не вырываются... Просто критика обычно привыкла препарировать творчество поэта на отделы, жанры, вехи, этапы. А у поэзии своя логика, порядок вещей, идущий вразрез с концепциями и критиками и прочая. Попробуем поймать, почувствовать эту логику, которая столь по-женски алогична, что выбивается из общего ряда:

Стрекозы женщины с глазами золотыми
Летят в луга ленивые, льняные.

Июль лесные впитывает соки,
Скользит в траве по нитке дождевой,
Стеркозы женщины стрекочут, как сороки...

Ощущение стиха невесомое, солнечное, летучее. Ее поступь легка, несерьезна. Обычно поэтессы, поэты, склонные впадать в салонный драматизм, чересчур озабочены своим отражением в зеркале. А Рычкова словно бы на это не обращает особого внимания. Она не боится быть смешной, нелепой, слабой:

Я бездарна, я ленива.
Как медуза до прилива,
Засыпаю на ходу,
Изрекаю ерунду...

«Джентльмены предпочитают блондинок», а она пишет стихи. Только и всего. Видимо, для того, чтобы как-то организовать этот весьма поэтический хаос, было выбрано такое непоэтическое название:

«Логика вещей». А может, просто это попытка сыграть на опережение или стремление идти от противного. От того, что навязывает время, журнальная критика, мейнстрим. Найти защиту в самоиронии, чтобы если что — то вроде как вас ведь предупреждали: все это несерьезно, по-стрекозьи, понарошку, кровь — не кровь, а клюквенный морс!

А что если всерьез и надолго?!

Весьма странно наблюдать Ольгу в московской тусовке. Она явно ее переросла, как детские вещи. И вещь, когда-то купленная на вырост, теперь явно маловата и жмет.

И муза ее своей «глуповатостью» уже не должна никого вводить в заблуждение, кроме завязтых идиотов:

Вымыла ноги и пол,
А всё равно не пришел.

Пришло или не пришло время расстаться с мифом о том, что среда определяет талант, решать ей самой. У Рычковой своя «логика вещей» и поступков. Но образ «московской поэтессы», глуповатой и вздорной, пишущей от случая к случаю, уже не ее.

Все эти московские барыньки страсть как надоели своим наигранным жеманством, где от мольбы до содома не дальше воробьиного чиха. А в ее судьбе и строках слышен мучительный бабий вой русской провинции. Забытой и обманутой, потерянной и невозвратной:

Там несметные леса
Средь сугробов ломких.
Там седьмые небеса
С тонкою каемкою
Из заморских облаков
И потоков звездных.
Край Иванов-дураков
Да Иванов Грозных...

Игорь Михайлов

Юрий ИГНАТЕНКО, арбатский поэт

Юрий Игнатенко — арбатский поэт. И этим все сказано. В его стихах слышны музыка арбатских переулков, отзвуки гитарных переборов арбатских менестрелей, которые чуть ли не с молоком матери впитали бунташный дух Пушкина, Цоя, Окуджавы, в разные годы обитавших, бывавших здесь. Нынче они все прописаны здесь навечно. А Юрий Игнатенко пробует прописать свою музу в координатах их судеб. Московская, арбатская прописка дорогого стоит!

Игорь Михайлов

* * *

Сегодня на улицы первый снег
Ложится мягко, спокойно.
Теперь мы встретимся только во сне,
Запутанном, многослойном...

Память прозрела, чтоб в сумрачном дне,
За давностью недоступном,
Былое увидеть счастливым вдвойне —
Увидеть масштабно и крупно...

И ощутить неразрывность времен —
В судьбе, на двоих единой,
И слышать звучанье родных имён
В песне своей лебединой.

Время пришло, и первый снег
Памятью поздней ложится...
Назначена встреча в итоговом сне —
Если сумеем присниться!

* * *

Поэты, вы уходите без времени —
Кто знал, что, оборвав великий стих,
Та пуля, вырвав у России гения,
На смертный вздох нанижет всех других?

На кладбище положено мучаться.
Перегибаем — сыплет слов халва.
Как после смерти запросто ложатся
К ногам — цветы и к имени — хвала.

Обычно всё. Журчат воспоминанья,
Бледнеют щёки, тает глаз ледник...
Хочу я чуда: щедрость поминаний
Вернуть назад, в его живые дни.

Россия, у тебя талантов много.
Прости, не научились их беречь.
От Пушкина к Высоцкому дорога
Залита воском поминальных свеч.

* * *

Не думайте о том, что вам всего милей,
Не освещайте в памяти сюжеты,
Не ворошите тайны и секреты,
И взглядов остроту, и лстивых слов елей.

Подумайте о том, что греет вас подчас
В морозный день, в прохладный летний вечер,
О том, что вас ведет ко мне навстречу,
Подумайте о том, что нет меня без вас.

* * *

Заговорили много лет спустя,
Средь правды и лукавства согрешали...
Ведь слово что? «Не воробей — пустяк».
Вначале в трубку пристально дышали...

И было в том дыханье столько слов,
А временами — даже смех и слёзы,
Затем на фразы был большой улов.
Но лишь в дыханье сохранились грёзы.

г. Москва

Ольга АГЕЕВА

Мне 41 год. Москвичка. Первый литературный дебют состоялся в журнале «Юность». Последующие публикации — в периодических изданиях Подмосковья, журнале «Юность», альманахах «Тени странника», «Орфей». В 2000 году вышел поэтический сборник «Прошли и ночь и день...».

«Настроение, как морская необузданная стихия, то ластится, то размывает берега моего сердца...»

«Вдохновение, как северный цветок, ловит своими нежными лепестками каждый луч жадного холодного солнца...»

Русь

Дорог переплетение,
Безмолвие церквей,
Какое же смирение
В роду Руси моей?
То рясу поминальную
Уныло морось шьёт
На Русь патриархальную,
Но ветер нитки рвёт.
Мгновение — завьюжило,
Мгновение — снега,
То полотно, то кружево,
Как будто на века.
То в благодать безмолвную
В колодце скрип цепей,
То в Пасху перезвонную
Задумчивость полей,
Задумчивость почтенная
С распутицей дорог,
Где что-то сокровенное
Почувствовать ты смог.

* * *

Не прощаюсь, рыжий мерин,
Не коси свой карий глаз,
Что дороге долгой верен.
И доказывал не раз
Ты любовь к пахучим травам,
Где мотыль, как лёгкий снег,
Где туман молочным паром
Покрывает ложе рек.
Не прощаюсь, только скоро
Всё завьюжит, заметёт.
Непогода хуже вора
Путеводный дух крадёт.
Путеводную зарницу,

Путеводную звезду,
И растает колесница,
Обронив на лёд узду.

Северное Цыпино

Унылая морось.
Ильинский погост.
Привычная скука заброшенных гнёзд.
На Цыпине осень томится
В плаще паутиного ситца.
Пусть северной стуже откроют леса,
Раздетые ветром неверным,
Замрет, захрустелится диво-роса,
Погост соберёт её первым...
Ищу благодать в мире северных грёз,
Отшельник, бродяга, ведомый
Покоем земным монастырских берёз
В Ильинский погост незнакомый.

* * *

К картине Питера Брейгеля «Слепые»

Устойчивость, как на весах
неблагодарной жизни нищей,
В привычку превращённый страх
И скромных подаваний пищи —
Крупца блага для слепых,
Закрученная цепь проклятий,
Путь выживания земных
Несостоявшихся распятий.

г. Москва

Софья ГЕТЬМАН

Мне одиннадцать лет, родилась в Москве. Учусь в пятом классе гуманитарного лицея. Мои увлечения связаны с изучением истории, литературы, иностранных языков (английского и французского). Одним из любимых жанров литературы является фантастика, а из писателей — Жюль Верн и Джоан Кэтлин Ролинг. В связи с этим я написала сценарий театрального спектакля на английском языке по мотивам английской сказки «Рождественская история» Чарльза Диккенса. Я также увлекаюсь музыкой, танцами, изобразительным искусством. С шести лет занимаюсь музыкой и танцами в Детской школе искусств им. Якова Флиера, что доставляет мне большую радость творчества. Очень люблю природу, поэтому одним из основных жанров моих картин является пейзаж, где я могу выразить разные эмоциональные состояния своей души.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВАСИ-КОСМОНАВТА

Многие люди считают, что инопланетяне — это страшные существа, но мой рассказ докажет, что это не так.

Когда-то в городе Москве жил мальчик по имени Вася. Он мечтал полететь в космос, и его мечта исполнилась. Он полетел в космос 12 ноября, в 11:30.

Когда Вася оказался в космосе, он увидел Землю со стороны. Она имела округлую форму, переливалась изумрудно-голубым цветом, и создавалось впечатление, что это хрустальный шар. Вдруг корабль, в котором летел Вася, затрясся. Когда мальчик взглянул вверх, он увидел невероятное! Его корабль забирала инопланетная летающая тарелка. Когда Василий пришел в себя, он увидел перед собой трех инопланетян.

— Ах! — испуганно сказал Вася. — Что вам нужно? Отпустите меня и мой корабль!

— Вы и ваш корабль — вражеские объекты, — сказал один из инопланетян.

— Что? Какие вражеские объекты, и вообще где я и кто вы такие?

— Ты на планете Гуамопотоллинг, а нас зовут Чак, Чик и Чок.

— А почему вы забрали мой корабль?

— Мы же говорили: ты и твой корабль — вражеские агенты. А наш хозяин их не любит, особенно людей.

— Почему? — спросил Вася.

— Люди — коварные существа. Если они отыщут нашу планету, то нам придется бежать.

— Но почему? — снова удивленно спросил Вася.

— Они будут населять нашу планету своими существами, будут ставить на нас эксперименты, перестраивать всю страну! Мы не сможем ужиться с новыми правилами.

— Вы зря так считаете, — ответил Вася. — На самом деле люди не такие уж коварные существа, как вы думаете. Просто нам интересно все узнать. Если мы станем делать новые открытия, то мир будет становиться интереснее. Да, и, кстати, я понял теперь, что вы обо мне думаете. Вы считаете, что я собираюсь рассказать о вас землянам, чтобы уничтожить вашу страну.

— Да! — в один голос ответили Чак, Чик и Чок.

— Вы ошибаетесь, — успокоил их Вася. — Я не собираюсь всего этого делать. И вообще я не знал о существовании вашей планеты Гуамо... Что там у вас? И наша встреча с вами была случайностью.

— Сейчас мы проверим, правду ли ты говоришь, землянин, — строго сказал Чак.

Они подняли Васю и привели в комнату, на двери которой была написана одна буква «П». Когда Чик открыл дверь, Василий увидел разные компьютеры, вычислительные аппараты и подумал про себя: «А эти инопланетяне гораздо быстрее развиваются, чем мы». Чок взял Васю за руку и посадил в какое-то

кресло, надел на него шлем, от которого отходило очень много проводков, и нажал на зеленую кнопку. Василий не успел и глазом моргнуть, как шлема уже не было на голове.

— Извините нас за то, что мы так думали про вас. Вы действительно не собираетесь открывать тайну существования нашей планеты. А сейчас пойдете с нами, я покажу вам город, — сказал Чок.

Наши герои отправились в путь. Вчетвером они вошли в лифт, но он был немного странным: его высота составляла целых 10 метров.

— А зачем такой высокий лифт? — спросил Вася.

— Чтобы уместилось больше народу за один раз: встаем друг другу на головы и так едем. Но сейчас нас в лифте мало, — объяснил Чик.

— Уф! — выдохнул Вася с облегчением. — Хорошо, что мне никто не взобрался на голову.

Но в лифте была еще одна странность. Кнопки с номерами этажей там было не меньше тысячи.

— А почему так много номеров этажей? — снова спросил Вася.

— Просто у нас в Гуамопотоллинге очень высокие дома. Вы знаете, на каком мы сейчас этаже? — сказал Чик. — На 2006-м.

Василий чуть в обморок не упал. Вскоре лифт прибыл на первый этаж, его дверцы бесшумно открылись прямо на улицу, и Вася увидел, что очень многие здания в городе круглой формы (не считая, конечно, небоскребов в несколько тысяч этажей), а на самых вершинах этих круглых домов росли деревья, кусты и цветы. Начинало темнеть, и Вася заметил, что уличные фонари тоже необычные — они просто висят в воздухе, а не на высоких столбах, как на Земле, и имеют форму звезд. Наши герои шли все вместе по улицам, и на Васю главели все проходящие мимо гуамопотоллингисты. Вдруг в небе разразился гром, все потемнело, и появилась огромная летающая тарелка с экраном посередине, на котором тут же возникло изображение гуамопотоллингиста в короне.

— Это наш правитель, — дрожащим голосом сказал Чак. — Гуамококо.

— Эй вы, Чак, Чок и Чик, — раздался грозный голос. — Почему вы пустили на нашу планету землянина без моего разрешения? Он же может все разрушить!

— Мы проверили на нашем аппарате правды: он не лжет, он не хочет нам зла.

— Ну что ж, если действительно так, пусть остается.

Вдруг из неба что-то стрельнуло прямо в летающую тарелку Гуамококо.

— Что это? Что это? — зашумели прохожие, жители Гуамопотоллинга.

Оказывается, во время того, как наш Вася был на Гуамопотоллинге, ученые с космической базы Земли начали волноваться: что-то случилось, маленький космонавт долго не возвращается. Они сели в космический корабль и стали искать Васю в космосе, поставив в компьютере координаты Васиного космического корабля. Вскоре ученые уловили сигнал с неизвестной планеты. На компьютере высветилась информация о том, что на этой планете есть жизнь. Ученые подумали, что Васю взяли в плен инопланетяне, и начали стрелять.

— Землянин, ты знаешь, кто это?! — строго спросил Гуамококо, услышав выстрелы из космоса.

Поскольку Вася был знаток выстрелов, то есть он хорошо различал на слух выстрелы из разного оружия, то он определил, что это стреляют ученые-земляне с космического корабля. Через несколько минут они высадились на планету Гуамопотоллинг. Гости с Земли покинули свой корабль, держа в руках оружие. Они хотели начать стрелять, но Вася остановил их жестом и громко крикнул:

— Не стреляйте, это мои друзья! Они не сделали мне ничего плохого. Наоборот, мы с ними подружились, и я даже пригласил их в гости к нам на Землю.

— Что?! — в один голос сказали ученые с Земли и новые Васиные друзья одновременно.

— А разве вы не рады? — обратился Вася одновременно и к землянам, и к гуамопотоллингистам.

После того, как Вася рассказал и про добрые намерения землян, и про доброе отношение своих новых друзей, ученые сказали:

— Извините нас за внезапное вторжение. Готовы ли вы на нашем корабле вместе с нами полететь на Землю, чтобы посмотреть, как мы там живем?

— С большим удовольствием! — ответили инопланетяне.

Наши герои зашли в космический корабль, надели специальные прозрачные шлемы, пристегнулись ремнями к мягким кожаным креслам серебряного цвета. Двери плавно закрылись, и корабль стал набирать высоту, устремляясь в космос, к Земле. Полет был долгим, и вскоре все космонавты заснули, и Вася тоже. А когда он проснулся, то... увидел себя в своей комнате уснувшим над учебником по астрономии. Все это ему просто приснилось.

С тех пор прошло 60 лет. Василий стал космонавтом, много раз бывал в космических полетах. Но никогда не забывал тот сон. И своим детям и внукам всегда говорил: «Не стоит говорить и думать плохо о существах с иных планет, которых не видел и не знаешь».

г. Москва

Наталья ТРУБИНОВСКАЯ

Уважаемая редакция журнала «Юность»! Я очень люблю и уважаю ваш журнал, читаю его с 1985 года. Он в свое время оказал большое влияние на мою жизнь и выбор профессии. Я журналист, главный редактор интернет-журнала. Пишу стихи и рассказы. Но еще никуда их не посылала. Прочитав на вашем сайте призыв: «Дорогие друзья! Где бы вы ни жили, если вы написали хотя бы несколько строк — присылайте в «Юность», осмелилась предложить вашему вниманию свои стихи.

С уважением, Наталья Трубиновская

Завещание

Ночные страхи. Тишина.
И сердце рвёт тоска.
Взлететь бы птицей из окна —
И холмик из песка.

Покой и воля — навсегда.
И больше нет беды.
Венки и ленты. И вода
Под свежие цветы.

Улыбка мраморной души
И мой печальный взгляд.
Побольше крошек положи —
Пусть птицы прилетят.

А в рюмке водка. Чёрный хлеб.
Две свечки по краям.
И всё. Забудь. Меня тут нет.
Ушла давно к чертям...

* * *

Когда моя душа решила, наконец, съехать с твоей
квартиры,
то пришлось вызывать бригаду грузчиков.
Целый день, матерясь, они таскали вещи,
Которые я по частям сюда привозила.
А потом, оглядев хищным взглядом твоё жилище,
Приказала я мужикам грузить и твои вещи.
И они из неё всё забрали, оставив тебе лишь паутину,
газетные обрывки и голые стены.
Грузчики, проклиная меня, вытирая пот рукавами,
Вытаскивали на свет божий на глаза злорадных соседей
Сто коробок нежности, чемоданы стихов и песен,
Шёпот жарких ночей, двадцать мегабайт любовных
писем.

Я велела им всё тащить на помойку.
А себе оставила немного золотых украшений счастья.
Я их поставлю у себя на полку и буду иногда умиляться.
Всё, твоя квартира свободна — зови на постой другую.
Пусть любитесь на паутину и голые стены.

О сущности любви

Когда мне исполнилось пять лет,
Родители подарили мне плюшевого мишку.
И как же я его любила,
Кормила с ложечки и обожала.
Сколько ночей я проспала,
Тесно к нему прижавшись,
А он охранял меня от всех детских кошмаров,
И никого в мире не было родней и ближе.
Когда мне исполнилось лет двенадцать,
Его выкинули на помойку.
А я даже не заметила пропажи...

* * *

А я живу — осколок бытия,
Песчинка на подошве мироздания.
И всё на миг — стихи, друзья, семья,
Любовь, мечты, разлуки и свиданья.

Пройдёт сто лет — не будет никого,
Из тех, кого люблю, кто мне так дорог.
Не будет нас, меня, тебя, его.
Не будет наших книг и книжных полок.

Сгниет, рассыплется, исчезнет в прах
Вся наша жизнь, машины, мебель, вещи,
И выбьют окна в умерших домах,
Из прошлого глядящих так зловеще...

г. Санкт-Петербург

Мне пятьдесят три года. Работаю адвокатом. Написал девятнадцать миниатюр, многие из них печатались в журналах «Алтай», «Бийский вестник», «Огни над Бией». Благодарен за внимание ко мне.

С уважением, Сергей Алексеев

ДЕТСТВО

Помню, было лето. И я был маленький. Солнце светило и было тепло. Тихо и тепло. Было хорошо, я это помню. Помню маму. Она любила меня.

Дом наш небольшой и старый, бабушка еще живая была, и что-то было еще хорошее и светлое во всем этом. Соседка баба Сая, старушка, тоже любила меня.

Тишина была, и никого не было рядом, я стоял один и о чем-то думал. Тогда я был ребенком, еще невинным и еще никого не убил. Наверное, я тогда думал, что жизнь вечна и она должна быть хорошей. Мама уходила на работу, а я оставался один с бабушкой и ждал ее, а когда возвращалась она, я бежал радостный и кричал: «Мама, мама!»

Вероятно, я был счастлив, но этого не понимал. По дворику у нас бегали куры, а в огороде росли огурцы. Земля пахла землей, а трава травой, и была она зеленая. И все это вместе создавало какую-то ауру — ауру безмятежности и бесконечности. Иллюзию вечности. Иллюзию отсутствия горя. Тогда я еще не знал горя. Это потом, гораздо позже, я понял, что горе есть и его бывает много. Тогда я еще не ведал, что горе и смерть рядом с нами идут и они еще придут в наш маленький домик. И мне еще подумается, и я скажу себе, а зачем я вообще пришел в этот мир? Чтобы увидеть бесконечное море проблем и страданий? Узнать душевные муки и горечь разочарований? Зачем, для чего? Как будто без меня здесь горя не хватало... Но меня никто не спросил, и я пришел, чтобы пройти весь путь. Свой путь. А какой он? Заранее никто не знает. Но все эти вопросы тогда, в глубоком детстве, у меня, конечно, не возникали. Тогда я, ошалелый от радости жизни, забегал в дом — отрезал ломоть черного хлеба, мазал маслом, посыпал сахаром и вновь бежал к своим играм и детским забавам, к своим таким же маленьким пацанам. Таким же несмышленым, как и я.

Сейчас я иногда смотрю на свои детские фотографии, и везде на них я веселый и жизнерадостный, улыбающийся и счастливый, влюбленными глазами

смотрящий на этот мир. Но уже лет в пятнадцать на лице появились задумчивость и легкая грусть... Уже тогда, в детстве, я увидел жестокость нашего мира. Те мои сверстники, кто был постарше, обижали тех, кто младше и слабее. Но в детстве, вы знаете, надежды на лучшее впереди, они еще очень сильны, и мы живем ими, и они ведут нас по жизни.

Так случилось, что мы жили рядом с кладбищем и по своей детской глупости много времени проводили там, играя в свои игры. Сейчас понимаешь, что это было дико. И так случилось, что все, кто рос рядом со мной и играл на кладбище, все до единого, ничего хорошего в жизни не получили и ничего не добились. Многие, да почти все, когда подросли, прошли через тюрьму. Все, кроме нас двоих — меня и моего друга Витьки, но, как говорится, еще не вечер...

Впрочем, и нас жизнь не обошла, наградив за наше кладбищенское времяпрепровождение жесточайшей депрессией. Первым в тюрьму попал Сердюк: компанией таких же идиотов в возрасте четырнадцати лет они изнасиловали какую-то старуху, бросили ее в топку и сожгли. Сердюк ростом был самый маленький из нас и, вероятно, потому был задирист и шумлив. Своими преступлениями он утверждал себя в нашей непростой жизни. После окончания срока он вышел, побуянил — и снова в тюрьму.

Понча, жизнерадостный в детстве и всегда уверенный в себе, похулиганил, получил срок, заболел там туберкулезом и вскоре умер.

Усатый продублировал его жизнь: тюрьма, «тубик» и смерть в двадцать шесть лет.

Братья Каверзины тоже прошли через тюрьму. Старший пожил, поболел и, не дожив до сорока, умер. Младший получил срок за убийство своей матери, после отбытия пожил пару лет, попил водки и сгорел в квартире от непотушенной сигареты. Сестра их, красавица Любка, попала под автомобиль и погибла прямо в день похорон матери.

Наш лидер по кличке Соболев, очень сильный и смелый парень, прожил немногим более сорока, но тоже прошел через тюрьму. Соболев мог спокойно выйти один на толпу и подраться с нею. Был смел и хитер. Но и его жизнь не сложилась: неудачный брак, больной ребенок, развод и медленное сползание вниз. По пьянке стал домогаться жены брата. Брат его прихватил и ударил сзади по голове чем-то тяжелым, а потом задушил. Иначе Соболева взять было нельзя. Силен он был и бесстрашен. Соболева — в могилу, а брата — в тюрьму. Я помню его с детства, он младше нас был, маленький, симпатичный, тихий и скромный. Соболев вечно его опекал. Любил его. Я знал, что Соболева рано или поздно убьют, но не мог и предполагать, что это сделает его родной брат: так хорошо они друг к другу относились. Но любовь к женщине оказалась для него сильнее любви к брату, и он его убил.

Не знаю, как сложилась судьба Хилюты по кличке Хеля: по слухам, он не сидел, но я его не видел лет двадцать, а когда увидел, то был поражен. Выглядел он состарившимся и каким-то измученным. А жив ли он сейчас, неизвестно, и слухов о нем никаких. Он всегда с Соболевым конкурировал за лидерство и подраться любил.

Было много чудиков на нашей горе, где мы жили рядом с кладбищем. Сосед Рыбин зачем-то удавился, просто так, из-за мелочи. А всегда был жизнелюбивым и энергичным. Сильным мужчиной. Другой сосед — хиловатый, низкорослый и болезненный, и чтобы жена не имела проблем с его похоронами, заранее сделал для себя гроб и положил его под крышу дома. Все удивлялись: ведь никто заранее для себя гроб не делал... Но удивительное в другом. Прошло уже тридцать два года, гроб уже давно сгнил и ушел на дрова, а сосед как жил, так и живет. Правда, он похоронил за это время свою жену, сына, и всех соседей, и некоторых наших повзрослевших пацанов, в том числе и братьев Каверзиных. Вообще, он там стал главным похоронщиком, все похороны проходили с его участием. Но живы еще некоторые наши ребята-сверстники, после тюрем они уже не лезут в криминал, а потихоньку попивают водочку. Не от хорошей жизни, конечно. Ибо ничего другого более у них нет. Водочка и... досрочная смерть.

На моего дружка Витьку кладбище тоже наложило свой отпечаток. В двенадцать лет, играя на кладбище, он пытался вздернуться, но из петли его вовремя вытащили. Он плакал и говорил, что не хочет жить. Когда вырос, занимался спортом, служил в армии, в элитных десантных войсках. Отслужил, пришел. Но... Сначала потихоньку, а потом все сильнее стал он отгораживаться от мира. Мир становился для него скучным и неинтересным. Люди — однооб-

разны и примитивны, их поступки его раздражали. Он предпочел одиночество. Ни семьи, ни брака, ни любви, ни квартиры своей нет. Ничего у него нет. Ничего он не нажил. А ему ничего и не надо. Не пьет, не курит, ест мало. Вегетарианец. Я думаю, что Витька сам себя посадил в тюрьму. Он ждет другой, потусторонней жизни, говорит, там будет хорошо, а тут, мол, мы отбываем карму кладбищенскую. Души умерших не простят нам, что мы играли на их могилах, хоть и по глупости детской... Так думает он, так и мне иногда думается... Впрочем, и я от него недалеко ушел, ибо всегда жил с чувством, что не живу, а отбываю. Отбываю какое-то наказание. И где бы я ни был, а бывал я много где, везде я жил с этим чувством... Я всегда успокаивал себя, что, мол, пройдет немного времени, ну еще немного, и все будет хорошо. Но время проходило, и немало, а это «хорошо» не наступало...

Когда я учился в школе, я ждал окончания школы, думая, что после этого все нормализуется. В армии ждал окончания службы... В университете ждал окончания университета... Но проходил этап за этапом, и я достаточно успешно их осваивал, но долгожданное «хорошо» не наступало, и уж тем более я никогда не знал, что такое счастье. Тогда я начал ездить по миру, и где я только не был, полмира объездил: Греция, Эмираты, Россия, Азия, Европа, Крым и Рим, но везде уже на третий день мне становилось скучно... А к себе на родину я всегда возвращался с чувством, что возвращаюсь в тюрьму...

И почему-то вспоминались мне тогда слова одного героя из «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына, что СССР — это одна большая зона, и слова Ленина о том, что Россия — это тюрьма народов. Мы не свободны здесь. Ну кто может позволить себе свободно передвигаться по миру: уехать, приехать, переехать, а потом вернуться назад? Да единицы, то есть те пять процентов, о которых говорил еще Серега-нарколог в 1992 году. У нас в России девяносто пять процентов живут в тюрьме, только этого не понимают, не знают и знать не хотят, потому что работают за копейки — «за кормежку», как любит иногда говорить один мой знакомый, Гришка. Россия давняя раба, такую и останется. Менялись эпохи, цари и генсеки, а простой люд как жил не свободным, так и продолжает жить, таким и помрет. И думается мне, что у нас вся Россия проходит сначала через тюрьму, а потом через кладбище. И ведь когда А. С. Пушкин писал, что «на свете счастья нет, а есть покой и воля...», он ведь в первую очередь имел в виду Россию.

Но покой мы, допустим, все найдем... на кладбище, а вот волю... Воля не каждому дана. За нее надо бороться, и хотя бы умереть надо свободным, вот что главное в жизни... Во всяком случае, я так

для себя решил. И не надо бояться смерти, потому как умереть-то в любом случае придется. «Смерти нет, ребята!» — воскликнул Герой и упал, умирая за свободу. И был прав, и стал бессмертен, по крайней мере в памяти нашей. Быть может, в этом и есть высший смысл жизни — умереть свободным и не бояться смерти. А кто жил в страхе и ничтожестве, тот еще при жизни был мертв. Они и после смерти будут на задворках истории и памяти человеческой. Вполне возможно, что и Там души их тоже на задворках.

И вот если человека так легко убить, то получается, что человеческая жизнь ничего не стоит. А говорят, она бесценна! Она бесценна для тех, кто так думает, кто живет в страхе перед смертью, а на деле она ничего не стоит.

Был человек — и нет человека, сегодня был, а завтра уже нет. Пишут, у нас уже миллиарды закопали и еще столько же закопают. Каждый день множество людей закапывают в землю. Каждый день. Изо дня в день. Похороны, похороны, похороны. Кладбище — наш последний приют — так много с ним воспоминаний, начиная с детства.

Когда мы подросли, то устраивали здесь свои драки-разборки. Ходили через кладбище в школу — для сокращения пути, иногда нам встречались подвыпившие парочки, занимающиеся развратом в кустах между могилками. Но странное дело, меня тянет сейчас на кладбище, мне там спокойно. Я хожу

и разглядываю фотографии умерших — среди них много молодых, и до сих пор никак не могу понять: как так, почему их нет среди нас? Где они? Ведь они были с нами — молодые, красивые, стояли и улыбались нам... И они любили эту жизнь и думали, что так будет всегда! А сейчас их нет... А эти надгробные надписи родственников... Все это вместе потрясает, а потом успокаивает. Тихо, и мы там будем. Мы еще встретимся. И не надо истерик.

Не знаю, правда или нет, но говорят, у одного из народов есть обычай: когда человек рождается, близкие плачут — мол, впереди его ждет столько испытаний... А когда умирает, родственники собирают праздничный стол и как бы даже радуются... Отмучился, мол, и покой свой нашел. Если так, то это мудрый обычай, и народ не дурак.

Проходили годы, и наши юные надежды угасали и таяли, и нас оставалось все меньше и меньше, и казалось, что уже ничего не будет. Да ничего уже и не надо было... Но родилась Арина, и появилась надежда. Надежда на лучшее будущее. Арина — маленькая еще и беззащитная девчонка, но боевая и жизнерадостная. Не капризная. Растет быстрее сверстников, не по годам смышленная. Сведущие люди сказали, что у нее большое будущее, и она перевернет этот мир. Мир подлости и разврата. И, быть может, она спасет нашу умирающую Россию. Но это уже другая история, которая начнется и закончится без многих из нас...

г. Бийск

Зулкар ХАСАНОВ

Люди и бесы

1.

Оставив бывшую союзную республику в своих воспоминаниях, Винтиков Марат Давыдович, мужчина лет тридцати пяти, с орлиным профилем и густыми щетинистыми бровями, в поисках заработка приехал на свою историческую родину, в Россию. Москва встретила его неласково. Он ходил по разным чиновничьим и медицинским кабинетам, чтобы получить необходимые для эмигранта документы. И, наконец, вожденная временная прописка у него в руках.

Квартира напомнила детскую сказку «На полянке рос грибок». Кого только нет в этой квартире, все приезжие, все ищут счастья. Людей много, как на Хитровом рынке, все хотят тепла, уюта и пищи. Жилье ветхое, без удобств, выдавшие виды кровати, да

у двери висит грустный рукомойник, который смывается в большой таз с водой. Есть газовые плиты, горелки горят день и ночь. «Главное удобство» — туалет — во дворе. Но Винтиков — человек расчетливый и терпеливый. Самое главное — закрепиться, как шурупу, а там разберется, не впервой. Подумай, не барин! Привыкнет.

Теперь надо как-то выкарабкаться из ямы, в которую угодил по собственной глупости. Сам виноват — доверился одному дельцу и прогорел основательно. Оставил дома чумазных и сопливых детей, которых очень любил.

Супруга Марата Давыдовича, Варвара Васильевна, не позволяла мужу обижать себя, могла и трес-

нуть по башке чем ни попадя, если зайвится выпивши. Она требовала к себе если не любви, то хотя бы уважения. Каждый день отчитывала супруга, как старуха из сказки Пушкина: «Какой же ты мужик, если не можешь прокормить свою семью». Но Марат Давыдович не такой человек, чтобы нюни распускать и унывать.

Наконец он устроился в крупную строительную компанию, которая называлась «Все впереди». Работа не сложная: поднял, отнес и положил, куда следует. Много ума не надо, одна скукота, но это временно — надо потерпеть, присмотреться. Винтиков неглупый малый, соображает неплохо. У него не голова, а кабинет директора. Он уже было подумывал о смене незатейливой профессии. Не следует так усердствовать, шишей совсем ничего, глупо так работать.

Винтиков глубоко вздохнул, набрался смелости и поделился своими мыслями по поводу заработков с прорабом фирмы Шестеркиным Федором Алексеевичем по кличке Борода из чартера. Федор Алексеевич — человек, испытывавший бури и штормы, а потому рано поседевший. У него густая седая борода, как орден за заслуги перед Отечеством третьей степени, и она привлекала женщин к его персоне. От его бороды женщины впадали в малопонятный восторг, который способствовал образованию у них излишней эмоциональности.

— Федор Алексеевич, что-то я работаю-работаю, а зарплату получаю небольшую, — сказал Винтиков, смачно затягиваясь папирской.

— Так ведь у тебя работа — бери больше, кидай дальше. Эта работа требует небольшого профессионализма, поэтому ты и зарабатываешь мало, — вяло отреагировал Шестеркин.

— Как же быть или не быть? Ведь дома это, как ее, — Винтиков мучительно подбирал слова, — моя «язва», жена, ждет с большими деньгами, дети хотят подарков и вообще...

— Вин-ти-ков, — кисло улыбнувшись, продолжал Шестеркин. — Ну че ты маешься? Так бы сразу и сказал. Я вижу, что ты неплохой парень, а работа тебе не нравится. Ты это хочешь сказать?

— Федор Алексеевич, не то что работа не нравится, а платят мало!

— А ты думал, что тебя на такой работе озолотят? Здесь не ты зарабатываешь деньги, а компания. Вон сколько вас здесь понаехало, и всех надо накормить. А у компании совсем другая задача: прежде всего для себя заработать, для поддержания собственных штанов, ну а по-крупному — почему бы нам не занять самый высокий пьедестал с названием «Анатоль и Ко» — по имени хозяина компании Семеркина Анатолия Николаевича? Пока название

компании — «Все впереди». Это для таких пришельцев, как ты, на будущее. Хотя оно, будущее, может и не наступить!

— Я мог бы работать водителем, у меня среднее техническое образование, мог бы оформлять какие-нибудь документы. Я же строитель, — почти уже плакал Винтиков.

— Винтиков, смешной ты человек. Строитель. Кому это нужно? Ты такой же, как я, как наш управляющий Семеркин Анатолий Николаевич. Нам бы где побольше урвать и хапнуть, а потом побыстрее организовать капиталец. Кого теперь интересует твое образование? Самое главное, надо быть смелее, нахрапистее, тогда к тебе потекут бабки! Ты меня понял, Винтиков? Надо, чтобы синхронно крутились шестерни, и винтик находился на своем месте, в центре, а не наоборот. Я чувствую, что у тебя неплохо мозги устроены, поэтому я тебе могу предложить совершенно другое дело — работу в риелторской конторе.

— Федор Алексеевич, я слышал, бывают просто риелторы, а бывают и «черные». Узнать их, говорят, трудно: те и другие ходят в белом, — воскрес духом Винтиков.

— Что правда, то правда, бывают и «черные», — согласился Шестеркин. — Я тебе, Винтиков, предлагаю пойти к моему закадычному другу по колонии Семеркину Анатолию Николаевичу. Мы с ним вместе сидели в местах не столь отдаленных. Вообще его в колонии звали Бартер-чартер.

— Это почему же?

— У нас человеку присваивают то звание, которое он заслужил. Семеркин работал на стройке и обменивал шило на мыло: бартер. Он умел жить широко, с размахом. По долгу службы, а также в перерывах между бартером он летал на самолетах чартерным рейсом. Чартер — это, я вам скажу, песня. Словом, жили мы, не тужили, покуда не вошли в противоправные отношения с законом. А дело так было. Мы строили небольшой цех для сахарного завода, закончить строительство не сумели, а наш коллектив, возглавляемый Анатолием Николаевичем — чартерным человеком, разбежался, деньги-то не платили, а сахар мы получили и съели. Цех оставили недостроенным. А посему на суде один из представителей обвинения и назвал Анатолия Николаевича Бартером-чартером. Вот вам и прозвище. За это нас и послали туда, куда Макар телят не гонял. Но мы свое честно отсидели. Да, Семеркин сидел, но с кем не бывает, кто, как говорится, без греха? От тюрьмы и от сумы не зарекайся.

Но все это дела давно минувших дней. Сейчас он честный, порядочный человек, возглавляет большую частную компанию и режет правду-матку, как на исповеди.

— Федор Алексеевич, что-то уж вы больно хвалите своего шефа Семеркина. Ваши слова да богу в уши, как говорится.

— Не мною сказано, Винтиков: «Доброе слово человеку — что дождь в засуху».

— Федор Алексеевич, вам бы не стройкой руководить, а читать проповеди с амвона.

— Вы, Винтиков, циник. А между тем Анатолий Николаевич Семеркин кроме строительной работы занимается еще риелторской. Работает давно. Он мужик грамотный, его вокруг пальца не обведешь. Он не какой-то там «черный» риелтор. «Черные» риелторы — это те, которые прощелыги, спаивают старых и больных людей, отнимают паспорта, поддельывают документы, вывозят людей в нежилые дома-развалюхи, вообще совершают полный беспредел и убийства. Это — мафия! У них длинные руки и везде свои люди.

Семеркин теперь чистый делец, как стеклышко, все по-честному. Сквозь него на мир можно смотреть чистыми глазами. Но ему надо, чтобы тоже все по-честному работали. Пойдешь? Но только надо каждый день ездить и показывать клиентам квартиры. Город большой, являться на работу надо вовремя, покупатель — штука капризная, ждать не будет, уедет, а это потеря клиента. Шеф такие дела не прощает. Он тебя обеспечит транспортом. Я тоже у него работаю, у него много фирм с разными названиями. После работы, если ты согласен, поедем к нему.

— Федор Алексеевич, я согласен. Надо попробовать, о чем разговор.

— Возьмет, возьмет, мое слово тоже не пустой звук. Правда, это требует вознаграждения, сейчас за так ничего не делается. Понимаешь, надеюсь?

— Федор Алексеевич, — просиял Винтиков, — за мной не заржавеет!

После окончания работы Федор Алексеевич повез Винтикова к риелторам.

Встреча прошла успешно. Марат Давыдович, зная, что иногда человек любит хвалу и лесть, позволил себе высказаться о Семеркине.

— Анатолий Николаевич, наслышан о ваших добрых делах. Да и слухами земля полнится. Говорят, что вы единственный спаситель, надежда и опора. И вообще честный!

— Почему они говорят, что я честный? Как говорится, честный риелтор — мертвый, хе-хе-хе.

— Говорят, что вы работаете давно и честно. Правда, услуги ваши недешевы.

— Стоящая работа, как и мое слово, Марат Давыдович, всегда дороги. Надо всегда начатую работу доводить до конца. Иначе вам перестанут доверять. Если ты обещал человеку, то умри, но сделай, выполни свое обещание.

— Анатолий Николаевич, я буду стараться! — пообещал Винтиков.

— Чтобы освоиться с работой, я вам дам опытного консультанта, который будет помогать на первых порах. И еще в вашем распоряжении автомобиль «Мазда». Мои помощники вам все расскажут. До свидания, Марат Давыдович, успехов вам!

Винтиков был на седьмом небе от счастья. Но свою преданность делу надо еще доказать. Дело непростое.

В течение двух месяцев Винтиков совершил пять сделок по купле-продаже квартир — для начинающего риелтора неплохой старт. С приходом Винтикова прибыль фирмы пошла в рост. Его заработки тоже пошли вверх, он старался, как мог. Естественно, посылал деньги домой, жена и дети Винтикова воспрянули духом.

Винтиков старался всюю. Спустя несколько лет он купил недорогую квартиру, семья переехала к нему. Годы шли, Винтиков шел вслед за ними, с оптимизмом глядя в будущее. Дети росли, потребностей становилось больше.

Как-то Шестеркин встретил своего крестного отца Семеркина и расспросил о том, как работает его подшефный Винтиков. Хозяин был вне себя от ярости и сказал, что Винтиков стал мямлей, упустил несколько удачных сделок. Если это повторится, то в гробу он его видал, в белых тапочках.

Шестеркин, систематически встречаясь с Винтиковым, получал от своего протеже немалую мзду. Ему, как никому другому, было безразлично, как работает Винтиков. При очередном randevу Шестеркин сказал Винтикову, что хозяин недоволен его работой, надо «шевелить поршнями», иначе он его выгонит.

Винтиков после этого разговора очень расстроился. Убеждать покупателя приобрести площади или, наоборот, продавца расстаться с родным гнездом становилось все труднее и труднее. А тут еще пробки, сегодня надо было ехать почти через весь город, но город стоял по стойке смирно.

2.

Вера Павловна, немолодая светловолосая женщина с голубыми глазами, улыбчивая, всегда опрятно одетая, обладала необыкновенной притягательностью. Ее улыбка радовала людей своей добротой и приветливостью. Но иногда она была непокорной и даже капризной. Она отвергала помощь даже близких людей, говоря: «Я сама разберусь, сама сделаю».

Вера Павловна в своей жизни хлебнула лиха: война, голод, холод, разруха. Оставшись одна после

развода с мужем, она сумела вырастить дочь, а потом и ее детей. Вера Павловна многие годы проработала инженером на заводе, пользовалась заслуженным авторитетом и доверием. В свободное время рисовала, пела, недавно стала заниматься фотографией.

Недавно отремонтировала свою квартиру. Правда, насладиться в полной мере ремонтом не могла — зрение подкачало. Но в медицинском центре врачи вернули ей способность видеть. Она улыбалась и радовалась жизни.

Сегодня к Вере Павловне приехали внуки, которых она давно ждала. Сергей и Оля учились на старших курсах московских вузов. Внуки ее не подводили, учились с большой ответственностью.

Родители в жизни вполне успешные, тратят небольшие средства на воспитание и образование своих детей. Бабушка рассказывала внукам о своих родителях, как сорванцами они росли, особенно старший, Сергей, который любил прятать бабушкины вещи. Расспросила, как здоровье мамы и папы.

На выходных Вера Павловна со своей сватьей Анной Васильевной поехали на ярмарку. Ярмарка была красочная и богатая, были бы деньги — много чего можно было бы купить. Но наши подруги были по большей части зрителями, главный их интерес — поглядеть знакомых, друзей, поболтать о том о сем. Направились к саженцам. Вера Павловна и Анна Васильевна — заядлые дачники, садоводы и овощеводы.

— Давай купим вот эту красивую вишенку, — обрattилась Вера Павловна к своей подруге.

— Да у нас есть вишня, но если хочешь, давай купим, плачу́ я.

— Нет-нет, это мой подарок, пусть растет на твоей даче как память обо мне.

— Вера, что это ты заговорила о памяти, помирать собралась, что ли?

— Что ты, пусть Боже сохранит нас с тобой, Аня! Просто я подумала, ведь память-то о себе надо оставить. Давай еще купим вот этот саженец антоновки. Это настоящие, любимые на Руси яблоки.

— Опять на память, чтобы мы тебя не забыли?

— Да, Аня, я буду сама покупать. Это для меня очень важно.

— Что за наваждение, Вера, что с тобой? Ты что-то чувствуешь недоброе?

— Ничего я не чувствую, но мне так хочется.

Бабушки вернулись с рынка счастливые и довольные. Саженцы Вера Павловна забрала себе. Вечером она отправилась со своей подругой, пенсионеркой Светланой Андреевной, на концерт известного артиста, который замечательно пел русские романсы и играл на гитаре. Сладостный голос навевал воспоминания о юности. После концерта они решили прогуляться. Весенней порой город хорошел день ото дня.

Скверы и бульвары, выложенные плиткой, утопали в цветах. Расстались у перекрестка, где Вера Павловна собиралась перейти на другую сторону улицы. Она обняла свою подругу и попрощалась. Светофор загорщицки подмигивал желтым светом.

В движении машин наступило кратковременное затишье, и Вера Павловна посемила по пешеходной дорожке. Но тут откуда ни возьмись появилась «Мазда», которая перед перекрестком пересекла сплошную линию, выехала на встречную полосу и, совершив двойной обгон, на бешеной скорости наехала на женщину. Веру Павловну подбросило вверх, она упала на капот автомобиля, затем скатилась на обочину. От сильного удара смерть наступила почти мгновенно. Водитель «Мазды» сначала даже не понял, что произошло. Он очень торопился: надо успеть на встречу с клиентами, время — деньги. Он думал, что хозяин обрадуется, ведь выручка составит более 100 тысяч рублей. Стоп! Винтиков стал приходить в себя: «Кажется, я сбил человека, какой ужас». Что делать? Уехать, остаться? Его охватил панический страх. Винтикову стало жарко, нещадно билось сердце, к горлу подступил ком.

На перекрестке собралась большая толпа людей, приехали скорая помощь и милиция. Кто-то из толпы с энтузиазмом тыкал в сторону Винтикова. Какой-то молодой человек ринулся к нему с криком: «Люди, надо порвать этого негодяя, что он натворил!» Милиционер охладил его пыл.

Веру Павловну карета скорой помощи увезла в морг. Милиция изучала место происшествия, опрашивала свидетелей и виновного. Винтиков Марат Давыдович в мгновение ока постарел, голос его хрипел, как голос загнанного зверя, он воровато озирался по сторонам, словно еще надеясь отыскать лазейку. На вопросы следователя отвечал сбивчиво и непоследовательно.

— Винтиков, почему вы допустили грубое нарушение правил дорожного движения и в результате сбили пешехода?

— Я не нарушал правила движения, меня ослепила встречная автомашина, — нагло оправдывался Винтиков.

— Это неправда, — вмешался пожилой мужчина с палочкой, стоявший на обочине. — Вы неслись, как бешеный, и совершили обгон буквально перед перекрестком.

— Люди, простите меня, пожалуйста, — взмолился Винтиков, — так получилось, я очень торопился на встречу по важному делу, я даже не помню, как все случилось.

Следователь закончил опрос свидетелей. Составил протокол происшествия, предложив его подписать водителю и свидетелям.

Светлана Андреевна стояла и тихо рыдала. Не сбылись мечты Веры Павловны еще побаловать внуков, не успела она посадить свои деревца на дачном участке, не дорисовала свои картины.

Люди, ставшие свидетелями преступления, не могли взять в толк, что это за человек перед ними: бес, сатана, просто несчастный или идиот? Где он родился и кто его родители? Всем почему-то казалось, что Винтиков преступником родился. Вот он мямлит, что его ослепила встречная машина, хотя таковой, по словам очевидцев, не было. Куда он спешил? На тот свет? Но почему тогда отправил туда совсем незнакомого человека, старушку?

3.

В тот же вечер Светлана Андреевна принесла горестную весть сестре Веры Павловны Екатерине Павловне. Ее такое сообщение повергло в шок. Не стало самого близкого человека, ее опоры и надежды. Настала теперь ее очередь нести семейное знамя через все жизненные перипетии. Голова пошла кругом: что надо делать в первую очередь? Надо ехать к племяннице Гале, сказать ей. Надев все черное, отправилась она вместе со Светланой Андреевной к своей Гале, дочери Веры Павловны.

Галя жила на другом конце города. Они с мужем пили чай, смотрели телевизор и ни о чем не подозревали. Вдруг пришли гости в черном, и в квартире все переменилось. Галя рыдала, ее муж нервно курил, и лишь телевизор хохотал вместе с Петросяном.

На другой день Винтиков пришел к семье погибшей просить прощения. Галя с мужем Виктором не ждали такого гостя.

Винтиков выглядел плохо, смотрел все время куда-то в сторону.

— Я пришел просить у вас прощения за свое деяние. Не хотел я этого. По району я ехал впервые, было уже темновато, я спешил на встречу. У меня такая работа, что надо торопиться, иначе хозяин меня выгонит, а у меня дети.

— Винтиков, ты ирод проклятый, мы ведь с тобой учились в одной школе. Я в девятом классе, а ты во втором. Ты был в моей группе в пионерском лагере. Что же ты наделал, ты хоть понимаешь? Ты вот стоишь сейчас передо мной, каиново отродье, а я ведь тебя помню хорошеньким мальчиком с голубыми глазами, мама у тебя хорошая была. Ты своим поступком перечеркнул имя своей матери и свое доброе прошлое. Понимаешь? И ты после всего этого пришел ко мне и хочешь, чтобы я тебе отпустила

грехи? Уходи немедленно из моего дома, будь ты проклят! Живи убийцей!

Потом были похороны Веры Павловны. Приехали родственники, родные и близкие. Усопшую отвели, чтобы она отправилась в новую жизнь, примиренная с Богом и людьми. На кладбище простились с покойной. Произносились речи, кто-то плакал...

На поминках родственник Веры Павловны Дмитрий Васильевич Долгов сказал:

— Что же с нами происходит, товарищи, господа? Водитель убил человека. Куда он несея? Куда он торопился? Какой-то Винтиков, урод, спешил, видите ли, ему надо угодить своему хозяину, да и сам он такой же алчный и жадный, как и его хозяева. А ведь если бы он думал не о деньгах, а о том, что человек друг другу товарищ и брат, мать и сестра, отец и дочь, если бы этот Винтиков умел ценить не только свою жизнь, но и чужую... Эх, да что там говорить. Пусть вечная память о Вере Павловне останется в наших сердцах как о певунье и замечательном человеке.

Затем слово взяла верная подруга Светлана Андреевна:

— Не верится, что уже нет у меня подруги, которую я очень любила. Нелюди ее убили. Неужели мы совсем потеряли совесть и стыд? Я так не думаю. У нас большинство людей честных и порядочных. Как бы было хорошо, если бы мы относились с любовью друг к другу, водитель ты или пешеход, начальник или Винтиков, главное, человеком надо быть. Веру Павловну не вернешь. Ее я буду помнить всегда, вечная ей память, и пусть земля для нее будет пухом!

Еще много речей было произнесено в этот вечер. Сослуживец Веры Павловны Михаил Викторович Сосин, пенсионер, который проработал многие годы с нею в одном коллективе, сказал:

— Светлый образ Веры Павловны навсегда сохранится в наших сердцах. Пусть Господь Бог сохранит ей место в раю, помня ее добрые дела в земной жизни.

А недавно был суд над Винтиковым. Он никому не принес дивидендов: ни детям, ни внукам, ни родным и близким Веры Павловны.

Винновник трагедии Винтиков понес заслуженное наказание. А Семеркин и Шестеркин не унывают. Подумаешь, потеря невелика, найдется другой рилтор не хуже Винтикова. Мы же хорошо платим, да будет мир и покой в нашей компании. Мир небесам!

г. Калуга

Евгений РЫК

Продолжение. Начало в № 10, 11 за 2010 г.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО

ПЛУТОВСКОЙ РОМАН

14.

Раздвоение личности — явление весьма частое у впечатлительных людей. Излишнее образование, толкование снов и примет, напрасное красноречие... Водочка, конечно. И вот вам результат — десять чертенят, сиречь разговоры с самим собой, копание в подсознании, сублимация. В лучшем случае есть шанс провести ближайшие полгода в психушке, в ожидании редких встреч с ленивыми и обожравшимися психиатрами: им некогда заниматься алкоголиками и вашей паранойей — надо отмазывать косящих от армии или тюрьмы, это и есть их главный медицинский доход.

В худшем случае будете пару раз биты собутыльниками по пивной, отоспитесь в вытрезвителе и начнете преследоваться соседями и жилконторой на предмет выселения из квартиры...

Другое дело — помойка. Высесть дальше некуда, собственно — ноль, и, коли ты не слишком буянишь, товарищи по несчастью не обращают на тебя внимания. Здесь давно переоценили все человеческие ценности, почти как в бородатом анекдоте.

Анекдот. На пляже под пальмами лежат миллионер Джон Смит и местный бомж Юмумбо Бумба. «Чудила ты, — говорит Смит. — Все бомжуешь! Нет бы пойти учиться, работать по четырнадцать часов в сутки...» «А зачем?» — законно интересуется Бумба. «А затем, что лет через пять ты бы стал младшим партнером в фирме. Потом стал бы работать по тринадцать часов, у тебя в подчинении уже работали бы люди. Еще через десять лет ты бы работал по двенадцать, а под тобой трудилось бы полфирмы. Потом еще пятерик, ты босс, денег море, все на тебя работают, а ты валяешься на пляже, жрешь банан. Вот так, чернявый!» Бумба тупо смотрит на Смита: «Так я и без этого лежу и жру...»

Наш герой Никитин был подвержен профессиональной интеллигентской болезни. Это была неизбежная дань судьбе, как у мясоедов-выпивохов развивается подагра, а у шахтеров, вдыхающих свободный диоксид кремния, — силикоз.

Борьба с собственным подсознанием до добра не доводит, с ним надо дружить, и это прекрасно понимали самые дальновидные из психологов,

философов и психиатров. Посудите сами, Ломброзо прожил семьдесят пять лет, Кант — восемьдесят, Фрейд — восемьдесят четыре года, Юнг — восемьдесят шесть... Они правильно забили на все аристократические выкрутасы и любили только себя и свою науку. Им было наплевать на общество, светскую жизнь и политические ненастья.

Словесник Никитин, наоборот, не мог припомнить отечественных писателей, кто бы жил долго и счастливо. Лев Толстой? А еще? Жуковский? Не дожил и до семидесяти. Ну, Набоков — семьдесят восемь, Бунин — восемьдесят три, но эти-то доживали все же на эмигрантских курортах и при деньгах. Про советских говорить не хочется, все же люди без стыда и совести.

Тяжела ситуация с верой и церковью. Нигде в мире нет более разобщенных колоний эмигрантов, чем русские. Удивительно, что только на фронтах они как-то собираются в одну нацию, но сразу же после победы (или поражения — все равно) тут же все расплзаются по своим норкам и ведут ядовитые дискуссии, чем архангелогородцы

отличаются от кубанских казаков. Вон и Иван Сергеевич Тургенев туда же: чем орловский мужик отличается от курского? Дурак ты, Сергеич. Чем они могут отличаться? Не случайно на твою пьесу «Месяц в деревне» в российской прессе появилась рецензия под названием «...а остальные одиннадцать — в Париже!».

Получил, Ваня, по соплям?

Не спалось, хотя завтра никакого выходного предусмотрено не было. Никитину требовалось выходить на общие, а значит, нужны силы, нужно заснуть.

Первый сон М. В. Никитина

Сон его хоть и отличался от Четвертого сна Веры Павловны, но тоже был достаточно дик. Внимательный читатель газет «от доски до доски», учитель привидел в беспокойном забытии полностью закрытый город Усогорск, Коми АССР. На картах автомобильных дорог Советского Союза он не значился, не было его и на географических и физических атласах. А город был! То есть он и есть. Если повнимательней поискать, то кое-какие его следы в справочниках находятся. Это все же не Арзамас-16. Ну, например, в телефонном справочнике его код имелся — 8. 82135. xxxxx. Одна недолга: при советской власти там не было именно советской власти. И это при том, что не было и лагерей с тюрьмами. Город Усогорск был просто-напросто... иностранной территорией! А именно — Болгарской Народной Республики на землях российского Севера. Там имелся свой болгарский мэ́р (кмет), партийный комитет БКП, милиция, ГАИ (по-болгарски КАТ, это же по-украински означает «палач»... Хм!) и, конечно, лесорубы. По межправительственному договору мы сдали часть тайги братушкам. Они вырубали тут лесок, поставляя взамен свои помидоры и яблоки (свои, в Молдавии, на Украине и прочих местах, в тот момент тихо гнили). СЭВ в работе...

В Усогорске все было болгар-

ское: газеты, продукты в магазинах, уличные таблички, даже надписи на стенках в мужском туалете единственного городского кинотеатра. Советскими были только водка (продавалась лишь в пятницу и субботу по 2 бутылки в одни руки) и деньги.

В мире существовали только четыре дипломатических представительства за Северным полярным кругом: американское в Гренландии, норвежское в Мурманске, советское на Шпицбергене и болгарское, представьте себе, в Сыктывкаре (ну каких-то 500 км не дотянули). Заметьте, консульства! И во сне они...

Михаил Васильевич представил себя хозяином такого же города-призрака, города-невидимки. Конечно, не в тайге, не в пустыне, а где-нибудь в среднерусской полосе. Да почему бы и не в Дубне, что под Москвой, а? Климат приятный, город долгое время был закрытым, так что проблем с секретностью не будет. На одного местного алкоголика приходится две единицы приезжих докторов физико-математических наук. Баланс, как видите, в пользу культуры и цивилизации. Течет река Волга, прямое сообщение с Бутырской тюрьмой... Да-да, не удивляйтесь, конечная остановка пригородных электричек и поездов дальнего следования приводит странников в конечную точку — Савеловский вокзал столицы, что в 500 метрах от Бутырского замка.

Никитин во сне предстал консулом Тонги в Дубне. На всех местных предприятиях работают лучшие бомжи СССР, получившие за это тонгийское гражданство. Отметил про себя: надо провести конкурсы мастерства (многие бывшие люди были в свое время уникальными специалистами. Недооцененными, а потому и запившими). Запретить продажу водки. Только в розлив в рабочих столовых пальмовое вино! Никакого хулиганства, мародерства (придется-таки выстроить тюрьму!), никаких больных и на-

логов. Это программа-минимум. Но, как учил вождь, должна быть и шахмат. А значит, никакой зарплаты: бомжотня и так все получает на хляву. Чистый сосновый воздух, моржевание в зимней Волге, выводы из запоя... Но это все — на помощников, на секретарей, на экспертов. Самому консулу остро необходимо бывать на очередных и внеочередных сессиях ЮНЕСКО в Париже, ООН в Нью-Йорке и Эмнести Интернэшнл в Женеве. Паркуа бы и не па?!

Как свободная территория, Дубна-тонгийская легко сможет принимать гостей из-за рубежа, тем более все возможности для сего имеются: прямая ветка ж/д, пристань Большая Волга по реке, вертолетная площадка около Объединенного института ядерных исследований. Сеть автомобильных дорог. Приезжайте, гости дорогие, платите пошлину в кассу консульства в твердой валюте, «добро пожаловать!». Открыть казино, публичные дома, гольф-клуб, сауны, рестораны класса люкс (там водку продавать можно). И не забыл ли он чего?! Ах! Как же можно?! Дворец-то, дворец гостевой для короля забыл! Ладно, отберем у какого-нибудь физическое академиком. Академиком в стране до чертовой матери, а король на Тонге — один! На консульство непременно первым делом прибить флаг и щит. А как с гимном? Какой он «у нас», кстати?!

А вот он уже звучит в голове отставного педагога. Правда, вряд ли чисто тонгийский, потому как на мотив «Интернационала», да и слова какие-то не очень...

*Вставай, мужик, за сеном кхат,
Быки голодные мычат,
Кипит наш суп недосоленный,
Дрова сырые не го-орят!
Никто не даст нам больше хлеба,
Ни царь, ни бог и ни герой,
И надо свистнуть у соседа
Своей недрогнувшей руко-о-ой!*

Никитина кто-то больно толкнул, и он проснулся. Как всегда,

привычный гимн в полутьме берлоги распевал Понос. Крючники начинали новый день, отхаркиваясь и проклиная белый свет, который в ноябре наступает не слишком рано.

15.

Как и почти всегда в последнее время, Колбаса появился только к ужину и сразу же пошел в угол к Хрущеву. Одет он сегодня был как крючник, хотя и не работал со всеми. Учитель было даже подумал, что пахан перевел майора на какой-то другой, дальний участок.

— Здоровеньки булы, — поприветствовал прогульщик школьного пенсионера. — Как тут без меня, не обижали? Как вообще делишки?

Никитин неопределенно что-то промямлил, что, мол, ничего чрезвычайного, делишки обычные.

— Сейчас пойдем, — предупредил его Швецов.

— Переодеваться? Бриться? — неохотно переспросил его Никитин.

— Не потребуется, а то он тебя и не узнает... Недалеко идем, в контору, к пахану.

Хрущев затревожился: пахан просто так не вызывает. Что это за визит? ЧП? Что-то узнали про их отлучки?

Чекист хмыкнул, прочитав мимоленные тревожные мысли в воспаленных глазах крючника:

— Нет, все в порядке. Приглашает нас на товарищескую рюмку чая.

— С каких это пор?

— А вот прямо с сегодняшних.

Пошли.

Путь к конторе не занял много времени, хотя и находилась она далеко, прямо на противоположном от берлоги конце свалки. Но путь был знаком, и два крючника, подгоняемые ледяным ветерком, быстро дошагали до деревянного вагончика.

В окнах горел свет, слышались приглушенные радиоголоса и музыка. Потопав валенками перед конторой, а после и в ее предбаннике, гости вошли в жарко натоплен-

ную комнату. Описывать ее нечего: любая прорабская на стройке, бригадирская на кладбище или проходная бедной фабрики мебелировалась и оснащалась по единой моде. Разница была только в деталях.

Обычно имелось либо больше, либо меньше шкафчиков для переодевания, иногда с каким-нибудь излишеством вроде вырезанной из «Огонька» лубочной картинки или фотки голой девки.

В конторе свалки таким излишеством был диван, на котором в данный момент и возлежал пахан без сапог, читающий какую-то книжку. Он посмотрел на гостей, книжку отложил, но с дивана не встал.

— Причимчивовали? — полувопросительно-полуутвердительно заявил хозяин помоечной жизни. — Ну, садитесь. Хрущев, возьми в шкафчике... Колбаса, выпьешь или чифирнешь?

— Выпью.

— Лады, а я чайком...

Оробевший (как и при всех предыдущих встречах с начальниками жизни) учитель доставал из пахановского шкафа разные деликатесы: шпроты, колбасу, сливочное масло, там были даже крекеры. Случилась небольшая заминка с приготовлением закусок сэндвичей. Наконец все упорядочилось.

— Ну, за встречу, — провозгласил майор, но никто не чокнулся. — Как я уже говорил, мы по делу.

— Знаю, — лениво процедил пахан, — предупреждали. Значит, Хрущева выбрали?

— Так решили.

— Что же... Я готов, — потягивая чайный деготь, равнодушно произнес хозяин.

— Вот что, Василич, — обратился к учителю майор, — тебе дело придется иметь там... ну, ты понимаешь... с разными людьми. И важно для тебя и для нас, конечно, чтобы ты в разговоре не лопухнулся. По-русски ты говоришь складно, учитель все же, на нашей фене уже много понимаешь, но тебе для обще-

го развития надо узнать и воровские понятия. Наш пахан спец, вот он тебя и просветит.

— Очень приятно, — не зная, что в таких случаях следует говорить, пробормотал Никитин.

Пахан хохотнул на своем диване:

— Не знаю, как насчет приятно-сти... С чего же начать? Короче, закон такой. На воле, правда, — у властей, в тюрьме — у зеков. У нас свои правила, свои авторитеты, своя жизнь — это, думаю, понятно. Не буду тут рассусоливать, ни к чему. Нашему закону подчиняются те, кто принял закон и кого тот принял сам. Всякие там мужики и фраера не в счет, они живут сами по себе, пока, конечно, дорожки не пересекутся. Статей в УК — что звезд на небе, но не все они уважаемые, не все засчитываются. Про пидоров и растлителей малолеток и говорить не хочу, понятно?

— Ясно, — кивнул Никитин.

— Они зашкваренные, то же и с крысятниками, и с повязочниками.

Майор перевел:

— Теми, кто крадет у своих или вступил в лагерные активисты.

— Во-во, — подтвердил пахан, подбирая под себя ноги, усаживаясь на диване поудобнее. — Они самые. На воле как считают: украл бухгалтер деньги, стибрил водила грузовик картошки — он вор! А на зоне это просто бытовики, никто. Одна ходка — это лишь ошибка жизни, глупый случай. Вы-то книжек начитались, разных там ГУЛАГов, архипелагов, знаете уж и про масти, и про жизнь. Это и так, и не так — всюду и всегда по-разному. Жизнь штука полосатая... Но в норме обычно так. В среднем, что ли. Есть воры списочные, ну, еще не принятые, просто они оказали какую-нибудь услугу братве. Это уже ближе к людям, то есть к нам, к законным. А есть и налепушники, самозванцы. С этим понятием ясно?

— Еще бы...

— Опять же фуфлыжники, те, кто не отдает долга, или гашеные, те, кто

провинился перед братвой. Разговор с ними короткий. Доходчиво объясняю?

Никитин, конечно, понимал, что к чему, утвердительно кивнул.

— Во-от. Опять же на зоне не в чести всякие мокрушники, хулиганы и гоп-стопники. Что это такое — бить живых людей по башкам?! Ты соверши грамотный ход, так укради, чтобы много и весело и никаких следов. Для авторитета требуется многое, разные условия — и семья, и жизнь, и знакомства, и статьи, и ходки, и поведение... Даже национальность. Чтой-то я не слышал, чтобы эстонцы или чукчи были центровыми!

Они с майором рассмеялись, а Никитин внимательно впитывал информацию и ничего смешного для себя не услышал. Пахан продолжал:

— Блатной может стать уважаемым человеком и по мелким статьям, ну там щипать или шпилить. (Майор снова услужливо перевел: «По карманам лазать или в карты играть на деньги».) Хороший катала в тюрьме отдыхает типа в санатории. Вообще там всегда слишком большое деление, зависит и от человека, и от статьи. Какие такие блатные алиментщики или бомжи? Кто-то кого-то сбил тачкой... Военные с нами не сидят, а шпионы и иностранцы — птицы редкие. Фраеров ужасно много, но это неплохо, за их счет братва и живет, да и вся зона греется.

— Расскажи, пахан, о подлянках.

— Есть такое дело, но это в тюрьмах, в ШИЗО, на пересылках в основном. Как человека проверяют — новичок или нет? Сначала вопросы задают, например: «За чем в камере лампочка?»

— Зачем? — не понял учитель такой простой тонкости языка, как предлог.

— А отвечать надо: «За решеткой». Или говорят: «Сыграй на батарее». Отвечать надо: «Лады, только растяните мне мехи». Таких приколов много, всего и не упомнишь. А вот

важное. Если кликухи у тебя нет, нельзя соглашаться на то, чтобы тебе ее дали в первой же камере, — всегда выйдет обидно и будет много плохого о тебе значить в дальнейшем. Кликуху надо заслужить.

Нельзя оказывать никаких услуг! Тебя попросят передать кусок мыла и как бы случайно его уронят. Ты за ним наклонись, значит, поклонился, прогнулся — больше уважения не добьешься. Обычай такой: не я ронял, не мне и поднимать. Понятно?

— Понятно, — усвоил урок учитель.

— Молодец, Хрущев, понятливый... Да вы наливайте. Колбаса, банкуй. Что еще рассказать? Если тебе будут предлагать во что-нибудь сыграть, имеешь право отказаться. Все камерные подлянки все одно не перескажешь, а выполнить их не исполнишь никогда — на то они и подлянки. Но если на испытание соглашаешься — могут ведь и уболтать! — то держись: если их не вынес, получишь звание *ложкомойки*, а если в наказание тебе дадут съесть кусочек мыла, то станешь *чушкарем*, будешь вечно выносить парашу. И на такой случай есть законное понятие: не стоит нагибаться, если нечего поднимать. Усек?

— Ведь все вместе сидят, страдают. Зачем эти издевательства? — по-человечески, но вяло возмущился учитель.

— Ну во-первых, скучно; а во-вторых, надо себя утверждать, доказывать звание и понятия... Не нами придумано, не нам и отменять! Говорят, сейчас и на зоне перестройка: продают воровские звания, много богатых, кто откупается, работают придурками, химиками или расконвоированными. Но, я думаю, это ненадолго. Вообще-то в жизни как на кладбище — всякое бывает... Еще вопросы?

Майор тоже внимательно слушал пахана и ответил:

— У нас три категории клиентов: нашлапники, кидалы и разгонщики.

Теперь сам пахан перевел учителю:

— Значит, кроме самозванцев от воров еще мошенники и канающие под ментов или ЧК. Повторяю: с нашлапниками все ясно. Разгонщики, даже если и будут много о вас знать, в такую контору не сунутся. Нет, не думаю... Не резон. Они людишки с понятиями, с агентурой. А кидалы — это другое дело!

— Почему?

— Вот вам эпизод, типа литературы. Зона. Сидят два человека — кидала и путевый пацан, вор, значит. Незначительный, но все же. Кидала ему говорит: «Тебе дали семь, у меня на воле тетка замужем за прокурором твоего города. Хочешь, дело возьмут на пересмотр и скинут тебе четыре?» Показывает ему письмо. Действительно, из того города, откуда пацан, фамилия прокурорская на конверте, в письме его Иваном Гавриловичем называют, пишут, что медаль ему дали... Ну, всю мурцифаль. Конечно, кому приятно париться в духовке. Пацан соглашается, пишет на волю маляву...

— ...записку такую тайную...

— ...да, просит собрать бабки и вручить человеку, на которого укажет кидала. Собирают, передают, а никто зека на этап не кличет, никто дело назад не требует. Тот понял, что его киданули, и обращается к правилке, чтобы братва осудила кидалу. Правилка вызывает их на суд, спрашивает вора: «Ты знал, кто он по масти?» «Знал», — отвечает вор. Правилка постановила: «У кидалы масть настоящая, это его истинная профессия. Попался под него, значит, ты сам лох. Принесешь в общак кило сала. За правосудие. Иди!» Как история? То-то...

— А что же с ним делать? — спросил майор.

— Не попадайся на крючок — это его работа. Ты имеешь право отказать, а он никогда не будет поднимать хипиш, не в его интересах, да и в свет предъявлять ему нечего.

Пахан посмотрел теперь на Никитина:

— Хрущев, ты понял, что я сказал?
— Скорее всего, да. Мошенник не имеет ни прав, ни обязанностей, утрется.

— Кумекаешь, очки. А еще чего на музыке знаешь?

Учитель позволил себе слегка улыбнуться в присутствии высокопомощного начальства и преподавательски привычно процитировал, что в школе называется «с выражением»:

*Канает мент, насадкой лавируя,
и шнифари втыкает налегке.*

*Он хочет их захрямзать, но
меньжует.*

Ой, как бы шнифт не выкололи мне!

Перевод Самуила Маршака:

*Шел гордый милиционер,
вокруг ворье шныряло.*

*Арестовать бы... Но не смел:
глаз выбьет из едала.*

— Точно! — одобрил стихотворчество пахан. — Наливай-сдавай. Кино кончилось...

16.

— Что мы имеем, Михаил Васильевич?

— Полную голову каши. Строитель, дипломатический протокол, история дипломатии, учреждение консульства, блатная музыка... Ваш Рувим Иванович — это... — Никитин восхищенно покачал седой головой.

— Да, Рува — это что-то. Тут я единственно с чем не согласен со Сталиным: не надо было так с евреями. Еврей, если его очень сильно прижать к стенке, становится жутко находчивым.

Экс-учитель согласно кивнул, но все же заметил:

— Кажется, даже ООН приравнял сионизм к фашизму...

— Верно, на XXX сессии в 1975 году. Потом все же отменили... Ошибочка там у них вышла. Смотрите, сколько лет прошло, а вы помните!

— И поэтому он с вами? — не стал уточнять свою позицию по данному международному вопросу Никитин.

— Правильно. Но наука ваша еще не закончена. Про политику или как там вилку держать — таких консультаций нам не надо. А вот еще кое с кем мы переговорим.

Майор что-то прикидывал про себя. Помолчали. Затем Швецов сказал:

— По оформлению документов — это не ваша забота, это беру на себя. Собственно, это главное в будущей работе. Бухгалтерия. Будет человек. Технический персонал наберем по конкурсу. Помощника... Вы говорили про Лысого?

— Очень грамотный человек.

— Но ведь неуправляемый.

— Мне кажется, для дела он может собраться, — отстаивал Никитин своего протеже. — В конце концов, конвенция предусматривает должности архивариуса, переводчика... Может, еще какая-нибудь работа. Так сказать, с поправкой на великодушие.

— Должность архивариуса уже продана — разговора о ней нет. Переводчицей будет жена одного ответственного дяди, — вяло упирался Швецов, впрочем, невнимательно выслушивая аргументы учителя.

— Я бы все же подумал. Только, понятно, не курьером, — все же заступился за кореша Никитин.

— Об этом и речи быть не может! Курьерская ставка давно сдана. Будет одна дочка, это вообще важная роль. Кстати, штатное расписание у нас не резиновое...

— Но всегда можно изыскать, — еще надеялся Михаил Васильевич.

Майор неопределенно погримасничал:

— Ну, может, возьмем консультантом или внештатником... Старшим консультантом у нас поработает сам Батя. Управделами — Рувим... Вам надо вот что — поговорить с военным специалистом, историком или генштабистом. Ладно, такую встречу организуем.

— Почетный консул не занимается военными проблемами. Во всяком случае, в мирное время.

— А в военное?

— Что ж, Россия и Тонга воевать намерились?

— Королевство входит в Британское Содружество наций. На всякий случай просветитесь!

Просветиться случай выдался через три дня. Для такого случая Никитин получил в вагончике пахана свой черный костюм плюс демисезонное пальто и шапку. Привычный вояж на легковом авто, но не на квартиру или на дачу, а почему-то на Пушкинскую улицу. В холле библиотеки Театрального общества стояло несколько кресел, деликатно отгороженных ширмами-стендами. Колбаса, Хрущев и генерал Кононов уютно устроились в креслах. Генерал был улыбчивым и нестарым человеком, ходил в форме, которая ему очень шла, подчеркивая стройную фигуру и общую молодечность. (Увы, не обошлось без кокетства. Кононов: «Как я ни хотел, а генерала все же получил...» Никитин внутренне поморщился, а Колбаса с заметной завистью переливчато вздохнул.) Сначала генерал и майор, видимо, продолжая какой-то собственный разговор, вели непонятный для Никитина диалог:

— В СД и СА у Гитлера было слишком много званий, это вносило путаницу. Людям трудно было расти по службе, — утверждал генерал.

— Ну, не больше, чем у нас. От солдата до генералиссимуса двадцать званий. И то не во всякое время было. А в гестапо? Двенадцать?

— Четырнадцать.

— Виноват, от рядового?

— От кандидата в рядовые.

— Вместе с рейхсфюрером?

— Именно, с Гиммлером.

— Погодите, Алексей Леонардович, как это — четырнадцать? Меньше.

— Считайте, Владимир Николаевич: рядовой, шарфюрер, унтерштурмфюрер — это уже первое офи-

церское звание; оберштурмфюрер, гауптштурмфюрер, гауптштурмфюрер, обергауптштурмфюрер, штурмбанфюрер, оберштурмбанфюрер, оберфюрер, штандартенфюрер — знаменитый Штирлиц... Далее генералы: бригаденфюрер, группенфюрер, обергруппенфюрер, оберстгруппенфюрер и сам рейхсфюрер.

— Минуточку, Алексей Леонардович, какой еще такой оберстгруппенфюрер?!

— А вот такой Зепп Дитрих. Получил звание в 1945-м как командир танковой дивизии СС за личный героизм и полководческий талант. В Венгрии, когда немцам удалась последняя в войне наступательная операция.

— Да, да... — согласно покивал Колбаса-Швецов. — у Балатона.

— Вот именно. Он командовал там уже армией. Имел и бриллианты к Рыцарскому кресту — один из четырнадцати человек в рейхе.

— Теперь сообразил.

— У нас не очень такие герои в ходу, — усмехнулся генерал Кононов. — У нас зато в аптеках всю торговлю тихим снадобьем. Жидкость Каstellани называется. Пользовались когда?

Тут наконец в разговор вступил учитель:

— Кажется, это при трещинах на коже, при порезах? Красная такая?

— Бордо, — поправил Кононов. — И кому какое дело, что этот самый доктор Каstellани, изобретатель, был личным дерматологом Гитлера? Препарат-то хороший, а?.. Да, так вы говорили...

— Военная дипломатия, — деликатно напомнил майор.

— Сейчас это поголовные шпионы. Академия имени Советской армии, находится на Октябрьском поле. А до войны военные аташе шпионили спонтанно, время от времени, да и посольств-то у нас было с гулькин нос. В 1941 году Сталин организовал у нас в Генштабе специальный отдел военных международных отношений,

курировал его замначштаба генерал Штеменко. Вообще с тех времен этот институт много делишек наделал. Посмотрите, формально мы были в состоянии войны с Германией, но еще какое-то время во многих ему дружественных странах сидели наши дипломаты.

— В Болгарии? — спросил его майор.

— Не только. И поинтересней есть. Когда Франция в сороковом году капитулировала, а Гитлер оккупировал Париж, коллаборационистское правительство маршала Петэна переехало на юг страны, в Виши. И что же? При петэновском правительстве состоял наш военпред генерал Суслопаров, который совсем недавно командовал артиллерией 10-й армии Запфронта. Этот генерал был самым нашим выдающимся разведчиком...

Майор перебил генерала:

— И другие были?

— Разумеется. В войсках союзников в Италии — генерал-майор Васильев, при союзных правительствах в Лондоне — там с сорок второго года несколько человек было... На Средиземном участке фронта — генерал-майор Кисленко; в Югославии у Тито — генерал-майор Корнеев, в Румынии — полковник Еремин, в Польше — генерал-майор Молотков, в Мукдене — генерал-майор Ковтун-Станкевич и на Дальневосточном театре военных действий — генерал-лейтенант Дервянко. Он же присутствовал при подписании капитуляции Японии на американском крейсере «Миссури»...

Швецов из вежливости обратил к Никитину, хотя тот только записывал своей учительской скорописью и никаких вопросов задавать не собирался:

— Михаил Васильевич, вам все понятно? Может, какие-нибудь вопросы?

— Ххм... Алексей Леонардович, что-нибудь еще из истории военной дипломатии, чтобы можно было поддержать разговор на эту тему. Что-нибудь особенно интересное.

— На мой взгляд, Михаил Васильевич, вся эта тема очень увлекательная, но... Для светской болтовни... Что же... Например, формально СССР не поддерживали марионеточный режим Южного Вьетнама, но тайно мы заключили дипломатические отношения в 1969 году через наше посольство в Бирме. Или вот по просьбе «Смерша» для охраны грузов союзников от курдов Сталин ввел в конце августа 1941 года в независимую Персию (Иран) группу наших армий: 57-ю отдельную Среднеазиатскую, 3, 44, 47-ю... Здесь же стали работать с англичанами офицеры спецотдела Генштаба... Двадцать второго декабря 1943 года по приговору специального трибунала в министерстве авиации Германии — на своем рабочем месте! — по личному приказу Гитлера и Гиммлера был повешен член нашей разведгруппы «Красная капелла» фон Кумеров.

— Господи! — воскликнул Никитин.

Генерал пожал плечами:

— Он сам виноват, слишком активно сотрудничал с нашим резидентом в Берлине Кобуловым, засветился. Но случай редкий, согласитесь.

— Да уж... — проворчал майор. — Круто.

— Что бы еще... Ах да. С 1918 года три республики Закавказья стали условно независимые, хотя там почти легально работали большевики и стояли иностранные войска. Деникин, а потом и Врангель нуждались в международном признании и поддержке. Потому-то и в Баку, и в Тифлисе были военные миссии Добармии и правительства Крыма. Но там были и дипломатические представительства: в Тифлисе — почему-то Чехословакии, в Эриване — персидское, а в Баку — германское. Так вот большевики вели с Деникиным переговоры — о пленных, об обменах — именно через военных дипломатов Чехии, через немцев и персиян... Интересно?

— Где такое прочтешь?! — правдиво воскликнул Никитин.

— Ну, я рад. Чем бы еще вас развлечь... Военные атташе есть во всех российских посольствах, кроме как при Ватикане. А следовало бы! Ведь в самом городе-государстве есть и своя спецслужба — Конгрегация по вопросам вероучения, ни много ни мало, а всего-навсего бывшая Святая инквизиция!

— Да, товарищ генерал... или господин?

— В армии осталось «товарищ». Да и по приятности беседы... Военная дипломатия основывается на решении двух Гаагских конгрессов — 1899 и 1907 годов. Именно на них опиралось правительство Хрущева...

Майор неожиданно засмеялся, а Никитин кисло улыбнулся. Кононов с удивлением посмотрел на собеседников, не понимая, чем вызвано их веселье. Первым остепенился Швецов:

— Извините, пожалуйста, Алексей Леонардович. Это у нас нервное.

— Да... Ну так вот, когда Никита Сергеевич мирил Индию с Пакистаном, то МИД СССР образовал необычный институт — посольство Советского Союза в Ташкенте. В международном праве это называется «Добрые услуги», то есть специальную комиссию-орган для решения только одной временной задачи. Главными там были именно военные дипломаты... Ага, вот, пожалуй, фактик. Спецотдел Генштаба делегировал своего представителя подполковника Клеменко в отдельную поисковую группу 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии. Они искали в еще горящем и стреляющем Берлине труп Гитлера — и нашли! Не случайно, когда Верховный главнокомандующий отмечал отличившиеся части орденами, то Суворов 1-й степени достался освободителям Берлина. А не забывайте, что таким орденом награждены за всю войну только три воинских соединения. Увы, сто раз военные дипломаты

просили Сталина не награждать именно этим орденом польскую дивизию имени Костюшко. Нет, наградил — и вышел скандал: поляки отказались от этой чести: «Это то же самое, что наградить нас орденом имени Гимmlера. Суворов вырезал народное восстание в Польше!»

Награждены за войну были почти все части, но особенно редкие награды были: ордена Ушакова 1-й степени — восемь частей, Нахимова 1-й степени — пять частей, Кутузова 1-й степени — три, а Нахимова 2-й степени — всего две части...

Кстати, когда сейчас пионеры и бандиты рыщут в поисках орденов, то они считают, что самый дорогой — это Ленина. Да, он дорогой по драгметаллу, но абсолютно нередкий. А вот орденом Нахимова 1-й степени за всю историю награждены только семьдесят человек. Больше того, Ушакова же той же степени — всего-навсего тридцать! Многие тысячи такие награды стоят в американских рублях. Ну, я, как всегда, увлекся... А, вот еще: начиная с Александра Третьего по завоеванию Российской империей Туркестана, царь разрешил оставить у власти двух замирившихся с ним местных авторитетов — хана Хивы и эмира Бухары. В последней царское правительство учредило единственное в нашей истории посольство в собственном государстве — политическую миссию военного агента. Теперь такое уже вновь практикуется, в Чечне. Все повторяется в мире, все повторяется. Достаточно на сегодня? Желаю успехов...

Когда ехали обратно, на помойку, Швецов сказал:

— Никакой МГИМО кончать не надо, а? Выдающийся человек!

— Да уж, незаурядный, — согласился Никитин. — Что-то сплеховали мы с «Хрущевым».

— Это вам не шутки. Сказал гусь, слезая с утки... — согласился с ним куратор.

17.

Как говорится, пессимист — это тот, кто прибегает к самоубийству. Оптимист рассчитывает на землетрясение. Экс-учитель сегодня уж и сам не мог сообразить, кто он по цвету. Рядом вечно полупьяный Лысый цитировал найденную газету:

— ...Раздел семь, глава двадцать четвертая. «Порядок и условия исполнения наказания в виде смертной казни». Статья 120-я. Основанием для исполнения наказания в виде смертной казни являются вступивший в законную силу приговор суда, уведомление об отклонении жалоб, поданных в порядке надзора, и уведомление об отклонении ходатайства о помиловании...

Осужденные к смертной казни содержатся в условиях усиленной охраны и строгой изоляции в камерах не более чем по два человека...

Статья 121-я. Осужденный к смертной казни вправе:

- в предусмотренном законом порядке оформить необходимые гражданско-правовые и брачно-семейные отношения;
 - получать юридическую помощь и иметь свидания с адвокатом без ограничений их продолжительности и количества;
 - получать и отправлять письма без ограничения;
 - иметь ежемесячно («Заметьте, Михаил Васильевич: ежемесячно!») одно краткосрочное свидание с близкими родственниками;
 - иметь свидание со священнослужителем;
 - пользоваться ежедневной прогулкой продолжительностью 30 минут;
 - расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости деньги в размере, предусмотренном для осужденных, содержащихся в тюрьме на строгом режиме;
 - получать необходимую медицинскую помощь.
- Статья 122-я. («Самая интересная!») Порядок исполнения наказа-

ния в виде смертной казни. Вступивший в законную силу приговор суда к наказанию в виде смертной казни приводится в исполнение после получения уведомления об отклонении жалоб, поданных в порядке надзора, и уведомления об отклонении ходатайства о помиловании осужденного.

Смертная казнь исполняется непублично путем расстрела. Исполнение наказания в виде смертной казни в отношении нескольких лиц производится в отношении каждого отдельно и в отсутствие остальных.

При исполнении смертной казни присутствуют прокурор, представитель учреждения, в котором исполняется наказание в виде смертной казни, и врач.

Администрация учреждения обязана поставить в известность об исполнении смертной казни суд, вынесший приговор, а также одного из близких родственников осужденного. Москва, Кремль, № 160-ФЗ...

— Достаточно, Геннадий!

— Да это, собственно, и все. Осталось только...

— Хватит! — нетерпеливо перебил международника экс-учитель.

— Пожалуйста... Позвольте хотя бы рассказать в этой связи веселую историю. Можно? Так вот, одна столичная газета, которую я как-то использовал по косвенному назначению (но сначала прочел), писала о комическом случае в конвойном батальоне Внутренних войск в Средней Азии. Там старослужащие-«деды» решили подшутить над салагой-новичком, сказали, что если судья вынесет обвиняемому смертный приговор, то конвойные по инструкции 543/0962-бис обязаны того расстрелять на месте. Наивный, запуганный деревенский парень так и сделал прямо в зале суда.

Учитель поморщился:

— Какой-то Бодлер, вороний юмор.

На что лысый журналист резонно возразил:

— Да разве же мы не на человеческом кладбище?! Смелее, Василич,

вспомните Гейне: «Так бей в барабан — и не бойся! Целуй маркитантку сильней. Вот смысл высочайший искусства, вот смысл философии всей!» Последнее прости. Мы еще в вопросе лишения жизни своих подданных довольно цивилизованное государство: сто сорок стран казнят, но расстреливают только семьдесят, а в других-то, других! Вешают, забивают камнями, отрубают башку, вводят смертельные инъекции, душат газом. А электростул? Знаете, как говорится: капитализм — это США плюс электрификация каждого стула!

Никитин ничего на это не ответил. А Лысый продолжал:

— Вы, Михаил Васильевич, в связи с... хм... предстоящими в вашей жизни изменениями должны помнить о личной безопасности. Помните прогремевшую в середине восьмидесятых историю, как два сына мексиканского дипломата в Москве застрелили папашу из автомата Калашникова? Или недавнюю жуткую историю, как в аэропорту студенты порезали посла одной африканской страны? А другого — в собственном посольстве? Вообще дипломаты — профессия небезопасная: постоянные захваты посольств и персонально дипработников, теракты, шантаж... Бедные французы в Алжире. Они просто не выходят из здания своего представительства, превращенного в крепость. Там год работы идет за три, как на войне...

— Геннадий, — неожиданно для токующего журналиста перебил его Никитин, — что вы слышали об этом... начинании?

— Ничего.

— То есть... как?

— А что бы вы хотели от меня услышать? — переспросил его опытный полемист.

— Ну... общее мнение. Или ваше собственное.

— Так общее или собственное?

— И то и другое.

— Когда бедный человек просит у вас совета — дайте ему денег.

Когда он просит у вас денег — не давайте ему советов...

Никитин все же настаивал:

— Это Дон Аминадо, я знаю. Так что же?

— Скажу одно: наша публика весьма удивлена. Все эти ваши отлички и переодевания со стрижкой активно комментируются... Колбаса вообще фигура одиозная... Удивляет также отношение к вам обоим нашего трепетного руководства. Это непонятно. Это возбуждает излишнюю фантазию. Вы в курсе, что второго дня за вопрос к помпотруду Хрюне о том, куда это Хрущев по ночам ныряет, господину Сопле, задавшему его, было дано по харе, то есть, извините, по морде, трижды?

— Не-ет...

— Однако факт. Все вопросы таким образом были сняты с повестки собрания. Но не из воспаленных умов наших коллег! Коллектив, как говорится, заинтригован в высшей степени.

— И что же?

— Михаил Васильевич, позвольте я откланяюсь? Тем более что плаксивая рожа Сопли после решения оргвопроса до сих пор стоит перед моими глазами... Знаете, страх нельзя застрелить.

18.

Начало мрачного декабря ознаменовалось повышенной активностью Колбасы. Он уже прочно пропал со свалки и приезжал сюда только за тем, чтобы забрать очередной раз с собой экс-учителя или выпить с паханом. При этом, когда ему нужен был Хрущев, он общался только с ним; когда пахан — то Хрущева на банкет не приглашали. Это не обижало Никитина — бож не имеет на это право. Хотя... Хотя все его шестьдесят два года кричали: «Я не бездомный! Я не беспризорный!»

«Конечно, Никитин, ты не бездомный, — угрюмо уверял он себя волчьими завывающими ночами. —

Твой дом — берлога; твоя семья спит рядом. Вот они — как пишут под фото в газетах — слева направо: Щелчок, Лысый, Понос, Пузо, Сопля, Спидор, Хрюня, Мамон, Псиногога, Гниденьш, Шакаленок, Гоноккок, Фавно, Царь-Пушкин, Вафляев, Елесоветский, Зарублю...

Еще несколько новичков, бабы и прихлебалы-безыменники...

Отец тебе — пахан, мать — Колбаса. Во всем же остальном полная анонимность, как у пукнувшего человека в переполненном августовском автобусе».

Сегодня даже в дурном сне Никитин не мог бы представить возвращение в свою однокомнатную квартиру. Если родные ему по крови люди просто бросили его, то с чем он придет? О чем по утрам-вечерам он будет говорить с дочерью на кухне? Как справиться на пенсию отставного учителя с желанием выпить, чтобы не реагировать на телевизор и законную жизнь?

Разве сможет он теперь сдержаться в очереди или автобусе, чтобы не отбить базлающих не по делу старух?!

Почему заперлись в своих квартирах, замуровали себя актрисы Хепберн или Марлен Дитрих? Почему актер-миллионер Марлон Брандо отказался от американского гражданства, купил дикий остров у берегов Ирландии и живет там? Почему сын Рокфеллера уехал жить к людоедам и в благодарность был, конечно, ими сожран?.. И еще, и еще, и имя им — легион.

Почему люди бросают города, карьеру, связи, семьи и уходят в леса, пустыни, в заброшенные села?..

Ясно как день, назови их придурками — и все станет понятно и просто: богачи-идиоты, обожравшись икрой, ищут острые ощущения где-нибудь в Гималаях, тогда как половина России хотела бы переехать в столицы, да не к кому.

Нет, помойка честнее, чем отечественный дом для престарелых. Здесь у тебя есть основополагающее

право — право на смерть. В богадельне все же вкатят укол, чтобы ты подрыгался на этой земле еще чуть-чуть. Возьмут мочу на анализ, дадут каши. Здесь же хорошая пневмония сама разберется с крючником, сама пропишет ему диагноз, не спрашивая, так сказать, анамнез. Вероятно, право на смерть не может запретить ни одна конституция, ни одна страна и ни один режим на свете. Тебе могут прописать смирительную рубашку в дурдоме или небольшие изящные наручники в КПЗ; но ни искусственное питание, ни оздоровительный мордобой не справятся с твоим законным правом на эвтаназию. А ведь не случайно наши предки, чувствуя свою ненужность семье, обремененной неработающим лишним нахлебником, просто ложились на лавку, объявляли о своей смерти и умирали.

И оказывается, это не так уж страшно, просто подведение итогов. И ни о чем не надо жалеть: раз чего не успел сделать, то теперь уж все одно не сделаешь. А гроб, в конце концов, всего лишь два усеченных параллелепипеда...

Тут же подло профессиональный мозг выдал цитату из Киплинга: «Одна из обезьян произнесла речь и объяснила своим товарищам, что плен Маугли начинает новую эру в истории бандерлогов. Но как только Маугли подошел к стенам города, обезьяны утащили его назад, говоря, что он еще не понимает своего счастья...»

«Видно, и я также не понимаю».

Сердце старого бывшего учителя неприятно заныло, заколыхалось, как младенец в люльке, капризно стуча по ребрам, поднималось к горлу, отдавало в левый локоть. Никитин знал, что в берлоге из лекарств есть только водка, даже йода здесь не держали — и так будут хороши. Нет, правда, где-то есть сода: у помпотруду Хрюни была изжога, и он активно лизал бикарбонат натрия. Сода, однако, Никитину была не нужна. Может, сделать водки с со-

дой? Будет вроде виски с содовой...

Давай-давай, веселись, Хрущев! «Это все падла Лысый на меня хандру наводит! Все с многозначительно поднятыми бровками чернуху подбрасывает, своего кладбищенского оптимизма».

Неожиданно старый бомж Хрущев вспомнил собственные стихи юного студента Никитина:

*В чернильнице завелся черт,
он отражать мне жизнь мешает:
то за перо меня хватает,
то черные чернила пьет...*

Он вспомнил, что эти стихи хвалил даже первый поэт их курса Саша Волохов — тогда это было событие в жизни начинающего филфаковца, так как Саша уже печатался и был для всех остальных непререкаемым авторитетом.

Может, пожалеть себя? Глупо...

Надо выбивать клин клином. Нарочно завтра засосать кофе или чаю покрепче. Глядишь, что-то да произойдет, причем учителю было абсолютно все равно, что именно. Его это даже рассмешило, так как услужливая память педагога преподнесла очередной журнальный курьез. Шведский король Густав III несколько веков тому помиловал двух братьев-близнецов, приговоренных к смертной казни. Вернее, не помиловал, а обрек на смертельное медицинское испытание. В ту пору и кофе, и чай считались напитками диковинными и весьма подозрительными. Король предложил смертникам заменить усекновение головы на пожизненный эксперимент: один из братьев будет ежедневно получать кружку кофе, другой — чаю. За обоими молодыми людьми должны наблюдать уважаемые профессора Стокгольмской академии. Густав решил понять, какой из напитков смертельнее (так как полагал, что один уж точно яд).

Результат не замедлил сказаться через... пятьдесят девять лет. Увы, за это время умер главный профес-

сор-исследователь, потом к праотцам отправился его ученик. Братья, все по разным камерам, пили свою утреннюю отраву. Потом резали самого Густава III. Братья жили. Наконец, в возрасте восьмидесяти трех лет умер первый из них. Тот, что пил чай...

«Завтра куплю себе кофе!» — твердо решил его превосходительство. И тут же сам себе мысленно ответил, мол, точно поступает, как Хлестаков из «Ревизора», — того тоже бил хозяин кондитерской за пристрастие к роскошной жизни, а главное, за заявление «по поводу съеденных пирожков за счет доходов английского короля»

19.

— Геннадий Владиславович, — почти ласково обратился майор по появлении пятнадцатого числа к Лысому, — какими языками и в какой степени владеете?

— Английским, само собой. Испанским. А пассивно — итальянским, португальским. Совсем немного французским.

— На Тонге по-английски ведь говорят?

— Естественно, его понимают. В диалекте Океании, но все же... Дети и чиновники поголовно спикают, а так все больше базлают на тонгийском, это язык полинезийской группы. Хотите, чтобы подготовил более полный доклад?

— Нет, о языке не надо. Надо про религию ихнюю.

— Их религия, — тонко и незаметно съязвил на майорскую «ихнюю» международник, — протестантизм, с упором на методистскую церковь. Если рассматривать вопрос вкуче.

Но майор его перебил:

— Стоп! Дело важное. Не надо сейчас. Мы тут... подъедем вместе в одно местечко. Там завтра будет полный сбор. И, Владиславович, я тебя прошу: сегодня и завтра ханку не жрать.

— Пардон?

— Без всякого пардону — это приказ! И тереть не будем! А то ты с утра теряешь ориентир на север!

Удрученный епитимьей, но заинтригованный, журналист только по-индийски сложил ладони и поклонился грозному Швецову:

— Могу отползть?

— Да, свободны.

Когда Лысый удалился, майор еще безмолвно некоторое время приглядывался к Никитину. Потом разжал губы:

— Ну, Василич, завтра у нас большое дело: едем смотреть здание консульства, потом военный совет. Ты не волнуйся, по твоей кандидатуре вопросов не будет, ты утвержден. Посмотрим помещение, послушаем Лысого, наши выступают, туда-сюда...

— А что я должен делать, что говорить?

— Прекратить робеть, это во-первых. Во-вторых, сюда ты больше не возвращайся: мы тебе подобрали жилплощадь на время. И давай, если будет какая мысль, двинь. Есть мысль-то?

— Есть.

— Другого и не ожидал услышать.

Ночь в декабре не заканчивается никогда. В девять утра еще темно, а в четыре дня — уже. Снялись с якоря около одиннадцати. Когда в берлоге были только приживалки, Никитин и Лысый брились найденными в городском мусоре одноразовыми (а здесь — многократно)

вами) бритвами Big и освежали свои ланиты одеколоном «Шипр», который вчера не допили эстеты Фавно и Елесовский.

— Вы, Михаил Васильевич, в фунфырик добавьте простой воды немного, будет напоминать английский «Ярдли». В Лондоне так многие советские в колонии делали, — посоветовал опытный Лысый.

Он же необычным манером завязал галстук Никитина; оторвав от юбки Мялки шелковую серую полоску приклада, как-то необыкновенно смял ее и сунул в нагрудный карман пиджака будущего почетного консула.

— Ну вот, ваше превосходительство, — отойдя на полшага и склонив головушку на плечо, промолвил спец по международным отношениям. Сам же он пренебрег галстуком, а из цветного шарфика какой-то биксы соорудил себе шейный платок. — Как, монсьеор?

Никитин удовлетворенно хмыкнул. Именно в этот момент явилась та самая бикса и подняла натуральный хипиш об ужасном подломе кидалове, о том, что она, бикса, думает о двух переодетых пидорах. Продолжая улыбаться по дипломатически вежливо и сдержанно, Лысый безмолвно нанес биксе нокаутирующий удар в лоб. Загребая руками и воя, подобно легкому итальянскому пикирующему бомбардировщику «франкони», бикса отлетела под обеденный стол берлоги. Лысый спокойно обратился к экс-учителю:

— Здесь становится однообразно. Пройдем к шоссе?

В спину джентльменов только шипели потревоженные их выходкой местные толстоусые пожилые девушки.

Продолжение следует.

Новогоднее пожелание. Сто лет спустя

*С Новым годом поздравляю,
А на Старый наплевать!
Конституции желаю...
Отчего ж не пожелать?
Саша Чёрный, 1910 г.*

* * *

С Новым годом поздравляю,
А на Старый наплевать!
Конституций не желаем,
Что с неё? Ни дать ни взять...

С Конституции — что толку?
Знай пылится там, в Кремле!
Нам же с чувством, с расстановкой
Жить на грешной на земле...

Нам инструкций да указов
Сверху выдано сполна,
Предписаний — не по разу,
Методичек — до хрена!

Нам регламент — свет в окошке,
В директивах — лозунг дня!
Пусть и мелкая, но сошка
Их спускает для меня,

Вот по ним живём — не тужим,
Год за годом, день за днём,
Государю верно служим.
(Хоть гарантом и зовём...)

Бой курантов нарастает,
Где шампанское? Поднять!
Время снова подступает
Нам желанье загадать:

Чай, не лаптем щи хлебаем —
Будем верный курс держать!
Инноваций мы желаем!
Отчего ж не пожелать?

А зачем? Не наше дело!
И о том не нам судить,
Но за это — выпьем смело,
Не забыв про «закусить»,

Наш народ себе привычно,
Как всегда под Новый год,
Под призывы власти зычной
Сто грамм водочки нальёт,

А потом ещё грамм двести...
И продолжит до утра,
Так весь праздник, честь по чести,
Проведём мы на ура!

Бой курантов затихает.
Через год всё повторим —
Что душа ни пожелает,
В жизнь тотчас же претворим!

НОВОГОДНИЕ ПРИМЕТЫ

- Если сосулька упала не вниз, а вверх, значит, ваше новогоднее желание исполнится с точностью до наоборот.
- Если праздничные петарды взрываются у вас в туалете, значит, пора сливать воду.
- Если иголки на елке посинели, значит, елочке больше не наливать.
- Если на призыв «елочка, гори!» вы слышите нецензурный ответ, значит, вы пытались поджечь зеленое пальто жены.
- Если в Новый год голый Дед Мороз выходит из шкафа, значит, сегодня он подарил вам рога.
- Если под карнавальной маской вы обнаружили самого себя, значит, в новом году налоговой инспекции откроется ваше истинное лицо.
- Если под Новый год по телевизору нет «Иронии судьбы», значит, не судьба.
- Если под Новый год по телевизору вместо «Песни года» выходит «Фабрика звезд», значит, нашелся кто-то круче Крутого.
- Если «Голубой огонек» стал еще голубее, значит, в предстоящем году меньшинство опять будет в большинстве.
- Если под Новый год вы с друзьями пошли в баню, значит, потом весь год не отмоеетесь.
- Если снежинка упала вам на ладонь и не тает — вам нужно срочно выпить, чтобы согреться.
- Если наутро 1 января вы свежи как огурчик, значит, до вашего совершеннолетия вас еще не раз навестит Дед Мороз.
- Дед Мороз требует от вас подарка — копите деньги на взятки.
- Дед Мороз от вас уходит не собирается — вам предстоит уплотнение жилплощади.

- Снегурочка исполняет стриптиз вокруг елки — весь год проживете по принципу «И хочется, и колется!».
- Снегурочка обращается к вам: «Позолоти ручку! Всю правду скажу!» — весь год проведете в поисках цыганского счастья и своих пропавших вещей.
- Если инспектор ГИБДД размахивает на дороге полосатым посохом — значит, он рассчитывает заработать сегодня годовую зарплату.
- Если в мешке Деда Мороза новогодние подарки только из секс-шопа, значит, в предстоящем году вам надо расслабиться и получать удовольствие.
- Праздничный салют прямо в доме — во всем виноват Чубайс!
- Новогодние свечи не горят — геморрой уже на пороге.
- Если в звоне фужеров вам слышится российский гимн, значит, в прошедшем году патриот победил в вас человека.
- Куранты бьют двенадцать раз каждые пять минут — год будет ударный!
- Если вы пьете и пьете, а Новый год все никак не наступает, значит, вы еще не выпили прошлогоднюю норму.
- Если 1 января за новогодним столом звучит «Горько!», значит, после всего случившегося накануне вам придется жениться — либо на Снегурочке, либо на Дede Морозе.
- Вытащить пробку из шампанского до утра так и не удалось — в новом году на дорогах вас ждут страшные заторы.
- Если, несмотря на хлопушки, ваши гости продолжают спать мертвым сном, значит, всю водку они уже прихлопнули.
- Если утром вы не нашли подарка в носке, значит, вы его просто забыли снять на ночь.
- Вы сравнили жену со Снежной Королевой — за предстоящий год вы превратитесь в Голого Короля.
- Если вы выбросили старые вещи из окна, а утром проснулись среди них опять, значит, вы не помните, как вылетели следом за ними.
- Если Дед Мороз дергает себя за бороду, а она не отрывается, значит, он забыл произнести волшебное заклинание «трах-трах-тиби-дох!».
- У снежной бабы морковка торчит не вверх, а вниз — в предстоящем году вам предстоит перемена пола.
- Если все депутаты выступают в костюмах Деда Мороза, значит, подарками на четыре года вперед они себя уже обеспечили.
- Если Дед Мороз упорно именуется Санта-Клаусом, значит, в новом году за все вам придется расплачиваться в у. е.
- Если ваш шеф отказывается катать вас на саночках вокруг елки и кричать «И-го-го!», значит, вас прокатят по службе.
- Если в Новый год вам не хочется выпить, значит, вы уже затянулись «косячком».
- Вместо елки под Новый год вы наряжаете пальму — вы явно перегрелись на Канарах.
- Дед Мороз предлагает вам Снегурочку со скидкой — интимные услуги в предстоящем году подешевеют.
- Если в Снегурочке вы узнали свою любовницу, а в Дедушке Морозе — любовника, значит, вы по-прежнему мужчина хоть куда и хоть в кого.
- Хоровод вокруг елки сопровождается криками «Елки-палки!» — в предстоящем году вам придется много наломать первого и кинуть второго.
- Если Дед Мороз дарит вам нефтяную компанию, значит, вы уже давно пробурили ходы в правительство.
- Если Снегурочка под Новый год рекламирует морозоустойчивые прокладки, значит, про отопление в этом году забудьте.
- Если Дед Мороз под Новый год пьет кока-колу вместо шампанского, значит, вопрос со спонсором на предстоящий год уже решен.

г. Челябинск

Галка ГАЛКИНА

Быть нолем — это мой крест... Каждый писатель — жертва собственных произведений... Все графоманы имеют общий слог с графом Толстым...

*Александр Сорокин,
Ставрополь*

Галка ГАЛКИНА:

Александр, в Ваших словах — отчаяние, настоящее на горьком опыте. Чувствуется, что словами Вы бросаться не привыкли. Но уж ежели сказали что-то — как отрезали: ноль — крест, жертва!

Самокритика — это, конечно, хорошо, но и она должна иметь свой предел. Хорошо, что Вы его, этот предел, сами и обнаружили: «Общий слог с Толстым». Стало быть, скорую вызывать не надо. Тревога была ложной. Сами крикнули «караул!», а потом сами же к себе и пришли на помощь: спасение утопающих — дело рук самих утопающих!

А ведь кто-то мог бы пройти мимо и не заметить подвиг Александра. Да еще бы и сказали: мол, ерунда. Ан нет, не ерунда. Александр Сорокин из Ставрополя, господа хорошие, показал хороший пример того, как надо выходить из кризиса. Тому же нас и классика учит. Вспомним незабвенного барона Мюнхгаузена, который взял да и вытащил себя из болота. Вот всем бы так.

И потом. Да что там слог общий? И корень у графомана с графом тоже ведь общий: граф! Так что еще не ясно, кто кому обязан: мы ему или он нам?!

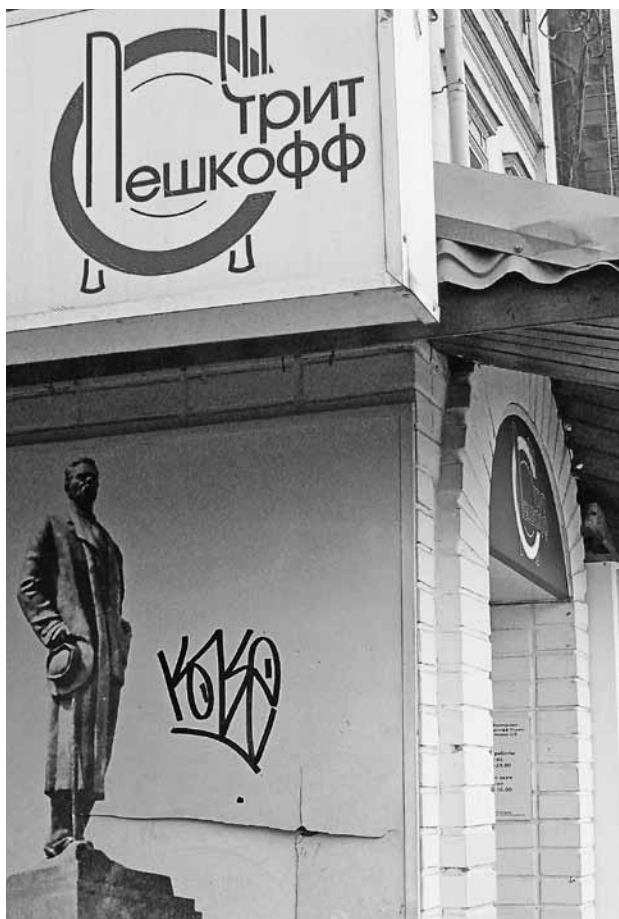
Навстречу дня

- ☞ *Где та страна, которая встает, кудрявая?*
- ☞ *За все отвечу заре навстречу!*
- ☞ *Настало утро, нутро бормочет!*
- ☞ *Настало счастье, вот вам и здрасте!*
- ☞ *Настала эпоха, и всем неплохо!*
- ☞ *Настали холода, приуныла борода!*
- ☞ *Настал новый год, погрустнел народ!*
- ☞ *Умылся снегом, стал печенегом!*
- ☞ *Прошел по улице — народ все хмурится!*
- ☞ *Если вспомнишь Дед Мороза — встретишь праздник без наркоза!*

Рекомендации по покупке елок и лепке баб

- * *Если баба полновата, значит, выпил маловато!*
- * *Если баба пышет жаром, то получишь елку даром!*
- * *Если елка до пупка, значит, девушка низка!*
- * *Если елка до макушки, вешай с девушкой игрушки!*
- * *Если баба косолапа, значит, баба та собака!*
- * *Если баба вся в снегу, за морковкой побегу!*
- * *Если елочка пушиста, жди на праздник пацифиста!*
- * *Где твои коньки-салазки, бабы, слезы, водолазки?*
- * *Нету счастья в Новый год, жди его наоборот!*
- * *Если бабу лепит дед, проживет он тыщу лет!*

© Фото Ярослава ЛИТВИНЕНКО

**SMS'ка, посланная дурочке Снегурочке:
На Охте не охай, а на Томи не томи!**

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ЮНОСТЬ» ЗА 2010 ГОД

ПРОЗА

Владимир БАЕВ	
КАТЮХА Рассказ	9
Юрий БЛИНОВ	
ГОЛОД НЕ ТЕТКА, ПОЖАР НЕ УГАР Тяжелые страдания ..	10
Зоя БОГУСЛАВСКАЯ	
ОШИБКА Короткий рассказ	9
Алла ДУДЧЕНКО	
ТАКОЕ КИНО Маленькая повесть	3
Дмитрий ИГУМНОВ	
РАССКАЗЫ	6
Олег ЛАПШИН	
РАССКАЗЫ	7–8
Альберт ЛИХАНОВ	
МАЛЬЧИК, КОТОРОМУ НЕ БОЛЬНО	
НЕ СКАЗКА ДЛЯ НЕ ВЗРОСЛЫХ	1
ДЕВОЧКА, КОТОРОЙ ВСЁ РАВНО Повесть	6
Георгий ПРЯХИН	
ЗВЕЗДА ПЛАКУЧАЯ Роман	1, 2, 3, 4, 5, 6
ДОПРОС Пьеса для чтения	9
Наталья РУБАНОВА	
СПЕРМАТОЗОИДЫ Роман	9, 10, 11, 12
Елена САЗАНОВИЧ	
ВСЁ ХОККЕЙ! Роман[с]	2, 3, 4, 5, 6, 7–8
Кирилл САФОНОВ	
ДВА РАССКАЗА	10
Олег СУВОРИНОВ	
РАССКАЗЫ	11
Елена ТАХО-ГОДИ	
ВЫШИВКА КРЕСТОМ Рассказ	7–8
Лера ТИХОНОВА	
РАССКАЗЫ	12
Нина ТУРИЦЫНА	
ДВА РАССКАЗА	7–8
Александр ЯКОВЛЕВ	
ВОДЫ СТАРОЙ МЕЛЬНИЦЫ Повесть	4
ПОЭЗИЯ / ПЕРЕВОДЫ	
Тадеуш ДОМБРОВСКИЙ (Польша)	10
ПОЭЗИЯ	
Ирина АЛЕКСЕЕВА	10
Александра АННИНСКАЯ	11

Лев АННИНСКИЙ	11
Мария АННИНСКАЯ	11
Екатерина АННИНСКАЯ	11
Анастасия АННИНСКАЯ	11
Сергей АРУТЮНОВ	5
Алексей БОРЫЧЕВ	9
Ирина ВАСИЛЬКОВА	12
Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ	6
Светлана ГОЛОВЦОВА	12
Максим ЗАМШЕВ	9
Елена ИВАНОВА-ВЕРХОВСКАЯ	7–8
Кирилл КОВАЛЬДЖИ	3
Леонид КОЛГАНОВ	5
Алексей КОТЕЛЬНИКОВ	4
Лев КОТЮКОВ	10
Борис КУТЕНКОВ	7–8
Станислав ЛИВИНСКИЙ	2
Борис ЛУКИН	11
Риу ДЕЛЬ МАГРА	3
Анна МАРКИНА	11
Дмитрий МИЗГУЛИН	11
Анастасия МУРТАЗИНА	4
Людмила ОСОКИНА	10
Сергей ПОПОВ	10
Виктор ПРОНИН	9
Екатерина РАТНИКОВА	4
Светлана РАХМАНОВА	3
Андрей РОМАНОВ	9
Олеся РУДЯГИНА	7–8
Ольга РЫЧКОВА	2
Борис РЯБУХИН	4
Юрий РЯШЕНЦЕВ	6
Светлана СОЛОЖЕНКИНА	1
СТИХИ МОЛОДЫХ ПОЭТОВ ЯРОСЛАВЛЯ	6
Галина ТАЛАНОВА	12
Александр ТАРАСЕНКО	12
Сергей ТЕЛЮК	10

Ирина ТРОИЦКАЯ.....	10
ФЕСТИВАЛЬ ПОЭЗИИ В ГРУЗИИ	5
КОТОВАСИЯ	
Алексей ПАВЛОВ	
НЕВЕЛЬСКИЕ КОТЫ	3
55 ЛЕТ ЖУРНАЛУ «ЮНОСТЬ» / ТЕМА НОМЕРА	
«ЮНОСТЬ» НАВСЕГДА	6
ЗОНА ШЕКЛИ И БРЭДБЕРИ	
Хелью РЕБАНЕ	
ДВА РАССКАЗА	7–8
Андрей ЩЕРБАК-ЖУКОВ	
ТОНКИЕ СВЯЗИ Лирический цикл	7–8
ПУТЕШЕСТВИЯ	
Михаил ПОЛЯТЫКИН	
ИЗ МОСКВЫ В ПЕТЕРБУРГ ПО СЫРОЙ ВОДЕ	10
Феликс ШВЕДОВСКИЙ	
ИНДИЙСКИЙ ДНЕВНИК	4, 7–8, 10
РАЗНООБРАЗИЕ СЛОГА / ТЕМА НОМЕРА	
Дмитрий ЕВСЕЕВ	
«...ДА ИЗ “БУДИЛЬНИКА” В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ 20...»	9
Светлана КАЙДАШ-ЛАКШИНА	
РАЙСКИЙ ВИШНЕВЫЙ САД	3
Владимир КОРКУНОВ	
ПОДРЕЗАННЫЕ КРЫЛЬЯ.	
«САВЕЛОВСКИЙ ПЕРИОД» МИХАИЛА БАХТИНА	9
Ирина ОЗЁРНАЯ	
КОРОЛЬ И СКАЗОЧНИК	4
Ирина РУДНЕВА	
ЛИТЕРАТУРНО-ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ	
О РОМАНЕ «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»	6
Михаил СИНЕЛЬНИКОВ	
УЗЕНЬ БОЛЬШОЙ И МАЛЫЙ	7–8
НАШИ ДИАЛОГИ	
Валерий КОЗЛОВ	
ГДЕ ЖЕ БАЗАРОВЫ	
В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ?	1
НАШЕ ВСЁ	
Игорь МИХАЙЛОВ	
НЕЗНАКОМЫЙ ЧЕХОВ	2
НАСЛЕДИЕ	
Натан ЗЛОТНИКОВ.....	12
Аким ЛЕВСКИЙ	
СОКОЛЫ ПУПЬ	1
Анатолий КОБЕНКОВ	9
Евгений ЧИРИКОВ	
МСТИТЕЛИ (послесловие Марии Михайловой)	10
«ДА СВЯТИТСЯ ИМЯ ТВОЕ!»	11
Николай ЧУКОВСКИЙ	
В ОСАДЕ	5

БЫЛОЕ И ДУМЫ

Дмитрий БОБЫШЕВ

УВИЖУ САМ

Человекотекст..... 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7–8, 9, 10, 11, 12

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

Борис ВОЙТЕХОВ

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ СЕВАСТОПОЛЯ

7–8

Николай МИТРОФАНОВ

ЕМУ ВЕЗЛО НА НЕСКУЧНЫЕ АМПЛУА.....

7–8

ЗАТАИВ ДЫХАНИЕ

По просьбе читателей у нас снова в гостях

АЛЛА МАЙКОВА

7–8

Юрий ШАТРАКОВ

СКИТАНИЯ И ВОЗВРАЩЕНИЕ

ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ.....

5

ШУМ ВРЕМЕНИ

Мария БОГАТЫРЬ

ПО ВЕЛЕНИЮ СУДЬБЫ

5

Рустем ВАХИТОВ

ЦАРЕУБИЙСТВА И МОНАРХИЯ

2

Алексей СКОВОРОДА

ПИСЬМА С ФРОНТА

ЧТОБЫ СВЕЧА НЕ ПОГАСЛА.....

5

КАК ЖИТЬ

Светлана КАЙДАШ-ЛАКШИНА

ЖЕНСКИЕ ВЕДЫ, ИЛИ КАК ДОСТИЧЬ

ЖЕНСКОГО СЧАСТЬЯ.....

12

Ирина ОЗЁРНАЯ

ПОД АБАЖУРОМ.....

10

Александр ПОПОВ

МАМАМАТЕМАТИКА

1

ЗАМЕТКИ НЕТЕАТРАЛА

Лев АННИНСКИЙ

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7–8, 9, 10, 11, 12

МЕЧТЫ И ЗВУКИ

Максим ЗАМШЕВ

ПОСЛЕСЛОВИЕ НА БУДУЩЕЕ.....

7–8

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

Елена ЗЕЙФЕРТ

ЗАКОН УЛИТКИ.....

1

Владимир КОРКУНОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ, ОТПУЩЕННЫЕ В МИР.....

9

Игорь МИХАЙЛОВ

«ВСЕМОГУЩИЙ МИРАЖ» И «МУЗЫКА СТРАСТИ»

4

ИЛЬФ, ПЕТРОВ, КАТАЕВ: «ВРЕМЯ, ВПЕРЕД!»

9

НЕЖЕНСКАЯ ЛОГИКА

12

20-Я КОМНАТА

// от пятнадцати и старше //

Кирилл АРКАДЬЕВ

ИЗ ЦИКЛА «ИЗНАНКА СОЗНАНИЯ»

9

Рустем ВАХИТОВ		Зулкар ХАСАНОВ	
КОНТКУЛЬТУРА И КАПИТАЛИЗМ	2	(г. Калуга)	1, 3, 4, 5, 6, 7–8, 9, 10, 11, 12
Ксения ИГНАТКИНА		Светлана ЧЕРТКОВА (г. ВИСАГИНАС, ЛИТВА)	3
«ОДНИМ ИЗ ГЛАВНЫХ ИСТОЧНИКОВ МОЕГО ВДОХНОВЕНИЯ ЯВЛЯЕТСЯ ЛИТЕРАТУРА»	3	Юрий ШАТРАКОВ (г. Москва)	1, 2, 3, 11
Ольга МАРКЕЛОВА		ДЕТЕКТИВ НА НОЧЬ	
VOX POPULI VOX DEI. ГРАФФИТИ И АФОРИСТИКА	4	Валерий ИЛЬИЧЕВ	
Анна УФИМЦЕВА		СТРАСТИ СЫЩИКА ПЕРОВА	1, 2, 3, 4, 5, 6, 7–8, 9
ОДА НЕАМБИЦИОЗНЫМ	11	Евгений РЫК	
БИБЛИОТЕКА ПЕРЕВОДА		ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО ПЛУТОВСКОЙ РОМАН ...	10, 11, 12
Готфрид БЕНН		ГОРОД КИНО	
Перевод и вступительная статья Людмилы Болотновой	2	Александр ГАЛКИН	
Шеймас Джастин ХИНИ		НОСТАЛЬГИЯ ПО ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЮ	
Перевод Евгения Никитина	2	О ТВОРЧЕСТВЕ АНДРЕЯ ТАРКОВСКОГО	11, 12
ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС		ОТ СЕРДЦА К СЕРДЦУ	
Ольга АГЕЕВА (г. Москва)	12	Юбилей МАСТЕРА	
Сергей АЛЕКСЕЕВ (г. Бийск)	12	О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРА МАХОВА	11
Владимир БАЙБИЧЕВ (г. Москва)	10	ЗЕЛЕНый ПОРТФЕЛЬ	
Михаил БАЛАКИН (г. Спас-Клепики)	11	Валерий АНТОНОВ	
Юрий БЕЛЯЕВ (г. Кострома)	2	ПАПАРАЦЦИ	4
Татьяна ВЕЛИКАНОВА (г. Москва)	5	ДУЭЛЬ	5
Софья ГЕТЬМАН (г. Москва)	12	САПРЫКИН И ЯБЛОКО	6
Юлия ЁЛГИНА (г. САТКА, ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ)	10	НОВОГОДНЕЕ ПОЖЕЛАНИЕ. СТО ЛЕТ СПУСТЯ	
Юрий ИГНАТЕНКО (г. Москва)	12	НОВОГОДНИЕ ПРИМЕТЫ	12
Тамара КАЛИНИНА (г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)	9	Аркадий БУХОВ	
Константин КОВАЛЕНКО (г. Москва)	9	МЕСТЬ МЕРТВЫХ	7–8
Наталья КРОФТС (г. Херсон)	11	Владимир ГРИПАК	
Михаил ЛОКОЩЕНКО (г. Москва)	6	ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ ЕЗДА	9
Елена ЛУЖКОВА (г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)	4	Ирина ИЛЬИНА	
Максим МОКШАНЦЕВ (ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ – МОСКВА) ..	7–8	СТРАННОЕ ЗАВЕЩАНИЕ	11
Жанна НЕЙГЕБАУЭР (г. Москва)	10	Павел МИХНЕНКО	
Татьяна ОРЛОВА (г. Москва)	3	ПРО КОСМОНАВТА КУЗЬКИНА	1, 2, 3
Алла ПОПОВА (г. Москва)	6	Генрих ПАЛОЯН	
Татьяна РЯДЧИКОВА (г. Москва)	3	ГОРЕ ТАЛАНТУ, ИЛИ СОВЕТ НАЧИНАЮЩИМ	10
Людмила САНИЦКАЯ (г. Москва)	11	НА СТЕНДАХ «ЮНОСТИ»	
Александр СЕРГЕЕВ (г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)	11	Вера ЖУКОВА	
Александр СТАРКОВ (ТВЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ)	2	«ИЗМЕНИЛОСЬ ВСЕ, НО НЕ ДЛЯ МЕНЯ»	12
Виктор СТЕПАНОВ (г. Минск)	2	ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ	
Наталья ТРУБИНОВСКАЯ (г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)	12	Галка ГАЛКИНА	1, 2, 3, 4, 5, 6, 7–8, 9, 10, 11, 12
Иван ТРУШКИН (г. Москва)	7–8	VERIORA VERIS	
		Шалун ГЕО,	
		ЧЕЛОВЕК-ОРКЕСТР	1, 2, 3, 4, 5, 6, 7–8, 9, 10, 11, 12

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ «ЮНОСТЬ» ЧЕРЕЗ РЕДАКЦИЮ

Оплатите подписку в любом банке и отправьте копию квитанции (а также бланк-заказ на подписку) одним из предложенных способов:

1. На электронный адрес unost-reklama@mail.ru.
2. По факсу: 8 (495) 250-40-72/74.
3. По адресу: 125047, Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская, д. 8, стр. 1.

Подписка на журнал «Юность» через редакцию гарантирует вам:

- оформление доставки начиная с любого месяца года.
- предоставление полного пакета бухгалтерской документации (для юр. лиц).
- доставка журнала заказной бандеролью, что исключает потерю журнала при транспортировке.

КОНСУЛЬТАЦИИ У СПЕЦИАЛИСТОВ

Читатели журнала «Юность», имеющие годовую подписку, могут получить бесплатную консультацию у специалистов (литературоведов, критиков, прозаиков, поэтов), входящих в творческий актив журнала!

Объем присылаемых на консультацию рукописей ограничен:

1. Проза — до 10 страниц.
2. Поэзия — 8–10 стихотворений (не более 200 строк).
3. Драматическое произведение — одноактные пьесы и басенные циклы (не более 5 наименований в цикле).

4. Критические материалы — не более 2–3 страниц.
5. Литературоведческие работы — до 5 страниц.
6. Очерки и публицистика — до 3 страниц.

Размер шрифта присланных произведений не менее четырнадцатого.

Наши консультанты могут рекомендовать ваши произведения к публикации на страницах журнала «Юность».

Консультации проводятся по телефону и по скайпу.

Телефон для справок: 8 (495) 250-40-60.

Бланк-заказ подписки на журнал «Юность»

- Да, я подписываюсь на 6 номеров журнала «Юность» – 780 руб.
 Да, я подписываюсь на 12 номеров журнала «Юность» – 1500 руб.

Мой адрес:

Индекс:	Республика	
Район		
Город / село		
Улица	Дом	Квартира
Фамилия, Имя, Отчество подписчика:		
Телефон:		

Извещение	Получатель платежа: НП «Редакция журнала Юность» Московский банк Сбербанка России ОАО г. Москва ИНН: 7710047052 КПП: 771001001 Расчетный счет № 40703810138040100906 ОАО «Сбербанк России» г. Москва, БИК 044525225 Корр. Счёт: 30101810400000000225			
	Ф.И.О. и адрес плательщика			
	Вид платежа:	Дата	Сумма	
	Подписка на журнал «Юность»			
	Плательщик:			
	Квитанция	Получатель платежа: НП «Редакция журнала Юность» Московский банк Сбербанка России ОАО г. Москва ИНН: 7710047052 КПП: 771001001 Расчетный счет № 40703810138040100906 ОАО «Сбербанк России» г. Москва, БИК 044525225 Корр. Счёт: 30101810400000000225		
		Ф.И.О. и адрес плательщика		
Вид платежа:		Дата	Сумма	
Подписка на журнал «Юность»				
Плательщик:				

Вера ЖУКОВА

Вера Жукова родилась в Москве, окончила геологический факультет МГУ им. Ломоносова, работает геологом-геофизиком.

В 2005–2008 годах училась в художественной школе С. Андрияки под руководством замечательной художницы Л. Лесохиной.

Последние годы много путешествует. В своих акварельных работах старается передать красоту окружающего мира.

«ИЗМЕНИЛОСЬ ВСЕ, НО НЕ ДЛЯ МЕНЯ»

*Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утолить ненужную тревогу...*

Анна Ахматова

— Вера Григорьевна, как Вы думаете, изменилась ли роль живописца в наши дни по сравнению с эпохой Возрождения?

— От искусства, как и от всякой другой силы, имеющей божественную природу, человек требует прежде всего чудес. И эти чудеса золотого века — классического Возрождения — накопили так много всем понятных и никем не оспариваемых совершенств. Поэт, художник, архитектор, строитель в ту эпоху были «властителями дум». Сейчас, в наши дни, — не знаю. Изменилось все, но не для меня.

— На какие традиции Вы опираетесь в своем творчестве?

— Мне близка школа русского реализма.

— Расскажите о самой удачной своей работе.

— Я думаю, что самая удачная работа у меня впереди.

— Художник должен идти в народ или бежать от народа к полному одиночеству?

— Ни идти, ни бежать я никуда не хочу. Сидеть перед мольбертом, думать, чувствовать, смотреть, писать, слушать музыку — вот что мне нравится.

— Что Вы пожелаете себе и читателям «Юности» в новом году?

— «Юность» — журнал моей юности. И спасибо ему, что он есть. Себе желаю здоровья и удачи, всем читателям «Юности» — интересно жить: много читать, слушать хорошую музыку, ходить на выставки, ошибаться, влюбляться, мечтать, заниматься любимым делом.

Беседовал наш спецкор Игорь Рутковский